

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 10 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Проблемы
организационно-правового
обеспечения региональной
безопасности в субъектах
Российской Федерации

Социальное доверие
и нормативно-правовое
измерение в опыте
китайского общества:
ценностный аспект

Государственный
оборонный заказ: аспекты
совершенствования правовой
регламентации
сопровождаемых сделок

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 10 (227)
октябрь 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 16.10.2025
Объем 16,74 усл. печ. л. (12,61 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 10 (227)
October 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

16.10.2025
Volume: 16,74 conventional printer's sheets (12,61 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Беляева О. А.** Государственный оборонный заказ:
аспекты совершенствования правовой регламентации сопровождаемых сделок 9
- Низамиева О. Н.** Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров . . . 21

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Топилина Т. А.** Автоматизированное формирование процессуальных
документов в досудебном производстве по уголовному делу 44

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Ирошников Д. В.** Проблемы организационно-правового обеспечения
региональной безопасности в субъектах Российской Федерации. 58
- Косырев Е. В.** Проблемы реализации полномочий федеральных
органов исполнительной власти в сфере правового просвещения населения
в контексте обеспечения внутреннего государственного суверенитета 69

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

- Володина С. В.** Социальное доверие и нормативно-правовое
измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект 82
- Кузнецова С. С.** Особенности правового регулирования скоринга
в Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе. 90

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

- Пржиленский В. И.** Социально-философские и концептуально-теоретические основания
исследования российского уголовного судопроизводства в условиях
цифровой трансформации общества и государства 107

СYBERSPACE / КИБЕРПРОСТРАНСТВО

- Тумаков А. В.** Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта 117
- Кисленко С. Л.** Киберфизическая модель современного
энергетического сектора и актуальные проблемы информационной безопасности 127

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Belyaeva O. A.** State Defense Order: Aspects of Improving
the Legal Regulation of Accompanied Transactions 9
- Nizamieva O. N.** Social and Values-Based Foundations of Functioning of Family-Law Agreements 21

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Topilina T. A.** Automated Generation of Procedural Documents
during the Pretrial Phase of a Criminal Case 44

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Iroshnikov D. V.** Issues of Organizational and Legal Provision
for Regional Security in the Constituent Entities of the Russian Federation 58
- Kosyrev E. V.** Challenges in Implementing the Powers of Federal Executive Authorities
in the Field of Public Legal Education in the Context of Ensuring the State's Internal Sovereignty 69

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Volodina S. V.** Social Trust and the Regulatory Dimension
in the Experience of Chinese Society: Axiological Aspect 82
- Kuznetsova S. S.** Features of Legal Regulation of Scoring
in the United States of America and the European Union 90

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

- Przhilenskiy V. I.** Socio-Philosophical and Conceptual Theoretical Foundations
of the Study of Russian Criminal Justice in the Context
of Digital Transformation of Society and the State 107

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Tumakov A. V.** The Legal Paradigm for Protecting the Rights of the Digital Object Owner 117
- Kislenko S. L.** The Cyberphysical Model of the Modern Energy Sector
and Current Problems in Information Security 127

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.009-020

О. А. Беляева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Государственный оборонный заказ: аспекты совершенствования правовой регламентации сопровождаемых сделок

Резюме. Актуальность статьи заключается в изучении ключевых параметров сопровождаемых сделок государственного оборонного заказа в целях их правильной юридической квалификации среди других договоров в современном гражданском обороте. Работы по данной проблематике в современной цивилистической науке не представлены. Цель исследования состоит в обосновании причин появления такой категории сделок в гражданском обороте, выявлении их негативных признаков. Задачу статьи автор видит в обосновании принципиальной допустимости расширения субъектного состава участников сопровождаемых сделок за счет включения в них граждан (физических лиц). Автор анализирует применение сопровождаемых сделок субъектами, входящими в оборонно-промышленный комплекс. Используются общенаучные (анализ, моделирование, аналогия, гипотеза), частнонаучные (формально-логический, системный, функциональный) методы, а также формально-юридический метод и метод правового моделирования. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что система сопровождаемых сделок государственного оборонного заказа будет изжита в краткосрочной перспективе за счет внедрения цифрового рубля. Именно цифровой рубль содержательно дублирует любое сопровождение (будь то казначейское или банковское). Автором сформулированы актуальные направления совершенствования контрактации в отношении по государственному оборонному заказу.

Ключевые слова: бюджетные средства; государственный заказчик; государственный оборонный заказ; оборонно-промышленный комплекс; публичные закупки; сопровождаемые сделки; цифровой рубль

Для цитирования: Беляева О. А. Государственный оборонный заказ: аспекты совершенствования правовой регламентации сопровождаемых сделок. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.009-020

State Defense Order: Aspects of Improving the Legal Regulation of Accompanied Transactions

Olga A. Belyaeva

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of the paper lies in the study of key parameters of accompanied transactions within the framework of the state defense order, aimed at their proper legal qualification among other contracts in modern civil circulation. There are no scientific works on this issue in contemporary civil law scholarship. The purpose of the research is to justify the reasons for the emergence of such a category of transactions in civil circulation and to identify their negative characteristics. The author sees the task of the article as justifying the fundamental

© Беляева О. А., 2025

permissibility of expanding the composition of participants in accompanied transactions by including individuals. The author analyzes the application of accompanied transactions by entities within the defense industry complex. Methodologically, the paper employs a range of general scientific methods (analysis, modeling, analogy, hypothesis), specific scientific methods (formal-logical, systemic, functional), as well as formal-legal and legal modeling methods. The results of the research led to the conclusion that the system of accompanied transactions in the state defense order will be phased out in the short term due to the introduction of the digital ruble. The digital ruble effectively duplicates any form of accompaniment (whether treasury or banking). The author outlines relevant directions for improving contracting in relationships concerning the state defense order.

Keywords: budgetary funds, state customer, state defense order, defense industry complex, public procurement, accompanied transactions, digital ruble

Cite as: Belyaeva OA. State Defense Order: Aspects of Improving the Legal Regulation of Accompanied Transactions. *Lex russica*. 2025;78(10):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.009-020

Введение

Сопровождаемые сделки государственного оборонного заказа регламентируются отечественным законодательством на протяжении 10 лет¹. Понятно, что в исторической ретроспективе развития правопорядка это всего лишь мгновение. Любые сделки, образуя кровеносную систему гражданского оборота, не существуют изолированно, а подвержены воздействию разного рода стремительно развивающихся общественных отношений: по кругу лиц, перечню объектов, правилам ведения финансовых операций и пр. Сопровождаемые сделки — не исключение.

Сопровождаемые сделки государственного оборонного заказа крайне редко попадают в орбиту научных исследований, хотя их специфические черты интересны, а главная проблема, как представляется, сосредоточена в правильном определении их маркеров — конкретных параметров, по которым гражданско-правовой договор может быть назван сопровождаемой сделкой.

Важно определиться и с перспективой трансформации их регулирования в русле развития нашего правопорядка в целом.

«Сопровождаемая сделка» — это специальный термин, входящий в понятийно-категориальный аппарат только Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»² (далее — Закон о государственном оборонном заказе), другие нормативные правовые акты им не оперируют. Сопровождение сделки может быть двух видов:

казначейское либо банковское; сопровождение означает невозможность произвольного (по усмотрению сторон) открытия счетов для движения денежных средств, напротив, допустимо использование либо казначейского счета, либо банковского счета с особым правовым режимом и исключительно в уполномоченном банке³. Проще говоря, сопровождение — это финансовый контроль.

Но сложность заключается в том, что недостаточно определиться с самим сопровождением (есть ли оно и кто конкретно его осуществляет), требуется изучить и иные признаки, по которым традиционно выстраивается юридическая квалификация сделки, формируется специальный правовой режим, в который она помещается (помимо норм общегражданского закона).

1. Оборонно-промышленный комплекс и государственный оборонный заказ: идентичность или корреляция?

Начать необходимо с определения круга отношений, в которых применяются сопровождаемые сделки государственного оборонного заказа. В последние годы в силу известных причин, обусловленных геополитической обстановкой, в юридическом лексиконе и даже в словарном запасе обычных граждан широко применяются термины «оборонно-промышленный комплекс» и «государственный оборонный заказ». Однако их легальная дефиниция отнюдь неясна. Так,

¹ См.: Федеральный закон от 29.06.2015 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном оборонном заказе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3950.

² СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. I. Ст. 7600.

³ См.: гл. 24.2 БК РФ, гл. 3.3 Закона о государственном оборонном заказе.

понятие «оборонно-промышленный комплекс» в действующем законодательстве полностью не раскрыто. Попытки усвоить его содержание через смежные категории, такие как «интегрированная структура оборонно-промышленного комплекса», «опорный банк для оборонно-промышленного комплекса», «федеральное унитарное предприятие, имеющее стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса»⁴, малорезультативны, поскольку и в их раскрытии законодатель максимально лаконичен.

Ясно одно — речь идет об определенных юридических лицах, деятельность которых крайне важна для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, более того, современные ученые обоснованно называют их ключевым элементом военной организации государства⁵. Они включаются в сводный реестр, относящийся к информации ограниченного доступа⁶. Именно в Положении о ведении сводного реестра организаций оборонно-промышленного комплекса предусмотрены три вполне конкретных критерия, на основании любого из которых организация будет отнесена к оборонно-промышленному комплексу.

Во-первых, наличие у хозяйствующего субъекта оборудования, производственных площадей, квалифицированных кадров для разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники, а также для производства определенного вещевоего имущества (текстиля, одежды, изделий из кожи). Это фактический критерий.

Во-вторых, к оборонно-промышленному комплексу относятся юридические лица, в состав активов которых входят контрольные пакеты акций вышеуказанных хозяйствующих субъектов. Это критерий корпоративного контроля.

В-третьих, в оборонно-промышленный комплекс входят организации, участвующие в

выполнении заданий государственного оборонного заказа, и (или) обеспечивающие их реализацию с соблюдением режима использования отдельного счета, и (или) имеющие мобилизационное задание. Это функциональный критерий.

Первая группа субъектов может обладать необходимыми мощностями, но не иметь заданий государственного оборонного заказа и, соответственно, не заключать сопровождаемые сделки. Второй группе субъектов нет необходимости вступать в сопровождаемые сделки. Третья группа — это непосредственные участники сопровождаемых сделок, но не только они: к данной группе относятся и сами «сопровождающие» — банки, в которых открыты специальные счета для расчетов по сопровождаемым сделкам, но они не являются стороной этих сделок.

С учетом изложенного вхождение организации в состав оборонно-промышленного комплекса само по себе не означает, что она заключает сопровождаемые сделки государственного оборонного заказа, субъектный состав таких организаций многократно больше круга лиц, задействованных в заключении сопровождаемых сделок. Следовательно, и сделки таких организаций многообразны, они могут находиться в том числе в общегражданском правовом режиме. Например, организация, входящая в состав оборонно-промышленного комплекса по фактическому критерию, параллельно выполняет так называемые гражданские заказы (в реальности так и происходит: оборонные и частные заказы реализуются параллельно или последовательно⁷).

Физические лица, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан, в структуре оборонно-промышленного комплекса не фигурируют, равном образом они не могут получать задания государственного оборонного заказа, поскольку стороной соответствующего государственного контракта

⁴ См.: п. 16 ст. 3 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41 ; п. 4.3 ст. 3 Закона о государственном оборонном заказе ; ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁵ См.: *Кудашкин А. В., Потапов А. В.* К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // *Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право.* 2024. № 7. С. 119.

⁶ См.: п. 2 постановления Правительства РФ от 20.02.2004 № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса».

⁷ См. подробнее: *Беляева О. А.* Правовые механизмы включения предприятий оборонно-промышленного комплекса в систему закупок продукции гражданского назначения // *Журнал предпринимательского и корпоративного права.* 2022. № 1. С. 10–12.

выступает исключительно юридическое лицо — резидент Российской Федерации (п. 1, 3 ст. 3 Закона о государственном оборонном заказе).

2. Признаки сопровождаемых сделок: первичные и вторичные

Государственный оборонный заказ реализуется в три этапа: формирование, утверждение и размещение (осуществление закупок). При этом его предмет следует охарактеризовать двумя признаками:

1) документарным — наличием потребности в предмете закупки в нормативном правовом акте Правительства РФ;

2) телеологическим (или целевым): удовлетворение потребности в товаре, работе, услуге обусловлено обеспечением обороны страны и безопасности государства⁸.

Перечисление всей продукции, которая может потребоваться для нужд обороны и безопасности государства, — задача невыполнимая (и по большому счету даже ненужная), поэтому любая продукция может быть отнесена к государственному оборонному заказу через целевой признак. По государственному оборонному заказу может закупаться вся продукция, в которой есть соответствующая потребность.

Следовательно, на основании предмета идентифицировать сопровождаемую сделку невозможно. Хотя на практике с этим связаны споры, они бесосновательны: государственным оборонным заказом может быть всё что угодно, формальных контуров он не имеет⁹. И это верно: продукты нужны, лекарства тоже, научные разработки тем более. Так что вооружение, военная и специальная техника, объекты космической инфраструктуры — это лишь отдельные примеры, которыми оборонные потребности, конечно, не исчерпываются.

Таким образом, по предмету сопровождаемые сделки не могут обособлены в отдельную группу гражданско-правовых договоров, по-

скольку они заключаются в отношении любых объектов гражданских прав.

Центральное место в государственном оборонном заказе занимает кооперация головного исполнителя, означающая выстраивание цепочки взаимосвязанных сделок, первой из которой является государственный контракт с Минобороны России или иными заказчиками государственного оборонного заказа (государственными корпорациями «Росатом» и «Роскосмос», силовыми министерствами и ведомствами). Как верно отмечает Е. А. Свининых, рынок государственного оборонного заказа является монополией, характеризующейся монопольным положением покупателя, в качестве которого выступает Российская Федерация в лице ограниченного круга федеральных органов исполнительной власти и двух государственных корпораций¹⁰. Только по этой причине все остальные сделки головного исполнителя и исполнителей между собой превращаются в «сопровождаемые» путем присвоения им идентификатора государственного контракта (ст. 6.1 Закона о государственном оборонном заказе).

Впрочем, не только сопровождаемые сделки имеют идентификатор, например, согласно пп. 3 п. 2 ст. 242.23 БК РФ договоры о предоставлении бюджетных инвестиций также должны его содержать. Получается, что одного указания идентификатора недостаточно для квалификации сопровождаемой сделки, значит, идентификатор государственного контракта — это вторичный признак сопровождаемой сделки государственного оборонного заказа. Таким же образом вторичным признаком сделки является казначейское или банковское сопровождение. Хотя иногда наличие отдельного банковского счета в уполномоченном банке оказывается одним из решающих аргументов в определении существа взаимоотношений контрагентов¹¹. Возможна и обратная ситуация: сделка совершенно точно относится к сопровождаемым, но уполномоченный банк

⁸ См.: *Михашин А. В.* Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу : монография / под ред. О. А. Беляевой. М., 2022. С. 54.

⁹ См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.05.2021 № Ф04-2357/2021 по делу № А46-8868/2020 (судебные инстанции бесосновательно отделили от государственного оборонного заказа канцелярскую бумагу).

¹⁰ *Свининых Е. А.* О правовых режимах закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // *Право в Вооруженных Силах*. 2015. № 12. С. 100.

¹¹ См.: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.10.2024 № Ф07-14020/2024 по делу № А56-56551/2021.

отказывает в открытии специального счета для ее обслуживания¹². Эти коллизии демонстрируют вторичный характер сопровождения как такового.

Практике известны случаи, когда стороны ошибочно указывают в гражданско-правовом договоре условие о том, что он заключен во исполнение государственного оборонного заказа. Например, в ситуации, когда создается или модернизируется имущественный комплекс предприятия, на котором впоследствии будет производиться продукция, планируемая для поставок по государственному оборонному заказу. Однако такое указание не влечет правовых последствий для квалификации сделки, если ее заключению ранее не предшествовал государственный контракт¹³, проще говоря, правовой режим всех последующих сопровождаемых сделок в кооперации головного исполнителя предопределен именно фигурой государственного заказчика, не являющегося контрагентом по последующим сделкам.

Таким образом, исходным обстоятельством для появления сопровождаемой сделки является исключительно государственный оборонный контракт, заключенный между государственным заказчиком и головным исполнителем.

Сопровождаемыми являются все сделки в кооперации головного исполнителя, заключенные головным исполнителем государственного оборонного заказа с исполнителем, а также исполнителями между собой. Но в отношении сделок между исполнителями наблюдается аномалия: квалификацию им дают не стороны, а третье лицо — вышестоящее звено кооперации, транслирующее идентификатор государственного контракта. Выходит, что не предмет договора связывает его с государственным оборонным заказом, а целевое назначение бюджетных средств, ранее выделенных не на этот договор, а на так называемый верхний оборонный государственный контракт¹⁴, и, соответственно, фигура государственного заказ-

чика. При этом парадоксально и неверно то, что государственный заказчик никак не контролирует привлечение исполнителей на низших уровнях кооперации, а исполнители не имеют представления о предмете первоначального государственного контракта. Иными словами, идея связать между собой договоры разного предмета и между разными субъектами через идентификатор и сопровождение (инструменты в первую очередь бюджетного права) никак не колеблет концепцию относительности обязательственной связи, закрепленную в п. 3 ст. 308 ГК РФ: обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). По этой причине бесперспективными являются идеи о введении прямой ответственности исполнителей перед государственным заказчиком и, напротив, об освобождении головного исполнителя от ответственности за действия, фактически совершенные исполнителями низших звеньев кооперации¹⁵.

Итак, сопровождаемыми может признаваться большое число сделок между разными субъектами («государственный заказчик — головной исполнитель», «головной исполнитель — исполнитель», «исполнитель — исполнитель» и т.д.), причем конца им законодательством не установлено. Представляется, что это неправильно: известны случаи, когда идентификатор сообщается при заключении сделок на откровенно мизерные суммы, буквально на 500 руб. Но затраты на сопровождение такой сделки делают ее нерентабельной для исполнителя, поэтому саботаж, отказ от вступления в кооперацию головного исполнителя являются обычным делом для представителей бизнеса в отечественном гражданском обороте. Причем идеи о применении административного давления в таких ситуациях бесперспективны, так как государственный оборонный заказ для исполнителей второго и прочих уровней кооперации означает свободную контрактацию, при-

¹² См. подробнее: Беляева О. А. Заключение договора банковского сопровождения контракта в сфере государственного оборонного заказа // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 25. М., 2019. С. 105–118.

¹³ См.: определение Арбитражного суда г. Москвы от 25.04.2025 по делу № А40-296746/24-189-2032.

¹⁴ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.06.2021 № Ф05-13088/2021 по делу № А40-142906/2020 (судебные инстанции произвольно размежевали государственный оборонный заказ и хозяйственные договоры, заключаемые для обеспечения жизнедеятельности организации).

¹⁵ Например, применительно к проектируемому регулированию судостроительных контрактов и промышленной кооперации (Комитет Госдумы поддержал законопроект «О развитии судостроения в Российской Федерации» // URL: <https://morvesti.ru/news/1679/116258/> (дата обращения: 23.06.2025)).

нуждать и наказывать за отказ от заключения сделок оснований нет¹⁶. Представляется, что должна быть определена конечная реперная точка, прохождение которой подразумевает окончание кооперации головного исполнителя государственного заказа.

Если сделок неопределенно много, можно предположить, что на каких-то уровнях кооперации могут появиться физические лица. Но это не так, причем по совершенно неожиданной причине, кроющейся именно в сопровождении. С формальной точки зрения законодательство не содержит запрета физическим лицам быть исполнителями государственного оборонного заказа. Так, исполнитель, участвующий в поставках продукции по государственному оборонному заказу, — это лицо, входящее в кооперацию головного исполнителя и заключившее контракт с головным исполнителем или исполнителем (п. 4 ст. 3 Закона о государственном оборонном заказе). В этой дефиниции термин «лицо» означает и физических лиц, граждан в том числе.

Сопровождение сделки означает осуществление со стороны казначейства или уполномоченного банка контрольных функций. Для расчетов под каждую сопровождаемую сделку (не только государственный контракт, но и все сделки, заключенные между исполнителями в цепочке кооперации) открывается отдельный счет в уполномоченном банке с указанием идентификатора государственного контракта.

Уполномоченный банк осуществляет контроль распоряжений, в том числе проверяет соответствие назначения платежа, указанного в распоряжении, содержанию документов, представленных владельцем отдельного счета и являющихся основанием для составления распоряжения; проводит мониторинг расчетов, направляет сведения в единую информационную систему государственного оборонного заказа; имеет право приостанавливать платежи и сообщать об этом органу финансового мониторинга и т.д. Банковское сопровождение осуществляется уполномоченным банком безвозмездно. За ненадлежащее выполнение обязанностей по осуществлению банковского сопровождения должностные лица уполномоченного банка подлежат привлечению к административной ответственности (ч. 4 ст. 8.2 Закона о государ-

ственном оборонном заказе). Можно сказать, что уполномоченные банки интегрированы в особую систему государственного финансового контроля государственного оборонного заказа.

Таким образом, посредством банковского сопровождения контролируется целевое расходование денежных средств, задействованных в финансировании государственного оборонного заказа. Уполномоченный банк обязан по каждому распоряжению проверять режим соблюдения отдельного счета. Данный режим складывается из четырех элементов (ст. 8.3, 8.4 Закона о государственном оборонном заказе):

- 1) списание денежных средств только при указании в распоряжении идентификатора государственного контракта, соединяющего все сделки в кооперации головного исполнителя;
- 2) списание денежных средств только на отдельный счет;
- 3) закрытый перечень случаев, когда допускается списание денежных средств с отдельного счета на обычный банковский счет;
- 4) перечень операций, совершение которых по отдельному счету запрещено.

В частности, в число запрещенных операций включено перечисление (выдача) денежных средств физическим лицам (п. 3 ст. 8.4 Закона о государственном оборонном заказе). В отношении данного запрета предусмотрены три исключения. Расчеты с физическими лицами можно осуществлять с отдельного счета, открытого в уполномоченном банке, в целях:

- 1) оплаты труда при условии одновременной уплаты соответствующих налогов, страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования;
- 2) осуществления денежных выплат, связанных с предоставлением работникам гарантий и компенсаций, предусмотренных Трудовым кодексом РФ (за исключением компенсаций расходов на проезд и наем жилого помещения);
- 3) перечисления денежных средств в качестве платы за установление права ограниченного пользования земельным участком (сервитута), принадлежащим физическому лицу на праве собственности, либо в качестве возмещения (компенсации) стоимости сносимых (переносимых) строений и насаждений, принадлежащих физическому лицу, а также убыт-

¹⁶ См. подробнее: *Беляева О. А.* Гражданско-правовые аспекты отношений по государственному оборонному заказу // *Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты* : сборник материалов к XVII Научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2023. С. 163–170.

ков, причиненных изъятием или временным занятием земельных участков, ограничением принадлежащего физическому лицу права собственности, владения, пользования или распоряжения земельным участком, производимого в установленном законодательством Российской Федерации порядке, на основании уведомления государственного заказчика.

Тем самым запрет проведения расчетов с физическими лицами с отдельного счета нивелирует их вступление в сопровождаемые сделки: никто не будет заключать контракт, по которому невозможно получить вознаграждение за выполненные обязательства. Представляется, что на сегодняшний день это регулирование требует корректировки (возможно поэтапной): для начала целесообразно включение в сопровождаемые сделки индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан и физических лиц, занимающихся частной практикой, затем будет иметь смысл универсальный доступ граждан к государственному оборонному заказу. Так существенным образом расширится круг потенциальных исполнителей государственного оборонного заказа. Физические лица могут быть задействованы в области информационных технологий, автомобильной отрасли, при организации питания и вещевого довольствия, при проведении общепроизводственных работ, ремонта техники, юридическом сопровождении, предоставлении финансовых услуг и пр.

Некоторое время назад мы пытались инициировать научную дискуссию о природе сопровождаемых сделок через теорию реляционных договоров (*relation contracts*), однако теоретическая гипотеза не выстояла перед реалиями практики¹⁷. Так, реляционные договоры предполагают длительное взаимодействие сторон для достижения каких-либо глобаль-

ных целей, выходящих за рамки конкретного договора¹⁸.

Впрочем, обратной стороной сотрудничества и взаимодействия являются значительный объем применения подразумеваемых условий договора, не требующих отдельного оформления дополнительных соглашений между сторонами, активная реализация принципа добросовестности и отказа от формального правоприменения в пользу конечной цели кооперации сторон¹⁹. Любой договор, образно говоря, динамичен, участники его должны учитывать фактор неопределенности, неизвестности будущего. Грядущее невозможно запрограммировать *ex ante*, в договоре невозможно предусмотреть алгоритм действий в отношении любых вероятных обстоятельств²⁰.

Это априори не представляется возможным в сопровождаемых сделках ввиду масштабной интервенции в эти отношения административных и уголовных санкций. По этой же причине в сопровождаемых сделках нивелирован и принцип солидарности, так необходимый для интеграции интересов всех участников системы сопровождаемых сделок и достижения общего блага — выполнения государственного оборонного заказа²¹. Стороны сопровождаемых сделок не мотивированы к единству, напротив, они полностью разобщены под угрозой привлечения к публично-правовой ответственности, причем обусловленной зачастую именно гражданско-правовым нарушением. В ближайшей перспективе ситуация не изменится, выполнение государственного оборонного заказа ничем не стимулируется, а обеспечивается карательными механизмами, поэтому реляционными сопровождаемые сделки назвать невозможно: кооперация есть (но принудительная), а сотрудничества нет (опять же по причине публично-

¹⁷ Беляева О. А., Кабытов П. П., Кузнецов В. И. Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 63.

¹⁸ Федосеев А. А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 356.

¹⁹ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2020. С. 993.

²⁰ Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3 (196). С. 24, 26.

²¹ Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Принцип солидарности в гражданском праве России // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 41.

правового принуждения к исполнению обязательств).

3. Финансовый контроль движения средств по сопровождаемым сделкам

Сейчас средства государственного оборонного заказа по большей части аккумулированы на отдельных счетах в уполномоченных банках. Информация о перечне уполномоченных банков не находится в открытом доступе, она сообщается в индивидуальном порядке государственным заказчиком головному исполнителю (общеизвестно только, что уполномоченным является «Промсвязьбанк», поскольку он в нарушение всех правил юридической техники, соблюдения секретности, да и просто здравого смысла, прямо поименован в п. 4.3 ст. 3 Закона о государственном оборонном заказе). Выбор уполномоченного банка является прерогативой головного исполнителя государственного оборонного заказа, затем, выстраивая свою кооперацию, головной исполнитель сообщает своему исполнителю и далее каждый исполнитель сообщает своему последующему контрагенту информацию о том, в каком уполномоченном банке следует открыть отдельный счет. Таким образом, все денежные средства, начиная от государственного контракта и заканчивая всеми контрактами, которые будут заключены в целях его выполнения впоследствии, остаются в одном уполномоченном банке на разных отдельных счетах (по принципу «один контракт — один счет»). На практике это приводит к тому, что у одной организации может быть одновременно открыто более 10 тыс. счетов. Но, очевидно, контроль превыше разумной стоимости сопровождения (обслуживания) конкретной сделки.

Правовой режим отдельного счета предполагает значительный перечень ограничений в использовании находящихся на нем денежных

средств. Данный режим представляет собой сочетание списка запрещенных операций со списком допустимых операций при соблюдении установленных Законом о государственном оборонном заказе условий. Такой режим требуется для обеспечения целевого расходования средств, выделенных на финансирование поставок продукции по государственному оборонному заказу.

Одной из самых технологичных отраслей сейчас обоснованно называют финансовое право, поскольку необходимость ускорения финансовых операций, финансовый контроль за их совершением со стороны уполномоченных субъектов финансовых отношений и государства обусловили активную цифровизацию финансовой сферы²². Представляется, что именно цифровые инструменты способны радикально перезагрузить систему сопровождаемых сделок, устранив их нерациональную регламентацию. Речь, конечно, пойдет о цифровом рубле.

Цифровые рубли относятся к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Расчеты цифровыми рублями осуществляются путем перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля²³.

Очевидно, что цифровой рубль вводится в целях контроля за гражданами и экономикой²⁴; отрицательное отношение к внедрению цифрового рубля высказывают авторитетные представители банковского сектора²⁵. Однако бесспорный плюс состоит в том, что цифровой рубль имитируется Банком России через создание цифровых кошельков, которые не привязаны к конкретному банку, а находятся под надзором Центрального банка РФ. Таким образом, обеспечивается контроль за цифровой валютой, а также сохранность цифрового рубля. Удобство клиентов заключается в проведении быстрых расчетов. Государство получает возможность легко отслеживать происхождение денежных средств и с точки зрения их легальности, и в

²² Грачева Е. Ю., Арзуманова Л. Л. Доктрина науки финансового права: эволюционное развитие и современность // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 182.

²³ См.: п. 4 ст. 861 ГК РФ; гл. XII.2 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»; ст. 7.1 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»; положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля»; проект федерального закона № 811008-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части расширения возможности осуществления расчетов цифровыми рублями и внедрения универсального платежного кода при оплате в безналичном порядке)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/811008-8> (дата обращения: 16.07.2025).

²⁴ См.: письмо Банка России от 11.09.2023 № 04-45/8582.

²⁵ URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-03_glava_sberbanka_ne_verit (дата обращения: 03.07.2025).

плане их «первородной» бюджетной принадлежности.

Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, закрепленный в ст. 38 БК РФ (единственный принцип, обеспеченный уголовным и административным принуждением), означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования. В свою очередь, под получателем бюджетных средств (получателем средств соответствующего бюджета) понимаются орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета. Буквальное толкование позволяет прийти к выводу об установлении ограничения реализации данного принципа только на уровне главных распорядителей бюджетных средств и казенных учреждений. Фактически бюджетные, автономные учреждения и иные субъекты бюджетных отношений освобождены от возможности распространения данного принципа на их деятельность при использовании бюджетных средств²⁶. Каким же образом контролировать дальнейшее движение денег и какие для этого правовые основания? Именно этот вопрос и вызвал к жизни сопровождаемые сделки.

Введение цифрового рубля — это максимально простой алгоритм так называемого окрашивания: расчеты будут производиться не обезличенными, а «промаркированными» цифровыми рублями; в результате повысится эффективность целевых государственных расходов, в первую очередь государственных заку-

пок и государственных контрактов²⁷. Причем в экспериментальном порядке использование цифровых рублей в публичных закупках начнется в ближайшее время²⁸.

В целом бюджетные ограничения — медаль с двумя сторонами: государство желает контролировать движение средств, выделенных из бюджета; поставщики стремятся избежать барьеров и ограничений в распоряжении этими средствами²⁹. Но это естественный антагонизм, обусловленный двусторонним и взаимным характером данных правоотношений. Тем более что поставщикам как субъектам предпринимательской деятельности нужно заработать, максимизировать, по возможности, свою прибыль, государственный оборонный заказ к благотворительности отношения не имеет, он должен быть не только выполнен, но и своевременно оплачен.

Именно расположение электронного кошелька на государственной платформе позволит отслеживать поступление электронных средств его владельцу³⁰. Это означает лишь одно — применение цифрового рубля в государственных закупках вообще и в сегменте государственного оборонного заказа в частности совершит настоящую революцию, устранив саму систему сопровождаемых сделок, исключив барьеры для участия в них граждан, сделает ненужными и уполномоченные банки, сократит затраты на жизненный цикл сделки (ведь безвозмездным является только само сопровождение, контроль, в то время как за расчетно-кассовое обслуживание по каждому банковскому счету клиент обязан выплатить вознаграждение банку на основании ст. 845, 851 ГК РФ). В среднесрочной перспективе новая технология расчетов устранил все те факторы, которые сейчас сдерживают вовлечение бизнеса в оборонные закупки и сопровождаемые сделки государственного оборонного заказа.

²⁶ Поветкина Н. А. Трансформация и особенности архитектуры бюджетного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9 (73). С. 96.

²⁷ Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2024. С. 133.

²⁸ URL: <https://www.vesti.ru/article/4559295> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁹ Поветкина Н. А. Государственные контракты: бюджетно-правовые основы или «барьеры»? // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 31.

³⁰ Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М., 2022. С. 94, 102.

Заключение

«Государственный оборонный заказ» и «оборонно-промышленный комплекс» — не равнозначные понятия. Субъектный состав последнего, определяемый по фактическому, корпоративному и функциональному критериям, значительно шире круга лиц, принимающих к выполнению задания государственного оборонного заказа. Объединяет этих субъектов одна общая черта — среди них нет граждан (физических лиц с любым факультативным статусом).

Но в государственном оборонном заказе они должны быть и могут предложить значительный спектр как товаров, так и услуг для удовлетворения оборонных потребностей, который формального контура не имеет. Целесообразно поэтапное включение граждан в сопровождаемые сделки, от выборочных категорий до предоставления им универсального доступа. Тем более что формальных препятствий для этого нет: участие граждан фактически заблокировано системой банковского сопровождения сделок, именно она отсекает физических лиц от оборонной контрактации.

Сопровождаемые сделки не имеют в гражданском обороте предметной идентификации, первичным их признаком выступает фигура государственного заказчика — Российской Федерации в лице министерств и ведомств силового блока, а также двух государственных корпораций. Если заключению сделки не предшествовал государственный оборонный контракт, вторичные признаки (идентификатор и отдельный банковский счет) правовых последствий породить не могут.

В сопровождаемых сделках нивелирован принцип сотрудничества сторон ввиду давления на них мер публично-правовой ответственности.

Цифровой рубль выполняет все функции сопровождения сделок, реализуя технологию окрашивания денежных средств и позволяя контролировать условно целевое движение бюджетных средств между частными субъектами гражданского оборота. Поэтому в краткосрочной перспективе применение цифрового рубля в государственном оборонном заказе сделает систему сопровождаемых сделок избыточной, эффект сопровождения будет полностью нивелирован расчетами в цифровой валюте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляева О. А. Гражданско-правовые аспекты отношений по государственному оборонному заказу // Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты : сборник материалов к XVII Научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2023.

Беляева О. А. Заключение договора банковского сопровождения контракта в сфере государственного оборонного заказа // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 25. М., 2019.

Беляева О. А. Правовые механизмы включения предприятий оборонно-промышленного комплекса в систему закупок продукции гражданского назначения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 1.

Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3 (196).

Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Принцип солидарности в гражданском праве России // Журнал российского права. 2016. № 11 (239).

Грачева Е. Ю., Арзуманова Л. Л. Доктрина науки финансового права: эволюционное развитие и современность // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5.

Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2020.

Кудашкин А. В., Потапов А. В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2024. № 7.

Михашин А. В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу : монография / под ред. О. А. Беляевой. М., 2022.

Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2024.

Поветкина Н. А. Государственные контракты: бюджетно-правовые основы или «барьеры»? // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28).

Поветкина Н. А. Трансформация и особенности архитектуры бюджетного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9 (73).

Свининых Е. А. О правовых режимах закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 12.

Федосеев А. А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2.

Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М., 2022.

REFERENCES

Bayramkulov AK, Belyaeva OA, Gromov AA, et al. Karapetov AG (ed.). Contract Law (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow; 2020. (In Russ.).

Belyaeva OA. Grazhdansko-pravovyye aspekty otnosheniy po gosudarstvennomu oboronnom zakazu [Civil Law Aspects of Relationships in State Defense Procurement]. In: Ideas and Traditions of Domestic Civil Law: Borders of Eras and New Horizons: Proceedings of the 17th Scientific Readings in Memory of Professor S. N. Bratus. Moscow; 2023. (In Russ.).

Belyaeva OA. Legal mechanisms for the inclusion of enterprises of the military-industrial complex in the system of procurement of civilian industry products. *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*. 2022;1. (In Russ.).

Belyaeva OA. Zaklyuchenie dogovora bankovskogo soprovozhdeniya kontrakta v sfere gosudarstvennogo oboronnoy zakaza [Execution of a Bank Support Agreement for a Contract in the Government Defense Procurement Sector]. In: Commentary on Case Law in Economic Disputes (Court and Arbitration Practice). Issue 25. Moscow; 2019. (In Russ.).

Bogdanov DE. Failed Technological Revolution in Contract Law: Apologetics of the Contract Traditionalist Interpretation. *Lex russica*. 2023;76(3)(196). (In Russ.).

Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanov DE. The Principle of Solidarity in Russian Civil Law. *Journal of Russian Law*. 2016;11(239). (In Russ.).

Fedoseev AA. The civil law principle of cooperation in the continental law doctrine: extension beyond contractual legal relations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021;2. (In Russ.).

Gracheva EYu, Arzumanova LL. The Doctrine of the Science of Financial Law: Evolutionary Development and Contemporary Relevance. *Journal of Russian Law*. 2023;27(5). (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA (eds). Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva [Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation]. 8th ed. Rev. and suppl. Moscow; 2024. (In Russ.).

Kucherov II, Povetkina NA. Tsifrovaya sushchnost finansovogo prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Digital essence of Financial Law]. Moscow; 2022. (In Russ.).

Kudashkin AV, Potapov AV. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «oboronno-promyshlennyy kompleks» i «voenno-promyshlennyy kompleks» [On the relationship between the concepts of the «defense-industrial complex» and the «military-industrial complex»]. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: upravlenie, ekonomika i finansy, pravo*. 2024;7. (In Russ.).

Mikhashin AV, Belyaeva OA (eds). Grazhdansko-pravovoe regulirovanie zakupok po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu [Relationship between the concepts of the «defense-industrial complex» and the «military-industrial complex»]. Moscow; 2022. (In Russ.).

Povetkina NA. Government contracts: budget law foundations or 'barriers'? *Monitoring of Law Enforcement*. 2018;3(28). (In Russ.).

Povetkina NA. Transformation and architecture features of budget law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;(9):89-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.089-097>

Svininykh EA. O pravovykh rezhimakh zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya oborony strany i bezopasnosti gosudarstva. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*. 2015;12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор Российской академии наук, почетный работник сферы образования Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
o.believa@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Belyaeva, Dr. Sci. (Law), Professor, Russian Academy of Sciences; Honored Worker of Education of the Russian Federation; Principal Research Fellow, Department of Financial, Tax, and Budget Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
believa@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 20.11.2024.

Revised 10.09.2025.

Accepted 15.09.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

О. Н. Низамиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров

Резюме. В статье осуществлен анализ социальных и ценностных основ, предопределяющих реализацию функций семейно-правовых договоров и их имплементацию в социальные структуры. Установлено, что каждая договорная функция имеет социальную обусловленность, которая проявляется в том, что договор — это 1) естественный и неизбежный результат человеческого общения и информационного обмена; 2) средство достижения компромисса, влекущего за собой упорядоченность отношений; 3) результат поиска или самостоятельной разработки сторонами правовой формы; 4) инструмент гармонизации интересов участников, определения и фиксации общей цели, объединения их усилий для ее достижения, а также экономии разнообразных ресурсов и обеспечения безопасности; 5) механизм исчерпания прав и обязанностей, порождаемых соглашением сторон; 6) фактор обеспечения и защиты прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц; 7) ресурс предотвращения и разрешения конфликтов. Доказано, что ценностную основу функционирования семейно-правовых договоров составляют 1) суверенитет и автономная воля сторон, поскольку договор выступает формой субъектности, индикаторами которой являются свобода и ответственность; 2) автономность, самостоятельность семьи как социального института; 3) обусловленность пределов договорной свободы соображениями общественной пользы, безопасности и доминирующими этическими установками; 4) равное нравственное достоинство сторон с учетом фактических различий между ними и возможной зависимости одного члена семьи от другого; 5) приемлемость для семейно-правовой сферы конструкции ретрибутивной справедливости, обладающей гуманистической направленностью и выражающейся в двух аспектах: а) соразмерности наказания проступку с возможностью его смягчения в интересах семьи; б) принципе ответа добром на добро, влекущем за собой альтруистические формы поведения в семейных правоотношениях; 6) справедливость как достижение баланса между интересами отдельных членов семьи, учет интересов семьи как социальной группы, согласование семейных интересов с интересами общества и государства, обеспечение гармонии между индивидуальными (личностными) и семейными ценностями.

Ключевые слова: договор; семейно-правовой договор; функции договора; социальные основы функционирования договора; ценностные основы функционирования договора

Для цитирования: Низамиева О. Н. Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 21–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

Social and Values-Based Foundations of Functioning of Family-Law Agreements

Olga N. Nizamieva

Kazan (Volga) State University
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the social and value-based foundations that determine the implementation of family law contracts and their integration into social structures. The study has established that each contractual function possesses a social basis, which manifests in the following ways: 1) the contract is a natural and inevitable outcome of human interaction and information exchange; 2) it serves as a means to achieve compromise, thereby contributing to the ordering of relationships; 3) it implements the result of either a search for or an

© Низамиева О. Н., 2025

independent development of a legal framework by the parties; 4) it acts as a tool for harmonizing the interests of participants, defining and recording a common objective, consolidating their efforts to achieve that goal, as well as economizing various resources and ensuring security; 5) it constitutes a mechanism for delineating rights and obligations arising from the parties' agreement; 6) it serves as a factor for ensuring and protecting the rights and legitimate interests of both the participants in contractual relationships and third parties; 7) it represents a resource for preventing and resolving conflicts. The author demonstrated that the value-based foundation for the functioning of family law contracts encompasses: 1) the sovereignty and autonomous will of the parties, as the contract represents a form of the manifestation of legal capacity, the indicators of which are freedom and responsibility; 2) the autonomy and independence of the family as a social institution; 3) the limitations of contractual freedom governed by considerations of public benefit, safety, and prevailing ethical norms; 4) the equal moral dignity of the parties, taking into account the factual differences between them and the potential dependency of one family member on another; 5) the acceptability of a retributive justice framework within the family law sphere, characterized by a humanistic orientation, manifesting in two aspects: a) the proportionality of punishment to transgressions with a possibility for mitigation in the interest of the family; b) the principle of responding with good to good, which fosters altruistic behaviors within family legal relationships; 6) justice as the achievement of a balance among the interests of individual family members; the consideration of family interests as a social group; the alignment of family interests with those of society and the state; and the assurance of harmony between individual (personal) values and family values.

Keywords: contract; family law contract; functions of a contract; social foundations of the contract functioning, value-based foundations of the contract functioning

Cite as: Nizamieva ON. Social and Values-Based Foundations of Functioning of Family-Law Agreements. *Lex russica*. 2025;78(10):21-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

Договор — это динамическая реальность, функционирующая в конкретном историческом и социокультурном пространстве. «Определение договора, анализ его как социального явления интересовали ученых с незапамятных времен. Людей часто влекла к себе почти мистическая сила согласованного волеизъявления, способного изменять судьбы империй и обеспечивать удовлетворение простейших жизненных потребностей отдельного человека»¹.

Договорные отношения рассматриваются наукой как естественный и неизбежный результат человеческого общения, информационного обмена людей в целях поиска оптимальных условий существования. Так, К. И. Забоев связывает происхождение понятия «договор» с общением, разговорами между людьми, которые возымели определенный результат в виде некоторой договоренности между ними. Он обращает внимание на то, что в Древней Руси в IX–XIII вв. договор именовался «совещанием», «сгодой», «смолвой», «сговором». А в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значение слова «договор» дается в

рамках описания глагола «договаривать», т.е. говорить до конца².

Несомненно, человек — существо социальное. Он находится в обществе себе подобных и нуждается в нем. В течение жизни человек коммуницирует, взаимодействует с другими людьми, группами, равно как взаимодействуют между собой различные общности. «Человеческое общение выражается как минимум в речи, разговорах между людьми, которые состоят не только в информативном обмене, но и направлены на определенный результат, выгодный одной либо обеим сторонам разговора. Собственно, и сам информативный обмен совершается в большинстве случаев в целях поиска оптимальных условий проживания (либо выживания, в зависимости от этапа развития общества). Таким образом, речь приводит к определенной договоренности между людьми, закрепляющей в той или иной форме их взаимные права и обязанности»³. Соответственно, договорный процесс и договор выступают средством и результатом социального взаимодействия людей. Данное обстоятельство позволяет современной юриспруденции выде-

¹ Залесский В. В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 105.

² См.: Забоев К. И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора М. : Юридический центр, 2003. С. 11–12.

³ Забоев К. И. Указ. соч. С. 12.

лять и исследовать информационную и коммуникативную функцию договора.

Возникновение и эволюция договора также связываются с развитием экономических отношений: отношений собственности, разделением труда, усилением специализации в различных сферах человеческой деятельности и др. И. А. Покровский называл договор «живым фактором интенсивного имущественного общения»⁴. Г. А. Гаджиев, опираясь на работу Ф. Ницше «Генеалогия морали», констатирует: юридическая норма о договоре появилась из практики отношений, возникающих в ходе обмена. Она является превращенной формой обычаев обменных операций. «Купля-продажа совместно с их “психологическими придатками” старше, чем начатки каких-либо общественных форм организации и связей. Создавать цены, измерять ценности, выдумывать эквиваленты означало выменивать. Этот процесс в такой степени занимал мышление древнего человека, что в известном смысле это и было первоначальными формами юридического мышления. Из наиболее зачаточной формы личного права зреющее чувство мены, договора, долга, права, обязательства было перенесено на наиболее грубые и первоначальные общественные комплексы»⁵.

По мере нарастания количества материальных благ, появления многообразия отношений, складывающихся по поводу этих благ, а также усложнения организации общества возникает потребность в более четкой регламентации договорных отношений, что служит толчком к развитию договорного права⁶. Усиливающаяся во всех сферах жизни общества специализация также влечет за собой повышение роли договора. Как верно подмечено Т. В. Кашаниной, «если один успешно производит машины, а другой более эффективен в выпечке хлеба, то им друг без друга не обойтись. Вследствие разделения труда, сложного или простого, люди нуждаются друг в друге и поэтому вынуждены кооперироваться. Они договариваются об обмене плодами своего труда. Однако интересы их антагонистические: каждая из сторон до-

говора, имея нужду в другой, старается получить с наименьшими издержками то, в чем она нуждается, т.е. приобрести как можно больше прав в обмен на возможно меньшее количество обязанностей. Ни на каких весах невозможно точно взвесить меру действий каждого. Определение их поведения может исходить только из компромисса. Равновесное их положение находится порой не сразу, а после борьбы и длительных споров. И тем не менее, если участники договора, хотя и не достигают полностью целей в договоре, но считают такое положение дел для себя приемлемым, можно говорить, что компромисс между ними достигнут. Таким образом, суть договора состоит в том, что он является средством достижения компромисса»⁷.

Достижение компромисса влечет за собой упорядоченность отношений сторон, программирование и организацию их поведения. Данное утверждение практически бесспорно принимается как отечественной, так и зарубежной правовой доктриной. Так, С. А. Сеницын обращает внимание на то, что договор не только опосредует акт товарообмена, но и отражает в сформулированных его сторонами условиях программу поведения сторон и планирование сделки с учетом индивидуальных интересов участников договора и многообразия вариантов развития обстоятельств. Со всей очевидностью это позволяет рассматривать договор не только как предпосылку и результат товарообмена, но и как его организацию в аспекте правоотношений его участников. Сказанное, по мнению автора, дает полное основание для выделения регулирующей функции договора, координирующей деятельность его участников, производной от закрепленного в нормах договорного права дозволения. В связи с этим российские и зарубежные авторы нередко видят в договоре нормотворческие функции и основу (*Normativbestimmungen*)⁸. В частности, Л. А. Чеговадзе прямо указывает, что «выработка условий договора, которые предназначены для правовой регуляции действий по исполнению договорного обязательства, — это

⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. С. 240.

⁵ Гаджиев Г. А. Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 7.

⁶ См.: Забоев К. И. Указ. соч. С. 12.

⁷ Кашанина Т. В. Частное право: учебник. СПС «Гарант», 2013. С. 151.

⁸ См.: Сеницын С. А. Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 49–50.

процесс создания индивидуальных норм частного права, или правотворческий процесс»⁹.

Одновременно с программированием и упорядочением поведения сторон идет выбор оптимальной договорной формы, а при отсутствии таковой в законодательстве, например в связи с нетипичностью возникающего отношения, — поиск, разработка новой приемлемой для сторон договорной формы. «Как живая природа самостоятельно реагирует на изменения климата появлением и исчезновением новых видов живых организмов, так договорное регулирование изменяется в зависимости от потребностей общества и экономики, реагируя на изменения рынка появлением новых видов договоров и исчезновением старых»¹⁰.

Упомянутые грани договора дают основание для размышлений относительно его организационной, регулятивной, селективной и прогностической функций.

Обозначенная Т. В. Кашаниной ипостась договора (средство достижения компромисса) обусловлена не только экономическими факторами и потребностями торгового оборота. В. В. Залесский рассматривает договор как проявление закона динамического равновесия. По мнению профессора, максимальное использование возможностей бесконфликтного развития — одна из фундаментальных закономерностей существования и совершенствования природы и общества. «Катаклизмы и конфликты, хотя и составляют неизбежный элемент движения материи и развития сознания, в историческом плане предстают довольно редкими, чрезвычайными событиями»¹¹. Применительно к договору В. В. Залесским справедливо используются такие характеристики, как «важнейший инструмент согласования воли и интересов, используемый в человеческом обществе», «обозначение объективно необходимой гармонии интересов, потребностей существования и развития природы и общества», «одна из форм самоотчуждения, объективации воли лица, подсознательного всеобщего стремления к гармонии»¹². Бесконечная трата сил, энергии, ресурсов на противостояние остальным, посто-

янное нахождение в состоянии «войны против всех» препятствуют росту как индивидов, так и их сообществ. Согласование воли и интересов, стремление к гармонии и развитию — задача, посильная для договоров.

Очевидно, что физические, материальные, психоэмоциональные и иные возможности индивидуума ограничены. Потому для выживания и развития он должен кооперироваться, договариваться с иными индивидами. Общий смысл координации поведения субъектов права в соглашении состоит преимущественно в организационном объединении их усилий и устремлений в кооперации для достижения поставленной цели, противостоящей началам насилия и несправедливости (Г. Гроций)¹³. В данном контексте также можно говорить о договорной функции определения и фиксации общей цели, экономии всяческих ресурсов, а также обеспечения безопасности нематериального и материального толка.

Социальная основа договора также усматривается в динамике договорного отношения. Как справедливо отмечает Л. А. Чеговадзе, не только без заключения договора, но и без исчерпания содержания последующего договорного отношения цель, которая ставится действующими лицами, недостижима. Так, например, соглашение о купле-продаже включает указание на приобретение права собственности как на цель действий сторон. Однако одним соглашением (заключением договора) этой цели не достичь, необходимо поступательное развитие договорного обязательственного правоотношения на условиях данного соглашения. Именно этот процесс обеспечивает прекращение субъективных обязательственных прав покупателя и приобретение им искомого права — права собственности на покупаемую вещь¹⁴.

Вместе с тем, помимо исчерпания договорного правоотношения надлежащим исполнением его сторонами обязанностей, не исключаются дополнение или изменение содержания договора, признание его недействительным, отказ от исполнения, применение к его участникам санкций, компенсационных мер и др.

⁹ Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 335.

¹⁰ Забоев К. И. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Залесский В. В. Указ. соч. С. 109.

¹² Залесский В. В. Указ. соч. С. 109–110.

¹³ См.: Сеницын С. А. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ См.: Чеговадзе Л. А. Указ. соч. С. 336.

По мнению С. А. Сеницына, в основу перечисленного также положена идея социальной предопределенности договора. И здесь прослеживается очевидная связь с обеспечением и защитой прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц. К тому же при рассмотрении споров, вытекающих из договора, суды наделяются широкими полномочиями толкования договора, в том числе в части неприменения отдельных договорных условий (несправедливых и неэквивалентных)¹⁵. В контексте динамического развития договорного отношения можно осуществлять аналитику гарантийной (обеспечительной и защитной) функции.

Вследствие существования множества частных и публичных интересов, порой антагонистической направленности, столкновения, разногласия, борьба между индивидуумами и сообществами неизбежны. Однако в подавляющем большинстве случаев в механизме конфронтации есть место договору. В силу своего естества договор используется как эффективное средство разрешения конфликтов, ибо он «является продуктом самих конфликтующих сторон, а не навязывается извне. Миротворческая роль договора нашла яркое выражение в том обстоятельстве, что и в публично-, и в частно-правовой сфере сложились виды договоров, специально ориентированные на миротворческие функции, — соответственно мирный договор (публично-правовой международный договор, посредством которого прекращается состояние войны, фиксируются территориальные изменения и государственные границы, решаются другие политические, военные и экономические вопросы, в том числе о выводе войск, репарациях) и мировое соглашение (гражданско-правовой договор, посредством которого путем взаимных уступок устраняются неясность, сомнительность или спорность юридических отношений между сторонами)»¹⁶.

Сообразно отмеченным характеристикам в развитии института договора выделяют два направления: «С одной стороны, достаточно четко

разрабатывалась его юридическая конструкция как отражение экономических отношений в соответствии с реальными потребностями торгового оборота, с другой — в политико-философских концепциях договор выступал как своего рода идеальная основа для достижения социального мира и благополучия»¹⁷.

В науке обоснованно акцентируется внимание на некорректности рассмотрения договора только в рамках антропологической философии¹⁸. Не менее значимы исследование природы договора с точки зрения аксиологии и обращение к таким категориям, как «свобода», «долг», «справедливость», «равенство», «гуманность», «разумность», и другим правовым ценностям (ценностным модусам). Мир договора, как и права в целом, — это мир объективных ценностей, который человек в меру своих возможностей познает и осваивает. «Вопрос о ценностной характеристике договорных отношений не праздный, ведь сущность договора как согласия между индивидами означает, что оно может произойти только тогда, когда люди, договаривающиеся между собой, имеют одну “систему координат”, однозначно трактуют главные аксиологические категории, обладают сходным внутренним убеждением. В противном случае договориться между собой будет крайне затруднительно, как и выполнить само соглашение»¹⁹.

Основой и движущей силой любого договора является интерес субъекта. В фундаментальном труде Р. Йеринга «Цель в праве» отмечается: «Природа указала человеку путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям; таким путем служит для него соединение собственной цели с чужим интересом. На этой формуле основана вся наша человеческая жизнь: государство, общество, торговля и промышленный оборот. Кооперация многих людей ради одной и той же цели возможна лишь потому, что интересы всех участников кооперации, переплетаясь, сходятся в одном конечном пункте. Каждый из таких участников, может быть, и не имеет в виду цели кооперации, руководству-

¹⁵ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Казанцев М. Ф. Философия договора: первое приближение к решению научной задачи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 131.

¹⁷ Примак Т. К. Философские, политические и правовые аспекты развития договора // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 86.

¹⁸ См.: Залесский В. В. Указ. соч. С. 111.

¹⁹ Попова А. В. Христианская аксиология и онтология договорного права // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 28.

ясь исключительно собственным интересом, но совпадение всех интересов с общей целью ведет к тому, что каждый, заботясь только о себе, содействует общей цели»²⁰. При этом интересы могут детерминироваться не только экономическими, но и физиологическими, культурными, психологическими, психоэмоциональными и иными факторами, что особо значимо в семейных отношениях. Но в любом случае договор немислим без возбуждения интереса.

Приведенные суждения не вызывают возражений. Однако осознание собственного интереса возможно только лицом, обладающим достаточным суверенитетом, самостоятельной автономной волей, определенной свободой поведения, ибо «договор — это понятие равенства»²¹. Данную мысль применительно к гражданско-правовой сфере очень точно высказала Ф. И. Хамидуллина. «Так, мое отношение к себе эгоистически разумно: желаю блага в первую очередь себе, руководствуюсь прежде всего личным интересом, но вместе с тем и понимаю/принимаю, что в мире я не один и мои поступки, направленные к собственной пользе, так или иначе содействуют пользе других, а следовательно, мне лучше с ними сотрудничать, чем конфликтовать. Но такое самосознание можно обрести лишь при наличии как минимум автономии воли и имущественной самостоятельности. Ведь психологически я вряд ли буду способен судить о том, что составляет мой личный интерес, если не чувствую себя достаточно суверенным, не осознаю свой долг и не имею материальных возможностей самостоятельно удовлетворить элементарные жизненные потребности. Напротив, мое свободное самоопределение формирует такой субъективный опыт, который в дальнейшем... дает импульс к развитию юридического понимания собственности в качестве материальной основы и экономического выражения свободы личности, что, в свою очередь, гарантирует реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, а также исполнение обусловленных ею обязанностей.

При том в моем отношении к другим я также исхожу из признания и уважения их автономии воли и имущественной самостоятельности, реализуя тем самым наше равенство и свободу в гражданско-правовых отношениях»²².

Прежде всего договор — это форма проявления субъектности, индикаторами которой выступают *свобода* и *ответственность (долг)* за собственные решения. Привести доказательства этого утверждения в брачно-семейных отношениях не представляет особой сложности, ибо семейно-правовой договор имеет место там и тогда, когда его стороны признаются субъектами права, автономными личностями, обладающими необходимой свободой в принятии решений и несущими за такие решения ответственность.

В исторической ретроспективе первым договором в сфере семьи, пожалуй, явился договор о браке (соглашение о заключении брака, брачный сговор, который мог сопровождаться различными имущественными аспектами). С рабынями, пленницами, которые рассматривались в качестве трофеев — вещей, объектов, договоры о браке не совершались. Но если женщина имела соответствующий правовой статус, была свободной, заключавшийся брак имел договорный характер. Если же будущие супруги находились под властью главы семьи — патриарха, как правило, родителя, соответственно, договор о браке совершался исключительно лицом, обладавшим правовой личностью²³. «Поскольку роль родителей в браке молодых... была доминирующей, сам брак свершался по родительскому выбору, который был неоспорим и подчинение которому было беспрекословно, то и отношения по поводу предстоящего брака складывались не столько между женихом и невестой, сколько между их семьями»²⁴.

Отечественные исследования, касающиеся эволюции договорного регулирования семейных отношений, как правило, охватывают исторический период с 1917 г.²⁵ И это не случайно.

²⁰ Йеринг Р. фон. Избранные труды. Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 40.

²¹ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 10.

²² Хамидуллина Ф. И. Нравственные основания гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 200.

²³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 484 ; Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1998. С. 450–451.

²⁴ Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М. : Ось-89, 2003. С. 14.

²⁵ См., например: Вихарев А. А. Эволюция договорного регулирования семейных отношений в российском законодательстве // Образование и право. 2019. № 5. С. 85–90 ; Филиппова Т. А., Громоздина М. В.,

Именно Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 18.12.1917²⁶ закрепил новые принципы построения семьи: равенства прав мужчины и женщины в семейных отношениях, равенства прав детей, рожденных в браке и вне брака, добровольности брака, свободы развода, что стало впоследствии основой для возникновения иных семейно-правовых договорных конструкций. Однако говорить о сколь бы то ни было серьезном договорном регулировании семейных отношений стало возможным только к концу XX в., ибо договоры внутри семьи возникают на почве некоторой атомизации ее членов и осознания ими своих прав, а равным образом и ответственности. «Когда индивид перестает рассматриваться преимущественно как элемент группы (общины, цеха, сословия или нации) и добивается признания своей автономии, это не означает, что люди перестают друг с другом взаимодействовать, а предполагает, что это взаимодействие начинает выстраиваться преимущественно на контрактных началах»²⁷.

Существование договоров в семейных отношениях возможно при условии не только автономной свободы членов семьи, но и определенной автономности ее самой. При стремлении государства регулировать семейные отношения исключительно при помощи императивных норм, вторгаться во все сферы жизнедеятельности семьи, договору нет места.

В философском понимании свобода выступает в двух основных значениях. Во-первых, она представляет собой способность и возможность человека самостоятельно делать выбор, действовать по своему усмотрению, мыслить и поступать в соответствии со своими потребностями, интересами и целями. Это не свойство, а неотъемлемая составляющая человеческой сущности (субстанции), которая имеет фундаментальное значение в определении чело-

века как мыслящего и самостоятельно действующего субъекта, обладающего возможностью выбора в соответствии со своей волей²⁸. В этом смысле свобода — «явление психологического порядка» (внутренняя свобода). Во-вторых, свобода понимается как социальное (общественное) явление. «Уровень договорной свободы является показателем и проявлением свободы человека и общества в целом»²⁹. Философский парадокс свободы заключается в том, что она может быть осознана и реализована человеком только в системе социальных связей. Свобода есть ценность лишь в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове, она лишена всякого смысла³⁰. Как общественное явление свобода, выражающаяся в том или ином поведении человека, получает оценку со стороны других людей (внешняя свобода)³¹.

С точки зрения права свобода — это 1) обозначение правового положения человека и его личной физической неприкосновенности (элемент правоспособности); 2) возможность, сопоставимая с субъективным правом; 3) нематериальное благо, объект субъективного права; 4) правовой принцип и необходимое условие существования правового государства; 5) мера необходимых и объективно обусловленных ограничений.

В любом случае свобода одного субъекта немыслима без свободы другого. «Принцип права предполагает уважение к правам других лиц. Его суть, в соответствии со знаменитым определением Канта, состоит в том, что “моя свобода” ограничивается равной свободой других лиц, и в этом — залог всеобщей свободы и беспрепятственного пользования личными правами»³².

Согласно статье 421 ГК РФ (пожалуй, единственной на сегодняшний день фиксирующей в концентрированном виде принцип свободы договора) принцип свободы гражданско-пра-

Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 1. С. 57–65.

²⁶ СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

²⁷ *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. С. 283.

²⁸ См.: *Свендсен Л.* Философия свободы: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2016; *Черненко А. К.* Философия права. 2-е изд. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. С. 46–47.

²⁹ *Казанцев М. Ф.* Указ. соч. С. 131.

³⁰ См.: *Клименко Ю. Г.* Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (44). С. 457–458.

³¹ *Клименко Ю. Г.* Указ. соч. С. 458.

³² *Мартышин О. В.* Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 9.

вового договора предполагает свободу вступления в договорные отношения, выбора стороны, а также типа и вида договора, включая смешанный и непоименованный, определения параметров договорных отношений. В то же время очевидно, что договорная свобода отнюдь не абсолютна.

Что является причинами или основой ограничения договорной свободы? По этому вопросу представляют интерес размышления А. Г. Карапетова и А. И. Савельева. В политико-правовом контексте авторы выделяют этические и утилитарные основания, оправдывающие введение тех или иных инструментов сдерживания договорной свободы. Этические ограничения обосновываются соображениями этики (например, справедливости), утилитарные — общественной пользой (например, экономической эффективностью или предотвращением социально вредных последствий). При этом отмечается, что многие этические ценности в той или иной форме отражают долгосрочные утилитарные установки, поскольку укорененные в культуре этические императивы суть результат накопления тысячелетнего опыта поиска наиболее целесообразных для общества и оправданных с экономической точки зрения утилитарно приемлемых решений³³. Иными словами, во многих случаях наблюдается совпадение этических императивов и утилитаризма.

Тем не менее, по мнению А. Г. Карапетова и А. И. Савельева, совпадение того, что является этическим, с тем, что может быть оправдано с точки зрения «утилитаризма правил», отнюдь не всегда предопределено. Не исключается конфликт утилитарных и этических соображений. Например, «по всей вероятности, экономически можно рассчитать, что добровольный контракт, согласно которому нищий обязуется покончить с собой и завещать свои органы некоему богатому реципиенту, взамен берущему на себя обязательства по содержанию семьи нищего, является вполне экономически эффективным, так как отражает реальную оценку собственных интересов контрагентами и увеличивает общее благосостояние: богач остается жив и приносит большую пользу обществу, а донор спасает свою семью и дает возможность детям вырваться из нищеты. Но что бы там ни гово-

рили нам эти расчеты Парето-эффективности такой сделки, наше этическое чувство восстанет против такого проявления (кстати, отнюдь не гипотетического) свободы договора и потребует запретить такие аморальные сделки»³⁴. Таким образом, сам критерий общественной полезности, выступающий мерилем тех или иных правовых решений, вряд ли может быть ясно определен без использования этических стандартов, ибо право в не меньшей мере есть инструмент обеспечения справедливости, а также ряда иных этических ценностей³⁵.

Авторы обращают внимание на то, что при конфликте утилитарных и этических соображений выбор правовой системы является результатом попытки сбалансировать эти ценности и найти лучшие компромиссы (trade-off). Иногда выбор будет сделан в пользу этических принципов. Во многих случаях снижение экономической эффективности является социально приемлемой ценой, которую общество готово платить за решение тех или иных этических проблем. В других же — результат политико-правового анализа ограничения договорной свободы может быть противоположным и справедливость или общественная нравственность будет принесена в жертву экономической эффективности или иным утилитарным соображениям. При этом А. Г. Карапетов и А. И. Савельев приходят к выводу о принципиальной невозможности механизировать процесс, выработать универсальную формулу принятия оптимального решения³⁶.

Упомянутый конфликт утилитарных (прагматических) и этических ценностей в договорном регулировании отношений семейно-правовой сферы также имеет место. Так, например, архисложной для принятия правовых решений является область использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ). Казалось бы, современные биотехнологические и медицинские достижения человечества способны преодолевать проблемы бесплодия, генетических и наследственных заболеваний, другие социальные проблемы в условиях демографического кризиса, существующего в том числе и в России. Постоянно совершенствующиеся ВРТ способствуют реализации репродуктивной свободы людей. Несомненно, здесь присутствует и

³³ См.: Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 289–291.

³⁴ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 292–293.

³⁵ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 292–295.

³⁶ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 294–295.

гуманитарное начало, поскольку предоставляется возможность бесплодным людям реализовать себя в качестве родителей³⁷.

Вместе с тем во многих государствах из морально-этических соображений суррогатное материнство находится под запретом. Законодательный запрет на сделки между «заказчиком» и суррогатной матерью обусловлен:

1) интересами ребенка, поскольку на сегодняшний день не существует серьезных исследований о том, как влияет на ребенка расщепление образа матери, неизбежное при суррогатном материнстве; вполне возможен кризис идентичности. Кроме того, договорные отношения между потенциальными родителями и суррогатной матерью подразумевают, что ребенок является объектом договора. Такая ситуация, подтверждающая существование так называемого права на ребенка, недопустима. С более жестких этических позиций суррогатное материнство расценивается как торговля людьми³⁸;

2) благополучием суррогатной матери и ее семьи. Беременность всегда подразумевает некоторую угрозу здоровью женщины, вынашивающей ребенка. Последствия, включая психологические, суррогатного материнства могут сказываться еще много времени спустя. Особенно сложно предсказать психологические последствия для суррогатной матери и ее семьи, в частности то, как повлияет на других ее детей тот факт, что, родив им брата или сестру, мать отдает его (ее) в другую семью;

3) риском эксплуатации суррогатной матери. Социологические исследования показывают, что чаще всего суррогатными матерями стано-

вятся женщины, неблагополучные в материальном отношении;

4) противоречием публичному порядку и традиционным семейным ценностям³⁹.

Что касается российского права, допускающего ВРТ, в том числе с использованием суррогатного материнства, то в настоящий период в силу изменения вектора ценностных ориентиров наблюдается трансформация правового нормирования отношений суррогатного материнства. Закрепление на конституционно-правовом уровне ценности семьи, материнства, отцовства, детства, брака как союза мужчины и женщины, семейного воспитания детей и других традиционных семейных ценностей (ст. 38, 67.1, 72 Конституции РФ) повлекло за собой введение ряда императивов, касающихся субъектного состава договора суррогатного материнства.

Ранее действовавшее законодательство, характеризовавшееся серьезными внутренними противоречиями, по сути, допускало участие в программе суррогатного материнства любых физических лиц: мужчин и женщин, как состоящих, так и не состоящих в браке (без привязки к «между собой»), одиноких женщин и через легализацию в судебном порядке одиноких мужчин⁴⁰. В последнем случае требование закона о допустимости использования суррогатного материнства только по медицинским показаниям нивелировалось. К тому же было возможным использование донорских половых клеток и донорских эмбрионов, что делало допустимым отсутствие генетической связи ребенка с потенциальными родителями. Столь либеральное регулирование рассматриваемых отношений

³⁷ См.: *Тарусина Н. Н.* О ценностных ориентирах российской версии прав человека // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 18. № 2. С. 251.

³⁸ См.: *Долголенко Т. В., Мельникова Т. В., Рычкова Н. Ю.* Суррогатное материнство и закон // Российский следователь. 2023. № 7. С. 39–43; *Тарусина Н. Н.* Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 44.

³⁹ См.: *Arslanov K. M., Nizamieva O. N.* Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 10. No. 12. P. 841–842; *Борминская Д. С.* Права ребенка в контексте суррогатного материнства на примере Англии и Франции // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С. 9–10; *Ильина О. Ю.* Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.

⁴⁰ См.: *Егоров К. В., Егорова Е. С.* Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов // Гражданское право. 2022. № 4. С. 17–20; *Тарусина Н. Н.* О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.

породило репродуктивный туризм и массовый вывоз детей, рожденных российскими суррогатными матерями, за пределы РФ⁴¹.

Смещение целевых установок в пользу традиционных семейных ценностей привело к сужению круга лиц, которые могут стать стороной договора о вынашивании и рождении ребенка. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴², к услугам суррогатной матери могут прибегнуть только мужчина и женщина, состоящие в браке между собой, либо одинокая женщина, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям. Одновременно вводятся понятия «генетическая мать» и «генетический отец», поскольку потенциальные родители должны быть генетическими родителями ребенка, вынашиваемого суррогатной матерью. И наконец, появляется требование о том, что один из потенциальных родителей (генетическая мать или генетический отец) или оба (генетическая мать и генетический отец) либо одинокая женщина (генетическая мать), а также суррогатная мать должны иметь гражданство Российской Федерации.

Указанные нововведения, а также сопутствующие им положения о правовых последствиях прекращения или признания недействительным брака потенциальных родителей к моменту внесения записи о родителях ребенка в книгу записей рождений являются результатом проводимой государственно-правовой политики, направленной на сбережение семейных ценностей и традиций как элементов духовно-нравственного ценностного ряда и отражения доминирующих в обществе моральных норм и этических установок. И принятое правовое решение выступает неким компромиссом между утилитарными соображениями

и этическими ценностями, потому что в такой трактовке «оправдывается» легальный статус суррогатного материнства в его «косвенной связи с конституционной демографической функцией и целью сохранения и развития народа России»⁴³.

Другой ценностью, лежащей в основе любого договора и взаимосвязанной со свободой и справедливостью, выступает *равенство*. Как правило, в правовой доктрине утверждается, что равенство в договоре имеет формально-юридический характер, так как представляет собой некий технико-юридический прием. Под равенством понимаются равные правовые возможности охраны и реализации интересов каждого участника договора, автономное положение сторон по отношению друг к другу и возможность любой из них выступить инициатором возникновения договорных отношений. Однако обозначенное требует определенных уточнений.

Идея равенства взаимодействующих субъектов права в теоретико-правовых исследованиях приобретает следующие смысловые значения:

- равенство общего правового статуса людей, наличие у субъектов равной правоспособности, недопустимость какой-либо дискриминации («каждый имеет право», «каждый может», «каждому гарантируется»);
- отсутствие отношений власти и подчинения;
- формально-юридическое равенство, предполагающее существование у субъектов принципиально равных возможностей в приобретении прав и обязанностей и их осуществлении;
- равная защита перед законом и равенство ответственности⁴⁴.

Формальное равенство — это всеобщий масштаб и единая для всех норма регуляции, соблюдение эквивалентности, соразмерности и равномерности в отношениях между субъек-

⁴¹ См.: *Войтович Е. П.* Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 137–141; *Ерохина Е. В., Канзафарова Э. Р.* Суррогатный туризм // Юридический факт. 2020. № 123. С. 23–26.

⁴² СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9368.

⁴³ *Крусс В. И.* Репродуктивные права и притязания // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 143.

⁴⁴ См.: *Нерсисянц В. С.* Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2020. С. 34; *Козюк М. Н.* Правовое равенство: Вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 13–15; *Юрчук В. С.* Юридическое равенство как важнейшая характеристика права // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2 «Юридические науки». 2017. № 3 (12). С. 55–57.

тами права⁴⁵. При характеристике частноправового равенства в юридической литературе нередко обращается внимание на такой его критерий, как баланс интересов участников правоотношений⁴⁶.

Своеобразное звучание категория равенства приобретает в трактовке Ю. В. Романца. Автор рассматривает равенство субъектов правоотношения сквозь призму «нравственного достоинства» и «справедливости». Речь идет о равенстве нравственного достоинства людей, содержанием которого прежде всего выступают естественные неотчуждаемые права, свободы и обязанности, предоставляющие человеку возможность для нравственного совершенствования. «Нравственное достоинство требует признания за человеком права на истину, т.е. на то, чтобы в нем и во всем, что с ним связано, объективно видели то, что существует на самом деле. Это — естественное право, заложенное в нравственную природу человека. “Жажда правды” в той или иной степени живет в каждом из нас... Каждый из нас невольно ощущает нарушение этого права, когда сталкивается с необъективностью и несправедливостью»⁴⁷.

Ю. В. Романец обращает внимание на то, что в условиях фактического неравенства, когда одна из сторон договорных отношений, располагающая всеми реальными возможностями, в состоянии навязывать свою волю, установление формального юридического равенства (в виде наделения всех одинаковыми правами, обязанностями и распространения равных запретов) приводит к усугублению реального неравенства, и сильный получает возможность злоупотребления своей силой в ущерб слабому. Принцип равного нравственного достоинства предполагает такую организацию правоотношений, при которой оба контрагента имеют равные реальные возможности осуществления прав, выражающих нравственное достоинство, и ни один из них не может диктовать свою волю другому, фактически лишая его предоставлен-

ных прав и недобросовестно перераспределяя какие бы то ни было блага в свою пользу. Для преодоления фактического неравенства «необходима простая формула: равенство нравственного достоинства обеспечивается установлением справедливого юридического неравенства, адекватно уравнивающего фактическое неравенство»⁴⁸.

И надо признать: право располагает необходимым инструментарием (льготы, преимущественные права, специальные гарантии, дополнительные обязанности, правовые фикции, доказательственные презумпции и пр.), а также соответствующими приемами правового регулирования (запреты, ограничения и т.п.), которые позволяют осуществить такое выравнивание участников правоотношения. При этом существующее в законодательстве «льготирование» позволяет избежать формального или декларативного равенства субъектов. В юридической литературе подчеркивается, что, обеспечивая равные возможности и реализацию этих возможностей для субъектов, льготы выступают средством правового выравнивания или компенсации неравенства⁴⁹.

В доктрине семейного права под равенством (чаще всего с точки зрения гендерного признака, но не только), как правило, понимают социально-правовое явление, отражающее степень одинакового значения субъектов для общества и государства; наличие у граждан равных прав, свобод и обязанностей, а также возможностей для их реализации. Оно заключается в установлении единых правил поведения для субъектов правоотношений, находящихся в сходных условиях и с идеально одинаковыми обстоятельствами, а также различных правил поведения (установление запретов, ограничений, предоставление дополнительных прав, возложение юридических обязанностей, повышенной ответственности и т.п.) для субъектов правоотношений, находящихся в сходных условиях, но характеризующихся различными обстоятель-

⁴⁵ См.: *Нерсесянц В. С.* Указ. соч. С. 30.

⁴⁶ См.: *Кузнецова О. А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 133–140; *Пьянкова А. Ф.* Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2015. № 1 (26). С. 124.

⁴⁷ *Романец Ю. В.* Принцип справедливого равенства субъектов правоотношений между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46.

⁴⁸ *Романец Ю. В.* Указ. соч. С. 47.

⁴⁹ См.: *Боннер А. Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 17; *Фильченко Д. Г.* Процессуальные льготы «не подрывают принцип равенства» // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 74–89.

ствами, на основе критериев, закрепленных в нормативных правовых актах⁵⁰.

Глобальная идея равенства отражена в общих положениях семейного законодательства. Так, пункт 4 ст. 1 СК РФ устанавливает запрет на любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В то же время предусматриваются основания и цели возможного ограничения прав граждан в семье: только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. В этой связи следует согласиться с тем, что фактические различия между людьми с точки зрения физиологии (пол, возраст, беременность), социального положения (инвалид, пенсионер, ребенок-сирота), гражданства, отношения к правопорядку (судимость, отбывание наказания в виде лишения свободы) приводят к неравенству в определении правовых статусов субъектов в одних и тех же жизненных ситуациях с учетом указанных характеристик. Причем семейному законодательству эта особенность наиболее свойственна⁵¹.

К основным началам семейного законодательства также отнесен принцип равенства прав супругов в семье (п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 31 СК РФ). Обращает на себя внимание узкая направленность данного принципа.

Во-первых, в отличие от гражданского законодательства, основывающегося на признании равенства всех участников регулируемых им отношений, семейное предусматривает равенство лишь одной категории участников соответ-

ствующих отношений — супругов, а ими далеко не исчерпывается их круг⁵². Действительно, достаточно сложно говорить о равенстве сторон и их независимости в детско-родительских, усыновительских, опекунских и других семейных правоотношениях. Это та сфера, где взаимодействуют, дополняют и определяют границы (пределы) друг друга иные принципы: приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, добросовестного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей, обеспечения баланса интересов сторон семейных отношений и др.⁵³

Во-вторых, В. Ф. Яковлевым справедливо отмечено, что основа и содержание равенства субъектов гражданского и семейного права различны. Если равенство субъектов гражданского права представляет собой юридическое выражение имущественной самостоятельности участников и эквивалентности товарно-денежных связей, то равенство субъектов семейных правоотношений базируется на личном равноправии в семейных правоотношениях и независимо от эквивалентности обмена⁵⁴.

Более того, в семейно-правовой науке представлена точка зрения, утверждающая присутствие элемента управления в любых семейных отношениях. Аргументация строится на том, что семья — это коллектив, в котором удовлетворяются общие потребности и решаются общие проблемы, а таковое затруднительно без внутреннего управления. Наличие общесемейных вопросов и необходимость их совместного разрешения всегда предполагают лидерство, активность и преобладание разумной воли одного из ее членов (супругов). Подобное неравенство еще в большей степени обнару-

⁵⁰ См.: *Левушкин А. Н.* Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств — участников СНГ : монография. М. : Юнити-Дана, 2014. С. 114–115 ; *Сочнева О. И.* Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 104.

⁵¹ См.: *Сочнева О. И.* Социальные и юридические аспекты конструкций семейно-правовых статусов // Социально-юридическая тетрадь. 2013. № 3. С. 52 ; *Она же.* Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве. С. 103.

⁵² Не возводя в ранг основных начал семейного законодательства, тем не менее вслед за Конституцией РФ, предусматривающей, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей, пункт 1 ст. 61 СК РФ закрепляет равные права и равные обязанности родителей в отношении своих детей.

⁵³ См.: *Ксенофонтова Д. С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. С. 18–29, 70, 73.

⁵⁴ См.: *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1.

живается в отношениях между родителями и несовершеннолетними детьми⁵⁵.

В любом случае установленное равенство супругов, а также равенство прав и обязанностей родителей сопровождаются разного рода законодательными отступлениями и изъятиями, получающими позитивную или негативную оценку в теории и на практике⁵⁶.

Учет возможной личной, психологической, имущественной или иной зависимости одного члена семьи от другого обнаруживается и в правовой регламентации договорных отношений. Так, например, пункт 3 ст. 42 и пункт 2 ст. 44 СК РФ справедливо расцениваются как инструмент защиты слабой стороны брачного договора⁵⁷. Необходимость специального основания для признания брачного договора полностью или частично недействительным, если его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, обусловлена тесной связью такого договора с личными отношениями сторон. В силу воздействия сугубо личных моментов: чувства привязанности, личной зависимости, чрезмерного доверия другой стороне, не исключается ситуация, когда одна из сторон соглашается заключить брачный договор, условия которого в дальнейшем приведут к существенному нарушению ее прав⁵⁸. Отсутствие имущественной самостоятельности, а также состояние экономической зависимости несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи в договорных отношениях по алиментированию обуславливают наличие системы специальных правовых гарантий, направленных на защиту слабой стороны правоотношения. Не менее значима сбалансированность нематериальных интересов членов семьи

в регулировании иных договорных отношений, «причем интересов специфических, связанных с самыми существенными потребностями человека (продолжение рода, защита потомства и иных родственников)»⁵⁹.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что хотя в основе договорных семейных отношений равенство имеет место, однако оно не играет первую скрипку. В большей мере ценностную основу договорного регулирования семейных отношений должно формировать *равное нравственное достоинство или формальное равенство, обогащенное справедливостью*. В этой связи вполне уместно процитировать высказывание М. В. Преснякова: «Первое и наиболее очевидное толкование принципа справедливости связано с понятиями “соразмерности”, разумной и обоснованной дифференциации объема прав, льгот, гарантий, которые предоставляются отдельным категориям граждан. В рамках данной модели находит свое выражение необходимость обеспечивать равенство всех правопользователей, с одной стороны, и требование разумной и обоснованной дифференциации — с другой (“равное — равным; неравное — неравным”)»⁶⁰.

Для семейно-правовой сферы наиболее приемлема концепция ретрибутивной (воздающей) справедливости, точкой опоры в построении которой является индивид, а критерием справедливости выступают права и свободы человека и гражданина. В социальной практике справедливость «сводится в конечном счете к уважению человеческой личности: к тому, чтобы при любых обстоятельствах охранять человеческую индивидуальность и свободу действия, которая — и это тоже справедливо! — ограничи-

⁵⁵ См.: *Кравцова Л. Н.* Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 т. Краснодар, 2005. Т. 1. С. 124–125.

⁵⁶ См.: *Елисеева А. А.* Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125 ; *Рыженков А. Я.* Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19 ; *Ульянова М. В.* Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 59–75.

⁵⁷ См.: *Астапова Т. Ю.* Реализация принципа равенства прав супругов в брачном договоре // Нотариус. 2019. № 5. С. 21–23 ; *Волос А. А.* Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 26–29 ; *Савельев Д. Б.* Соглашения в семейном праве : учеб. пособие. М., 2017. С. 44.

⁵⁸ См.: *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Юристъ, 1996. С. 174.

⁵⁹ *Кулаков В. В.* Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 17.

⁶⁰ *Пресняков М. В.* Конституционная концепция принципа справедливости : монография / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009.

ваается лишь там и ровно настолько, где и насколько оказывается затронутой свобода других лиц»⁶¹. При этом «справедливость есть способ отношения человека к другому лицу, основанный на принципе взаимности, уравнивающим людей в их достоинстве»⁶².

Сущностная специфика воздающей справедливости состоит не только в том, чтобы «как можно точнее соизмерять возмещение с убытком»⁶³ и принцип равного воздаяния рассматривать исключительно как принцип ответного действия за причиненный вред, но и в обогащении принципом воздаяния за совершенное благо: «не только зло за зло, но и добро за добро». Золотое правило воздающей справедливости формулируется следующим образом: «Относись к другому, как к самому себе». При этом смысл в том, что в отличие от первоначального варианта правила благодарности как ответа добром на добро оно содержит интенцию к будущему поведению субъекта. Иными словами, золотое правило заключает в себе требование воздаяния здесь и сейчас за добро, которое будет совершено позднее. Поскольку субъект подчиняет свое поведение своим пожеланиям ответного действия со стороны других по отношению к нему, то золотое правило автоматически превращается в требование равного уважения ко всем людям, непричинения им вреда или равной заботы о них⁶⁴.

Ретрибутивная справедливость рассматривает человека не во взаимных отношениях с другими людьми, а в соотношении с собой и с определенными стандартами общества. «Со-

гласно воздающей парадигме, парадигмальной справедливостью или несправедливостью в качестве ценностного идеала является не тот случай, когда индивид А получает больше или меньше индивида В, но случай, при котором А получает слишком много или слишком мало некоторого блага или тягот, но не относительно положения другого, а относительно своего собственного состояния»⁶⁵. Тем самым «ретрибутивная справедливость предполагает не сопоставление социального положения индивидов и распределение благ между ними, а предоставление каждому из них, взятому в отдельности, того, что должно»⁶⁶. Справедливость воздаяния исходит из инициативного признания Другого, уважения к личности другого человека и признания его прав⁶⁷.

Приемлемость применения концепции ретрибутивной (воздающей) справедливости к семейно-правовой сфере, на наш взгляд, обуславливается двумя ее важнейшими аспектами гуманистической направленности. И здесь не следует забывать, что к основным началам российского семейного законодательства отнесен принцип гуманности (ст. 5 СК РФ)⁶⁸. Впрочем, человеколюбие может рассматриваться и как самостоятельная ценностная основа договорного регулирования отношений семейно-правовой сферы. В частности, именно на принципе гуманности, по нашему мнению, в первую очередь должно строиться договорное регулирование отношений, возникающих в связи с использованием ВРТ. Недопустимость потребительского подхода к человеку, необходимость

⁶¹ Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство в формализации нравственных начал в гражданском праве // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 132.

⁶² Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство...

⁶³ Дыльнова Т. В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2005. С. 74.

⁶⁴ См.: Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁵ Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России : монография / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 27.

⁶⁶ Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁷ См.: Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁸ «Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий, человечный) — представляет нравственный принцип в отношениях между людьми и в деятельности общественных институтов, в основе которого лежат забота о человеке, стремление к улучшению условий его жизни, обеспечение удовлетворения его потребностей и развития талантов» (Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. С. 121). Гуманизм также рассматривается как трепетное отношение не только к человеку, но и ко всему живому, милосердие, защита слабого от сильного, отказ от использования человека как средства, т.е. недопущение объективации человека в гражданских правоотношениях, и др. См.: Богданов Е. В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70–87.

обеспечения надлежащей правовой защиты ребенка как до, так и после рождения, охраны права на жизнь, обеспечения прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины очевидны⁶⁹.

Одна сторона воздающей справедливости, сопряженная с карательной функцией, представляет собой меру воздаяния за причиненное зло. Ее исходной формулой выступил принцип талиона (от лат. *talio* — «возмездие, равноценное проступку»; ответное возмездное действие должно быть равным совершенной несправедливости). Однако со временем воздающая справедливость обогащается новыми гуманизирующими началами: соразмерность наказания; строгое соблюдение эквивалентности возмездия проступку не исключает смягчения наказания, установления его меры ниже меры проступка⁷⁰. При применении мер ответственности необходимо учитывать обстоятельства, не зависящие от нарушителя, а также заслуживающие внимания интересы каждого из участников отношения (а возможно, и иных лиц, зависимых от нарушителя), что актуально и для современного семейного права. Так, например, действие принципа гуманности видится в применении мер ответственности к должнику за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей. Действующее законодательство, а также правоприменительная практика исходят из необходимости учета не только соразмерности наказания (взыскиваемая неустойка должна быть соразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов), но и материального и (или) семейного положения плательщика алиментов, а также исключительных обстоятельств, затрагивающих права и законные интересы других членов семьи алиментобязанного лица⁷¹.

Другая сторона ретрибутивной справедливости, в большей степени отражающая ее регулятивную функцию, заключается в равном воздаянии за предоставленное благо. Специфика этого аспекта выражается в ее инициативном характере и предположительном, ожидаемом возмездии за добро. Благодеяние здесь, в отличие от первоначального смысла правила благодарности, выступает не как ответное действие (собственно возмездие), а в качестве моральной обязанности давать, помогать и т.п. Эта интенция выражается, например, в благотворительности, которая, в отличие от мщения, базируется на этике золотого правила и заповеди любви. «Древнее правило благодарности как соразмерной “платы” за благодеяние здесь в значительной степени снимается требованием бескорыстного совершения добрых поступков. Однако в таком случае ретрибутивная, или возмездная, модель справедливости парадоксальным образом утрачивает характер возмездности»⁷².

Думается, что именно это гуманистическое направление справедливости объясняет существование в семейно-правовой сфере таких благ и ценностей, как любовь, понимание, счастье, забота, поддержка и т.п. Например, в преамбуле Конвенции ООН о правах ребенка, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 44/25, указывается на признание государствами — участниками того, «что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания». Представляется, что гуманность лежит в основе альтруистической концепции суррогатного материнства, воспринятой законодателями отдельных стран (например, Великобритании и Индии)⁷³.

⁶⁹ См.: Ахметьянова З. А., Гараева Г. Х., Низамиева О. Н., Опыхтина Е. Г. Эмбрион *in vitro*: к вопросу о правовом положении (с позиции гражданского права) // *Legal Bulletin*. 2022. Т. 7. № 2. С. 80–91; Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 5. С. 129–142; Ксенофонтова Д. С. Правовые основы геномной терапии: в поисках баланса интересов // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 143–152; Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62.

⁷⁰ См.: Александров Ю. В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2003. С. 21–22.

⁷¹ См.: Низамиева О. Н., Ксенофонтова Д. С. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 10–14.

⁷² Пресняков М. В. Указ. соч.

⁷³ См.: Борминская Д. С. Указ. соч. С. 10–12; Чехарина В. И. Суррогатное материнство в Индии: проблемы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 215–223.

На альтруизме основано существующее в семейном праве фактическое воспитание детей (ст. 96 СК РФ). Фактические воспитатели — это лица, которые осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетнего ребенка (детей), не являясь при этом родителями, усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями или патронатными воспитателями. Это могут быть как родственники ребенка, так и лица, не состоящие с ним в родстве. При этом, как правило, в правовой науке проблемы фактического воспитания рассматриваются сквозь призму форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, защиты прав таких детей или алиментных обязательств иных членов семьи⁷⁴.

Впрочем, по заслуживающему внимания мнению Е. Г. Комиссаровой, фактическое воспитание не связано с разрывом естественной родительской связи (с ситуациями детского неблагополучия): это продолжение и развитие естественного семейного воспитания. «Это тот вид и стиль социального воспитания, которое про ребенка, не лишено родительского попечения, для ребенка, во благо ребенка и в интересах ребенка. Именно в целях недопущения разрыва семейной общности закон не считает такое воспитание просоциальным, оставляя свободу выбора родителям ребенка в том, быть или не быть этим отношениям в параллели с родительским воспитанием, а самому воспитателю — свободу принятия этих забот на себя. Порождаемые таким воспитанием последствия презюмируются позитивными, что с точки зрения гуманности выглядит нравственным и справедливым»⁷⁵.

Как уже отмечалось, точкой опоры в построении концепции ретрибутивной (воздающей) справедливости являются индивид, его права и свободы. И это, на наш взгляд, не противоречит идее о том, что чрезмерный эгоизм несправедлив в отличие от заботы о чужом и общем благе.

Механизм функционирования справедливости образно и вместе с тем достаточно точно

описан Р. Йерингом: «Никто не существует только ради самого себя, никто не может в жизни обойтись самим собою, всякий живет сознательно или бессознательно, с помощью и вместе с тем для других. Подобно тому, как всякое тело полученную им извне теплоту должно возратить обратно, так и человек, вдыхая в себя интеллектуальный или этический эфир, разлитый в культурной атмосфере общества, должен выдыхать его. Жизнь есть непрерывное дыхание; вдыхать воздух из окружающей атмосферы и выдыхать в нее одинаково необходимо как для физической, так и для умственной жизни. Во всяком отношении человеческой жизни можно отыскать признаки подобного существования для другого, в большинстве же — признаки существования друг для друга. Жена существует для мужа, но и последний — для жены; дети для родителей, родители для детей... община и ее члены, государство и его граждане, общество и индивид, народ и народ, отдельный народ и человечество — где найдем мы отношение, в котором не было бы существования друг для друга? <...> Куда ни посмотрим, всюду повторяется одно и то же явление: никто не существует только для себя, а также и для других, скажем точнее: для мира»⁷⁶; «Каждое отдельное лицо существует для мира и мир существует для отдельного лица»⁷⁷.

С учетом существования в семейно-правовой сфере интересов каждого из членов семьи, интересов самой семьи как социальной группы, интересов общества (отдельных общественных групп) и интересов государства, думается, справедливость предполагает баланс или гармонизацию упомянутых интересов, а также гармоничное состояние соответствия между персонцентризмом (индивидуализмом) и семьецентризмом. Применительно к последней дуальности договорное регулирование семейных отношений должно иметь в качестве социальной аксиологической основы как ценности индивидуализма (фундаментальные права человека, высокая ценность личности, свобода, самореализация, чувство собственного

⁷⁴ См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. М. : ТК Велби, 2009. Т. 3. С. 539–540 (автор — Е. Н. Бычкова) ; *Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. М. : Юстицинформ, 2017. С. 67 и др.

⁷⁵ *Комиссарова Е. Г.* Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 6. С. 18–25.

⁷⁶ *Йеринг Р. фон.* Указ. соч. С. 70.

⁷⁷ *Йеринг Р. фон.* Указ. соч. С. 71.

достоинства и др.), так и семейные ценности, в том числе ценность самой семьи и семейной жизни. Так, в ситуации, когда мужчина и женщина достигают соглашения о заключении брака, но не для создания семьи, а для достижения иных целей (фиктивный брак), мы наблюдаем отсутствие у лиц, совершающих обозначенные действия, соответствующих морально-нравственных установок и уважения института семьи, осознания ценности семьи как таковой⁷⁸. Очевидно, что эгоистические интересы упомянутых лиц, реализуемые таким образом, не заслуживают правовой охраны.

В то же время вряд ли следует игнорировать волеизъявление супругов, отраженное в договоре о криоконсервации эмбрионов, относительно их юридической судьбы при расторжении брака или смерти одного из супругов, разумеется, в допустимых законом пределах: дальнейшее использование, донорство или уничтожение. Следует принимать во внимание право супругов на соответствующий репродуктивный выбор и уважать их право становиться или не становиться родителями. Однако при отсутствии в договоре соответствующих положений или изменении позиции одним из супругов (бывших супругов) и возникновении спора недопустим избыточный формально-юридический подход к содержанию договора. Заслуживают правовой защиты интересы той стороны, которая желает стать родителем, особенно если речь идет о невозможности повторного получения ее генетического материала, а соответственно, ценности родительства и детства. При этом стоит учесть и интерес противоположной стороны: вместо принудительного родительства (отцовства) законодатель мог бы предусмотреть освобождение ее от родительского статуса и фиксировать факт происхождения ребенка по правилам фиктивной записи (п. 3 ст. 51 СК РФ)⁷⁹.

В целом предпринятый анализ социальных и ценностных основ функционирования семейно-

правовых договоров позволяет сделать следующие выводы.

1. Социальная предопределенность функционирования договора, имплементация договора в социальные структуры взаимодействия их участников проявляются в том, что договор — это 1) естественный и неизбежный результат человеческого общения и информационного обмена; 2) средство достижения компромисса, влекущего за собой упорядоченность отношений; 3) результат поиска или самостоятельной разработки сторонами правовой формы; 4) инструмент гармонизации интересов участников, определения и фиксации общей цели, объединения их усилий для ее достижения, а также экономии разнообразных ресурсов и обеспечения безопасности; 5) механизм исчерпания прав и обязанностей, порождаемых соглашением сторон; 6) фактор обеспечения и защиты прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц; 7) ресурс предотвращения и разрешения конфликтов.

2. Ценностная система координат семейно-правового договора строится на признании за его сторонами достаточного суверенитета и автономной воли, поскольку договор выступает формой проявления субъектности, индикаторами которой являются свобода и ответственность.

Ценностную основу договорного регулирования семейных отношений должно формировать равное нравственное достоинство сторон с учетом фактических различий между ними и возможной зависимости одного члена семьи от другого.

Для семейно-правовых договоров наиболее приемлема конструкция ретрибутивной справедливости, проявляющаяся в двух аспектах: 1) соразмерности наказания проступку с возможностью его смягчения в интересах членов семьи; 2) принципе ответа добром на добро, порождающем альтруистические формы поведения в семейных правоотношениях.

⁷⁸ См.: Ильина О. Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2 (78). С. 120.

⁷⁹ Тарусина Н. Н. О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15. № 2. С. 133.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Ю. В.* Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Великий Новгород, 2003. 131 с.
- Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Юрист, 1996. 366 с.
- Астапова Т. Ю.* Реализация принципа равенства прав супругов в брачном договоре // *Нотариус*. 2019. № 5. С. 21–23.
- Ахметьянова З. А., Гараева Г. Х., Низамиева О. Н., Опыхтина Е. Г.* Эмбрион in vitro: к вопросу о правовом положении (с позиции гражданского права) // *Legal Bulletin*. 2022. Т. 7. № 2. С. 80–91.
- Богданов Е. В.* Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // *Журнал российского права*. 2022. № 9. С. 70–87.
- Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С.* Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 5. С. 129–142.
- Боннер А. Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Российское право, 1992. 320 с.
- Борминская Д. С.* Права ребенка в контексте суррогатного материнства на примере Англии и Франции // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка : материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. С. 8–12.
- Вихарев А. А.* Эволюция договорного регулирования семейных отношений в российском законодательстве // *Образование и право*. 2019. № 5. С. 85–90.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 797 с.
- Войтович Е. П.* Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 5 (78). С. 137–141.
- Волос А. А.* Слабая сторона брачного договора // *Нотариус*. 2018. № 4. С. 26–29.
- Гаджиев Г. А.* Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // *Журнал российского права*. 2019. № 1. С. 5–18.
- Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М. : ТК Велби, 2009. 800 с.*
- Долголенко Т. В., Мельникова Т. В., Рычкова Н. Ю.* Суррогатное материнство и закон // *Российский следователь*. 2023. № 7. С. 39–43.
- Дыльнова Т. В.* Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Саратов, 2005. 341 с.
- Егоров К. В., Егорова Е. С.* Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов // *Гражданское право*. 2022. № 4. С. 17–20.
- Елисеева А. А.* Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 5. С. 118–125.
- Ерохина Е. В., Канзафарова Э. Р.* Суррогатный туризм // *Юридический факт*. 2020. № 123. С. 23–26.
- Забоев К. И.* Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. М. : Юридический центр, 2003. 276 с.
- Залесский В. В.* Философия договора (закон динамического равновесия) // *Журнал российского права*. 2004. № 8. С. 105–111.
- Ильина О. Ю.* Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 3. С. 5–8.
- Ильина О. Ю.* Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право»*. 2024. № 2 (78). С. 116–125.
- Йеринг Р. фон.* Избранные труды. Самара : Самарская государственная экономическая академия, 2003. 520 с.
- Казанцев М. Ф.* Философия договора: первое приближение к решению научной задачи // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия»*. 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 127–133.
- Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М. : Статут, 2012. 452 с.
- Кашанина Т. В.* Частное право : учебник. СПС «Гарант», 2013.

- Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России : монография. Великий Новгород, 2004. 260 с.
- Клименко Ю. Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (44). С. 455–459.
- Козюк М. Н. Правовое равенство (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 1996. 24 с.
- Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 18–32.
- Кравцова Л. Н. Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 1. Краснодар : Просвещение-Юг, 2005. С. 122–129.
- Крусс В. И. Репродуктивные права и притязания // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины : монография / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М. : Проспект, 2023. С. 136–143.
- Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. 2019. № 6. С. 143–152.
- Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. 207 с.
- Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. 269 с.
- Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 16–20.
- Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств — участников СНГ : монография. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2014. 324 с.
- Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М. : Ось-89, 2003. 143 с.
- Мартышин О. В. Справедливость и право: философия и теория юриспруденции // Право и политика. 2000. № 12. С. 4–15.
- Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2020. 848 с.
- Низамиева О. Н., Ксенофонтова Д. С. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 10–14.
- Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1998. 555 с.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. 352 с.
- Попова А. В. Христианская аксиология и онтология договорного права // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 26–36.
- Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости : монография / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009. 384 с.
- Примак Т. К. Философские, политические и правовые аспекты развития договора // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 86–90.
- Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2015. № 1 (26). С. 123–128.
- Романец Ю. В. Принцип справедливого равенства субъектов правоотношений между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46–54.
- Рыженков А. Я. Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19.
- Савельев Д. Б. Соглашения в семейном праве : учеб. пособие. М., 2017. 144 с.
- Свендсен Л. Философия свободы : монография. М. : Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.
- Синицын С. А. Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 45–61.
- Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. 729 с.
- Сочнева О. И. Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 102–120.
- Сочнева О. И. Социальные и юридические аспекты конструкций семейно-правовых статусов // Социально-юридическая тетрадь. 2013. № 3. С. 45–54.
- Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62.
- Тарусина Н. Н. О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15. № 2. С. 127–141.

- Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.
- Тарусина Н. Н. О ценностных ориентирах российской версии прав человека // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 18. № 2. С. 242–255.
- Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2009. 616 с.
- Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.
- Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 134 с.
- Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 59–75.
- Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Тутаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 1. С. 57–65.
- Фильченко Д. Г. Процессуальные льготы «не подрывают принцип равенства» // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 74–89.
- Хамидуллина Ф. И. Нравственные основания гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2019. 282 с.
- Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство в формализации нравственных начал в гражданском праве // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 130–135.
- Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 330–348.
- Черненко А. К. Философия права. 2-е изд. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 149 с.
- Чехарина В. И. Суррогатное материнство в Индии: проблемы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 215–223.
- Юрчук В. С. Юридическое равенство как важнейшая характеристика права // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2 «Юридические науки». 2017. № 3 (12). С. 55–57.
- Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с.
- Arslanov K. M., Nizamieva O. N. Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 10. No. 12. P. 841–844.

REFERENCES

- Abramova EN, Averchenko NN, Baygusheva YuV, et al. Sergeev AP (ed.). Civil Law. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: TK Velbi; 2009. (In Russ.).
- Akhmetyanova ZA, Garaeva GK, Nizamieva ON, Opykhtina EG. Embryo in vitro: on the question of legal status (from the standpoint of civil law). *Legal Bulletin*. 2022;7(2):80-91. (In Russ.).
- Aleksandrob YuV. Justice in the value system of Russian legal culture. Cand. Sci. (Philosophy) Diss. Velikiy Novgorod; 2003. (In Russ.).
- Antokolskaya MV. Family Law. Moscow: Yurist Publ.; 1996. (In Russ.).
- Arslanov KM., Nizamieva ON. Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience. *Research Journal of Applied Sciences*. 2015;10(12):841-844. (In Russ.).
- Astapova TYu. Implementation of the principle of equity of spouses in a prenuptial agreement. *Notarius*. 2019;5:21-23. (In Russ.).
- Bogdanov EV. Humanism as a Principle of Russian Civil Law in the Context of New Technological Challenges. *Journal of Russian Law*. 2022;9:70-87. (In Russ.).
- Bogdanova EE, Maleina MN, Ksenofontova DS. Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies. *Lex russica*. 2020;73(5):129-142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142>.
- Bonner AT. Legality and Justice in Law Enforcement Activities. Moscow: Rossiyskoe pravo; 1992. (In Russ.).

- Borminskaya DS. Prava rebenka v kontekste surrogatnogo materinstva na primere Anglii i Frantsii [The rights of the child in the context of surrogacy on the example of England and France]. In: Nizamieva ON (ed.). *Family law at the turn of the 20th–21st centuries: on the 20th Anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, Kazan (Volga) Federal University, December 18, 2010*. Moscow; Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
- Chegovadze LA. A contract as a normative source of private law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2023;2:330-348. (In Russ.).
- Chekharina VI. Surrogacy in India: Problems of Legal Regulation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(8):215-223. (In Russ.).
- Chernenko AK. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2nd ed. Novosibirsk; Nauka. Sib. predpriyatie RAN Publ.; 1998. (In Russ.).
- Dolgolenko TV, Melnikova TV, Rychkova NYu. Surrogacy and Law. *Russian Investigator*. 2023;7:39-43. (In Russ.).
- Dyl'nova TV. Social justice as the basis for the consolidation and development of modern Russian society. Dr. Sci. (Sociology) Diss. Saratov; 2005. (In Russ.).
- Egorov KV, Egorova ES. Assisted reproductive technologies: problems of legal competence of patients. *Civil Law*. 2022;4:17-20. (In Russ.).
- Eliseeva AA. Equality of Spouses in Property Relations: History and Modern Challenges. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(5):118-125. (In Russ.).
- Erokhina EV, Kanzafarova ER. Surrogate tourism. *Yuridicheskiy fakt*. 2020;123:23-26. (In Russ.).
- Filchenko DG. Procedural Benefits «Do Not Undermine the Principle of Equality». *Herald of Civil Procedure*. 2022;5:74-89. (In Russ.).
- Filippova TA, Gromozdina MV, Titarenko EP. Establishment and development of the agreements institution in family law. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2021;18(1):57-65. (In Russ.).
- Gadzhiev GA. A contract as a general legal value (to the question of the genesis of legal epistemology). *Journal of Russian Law*. 2019;1:5-18. (In Russ.).
- Ilyina OYu. A double line or On the freedom of the reproductive choice of spouses. *Family and Housing Law*. 2024;3:5-8. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Family values and the value of the family: Unity and the fight of opposites. *Vestnik of Tver State University. Series «Law»*. 2024;2(78):116-125. (In Russ.).
- Jering R. Selected writings. Samara: Samara State Academy of Economics Publ.; 2003. (In Russ.).
- Karapetov AG, Savelyev AI. Freedom of a Contract and its Limits. Vol. 1: Theoretical, historical, political and legal grounds of the principle of freedom of contract and its limitations. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).
- Kashanina TV. Private Law. «Garant» Law Reference System; 2013. (In Russ.).
- Kashnikov BN. Liberalnye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii [Liberal theories of justice and political practice of Russia]. Velikiy Novgorod; 2004. (In Russ.).
- Kazantsev MF. The philosophy of contract: the first step to the solution of a theoretical problem. *Vestnik Novosibirsk State University. Series «Philosophy»*. 2012;10(3):127-133. (In Russ.).
- Khamidullina FI. Justice as a Legal Remedy in the Formalization of Moral Principles in Civil Law. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017;12:130-135. (In Russ.).
- Khamidullina FI. Nравственные основания гражданского права [Moral grounds of civil law]. Dr. Sci. (Law) Diss. Kazan; 2019. (In Russ.).
- Klimenko YuG. Freedom as a legal category: On diversity of the concept. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2006;4(44):455-459. (In Russ.).
- Komissarova EG. The Problem of Actual Parenting: A Methodological View. *Lex russica*. 2020;73(6):18-32. (In Russ.).
- Kozyuk MN. Legal equality (questions of theory). Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 1996. (In Russ.).
- Kravtsova LN. The Family Law Method. In: Civil legislation of the Russian Federation as a legal environment of civil society. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. In 2 vols. Vol. 1. Krasnodar: Prosveshchenie Yug Publ.; 2005. (In Russ.).
- Kruss VI. Reproaktivnye prava i prityazaniya [Reproductive rights and claims]. In: Tumanova NV (ed.). *Ocherki po pravovym voprosam v sfere meditsiny [Essays on legal issues in the field of medicine]*. Moscow; Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

- Ksenofontova DS. Gene Therapy Legal Framework: In Search of Balance of Interests. *Lex russica*. 2019;(6):143-152. (In Russ.).
- Ksenofontova DS. Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya [Legal guarantees in the field of alimony]. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
- Kulakov VV. Principles of Family Law. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2017;(5):16-20. (In Russ.).
- Kuznetsova OA. Normy-printsipy rossijskogo grazhdanskogo prava [Norms-principles of Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.).
- Kuznetsova VG (ed.). Slovar filosofskikh terminov [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow: Infra-M Publ.; 2005. (In Russ.).
- Levushkin AN. Teoreticheskaya model postroeniya sistemy semeynogo zakonodatelstva gosudarstv — uchastnikov SNG [Theoretical model of building a system of family legislation of the CIS member states]. Moscow: Yuniti-Dana: Zakon i pravo Publ.; 2014. (In Russ.).
- Maksimovich LB. Brachnyy dogovor v rossiyskom prave [Marriage contract in Russian law]. Moscow: Os-89 Publ.; 2003. (In Russ.).
- Martyshin OV. Spravedlivost i pravo: filosofiya i teoriya yurisprudentsii [Justice and Law: Philosophy and Theory of Jurisprudence]. *Pravo i politika*. 2000;12:4-15. (In Russ.).
- Nersesyants VS. Philosophy of Law. 2nd ed. Revised and supplemented. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
- Nizamieva ON, Ksenofontova DS. The liability for the failure to discharge or undue discharge of child support obligations: search for efficient mechanisms of enforcement of child support rights. *Family and Housing Law*. 2018;6:10-14. (In Russ.).
- Pokrovskiy IA. Istoriya rimskogo prava [History of Roman law]. St. Petersburg: Letniy Sad Publ.; 1998. (In Russ.).
- Pokrovskiy IA. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Major civil law issues]. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2001. (In Russ.).
- Popova AV. Christian axiology and ontology of contract law. *Journal of Russian Law*. 2019;1:26-36. (In Russ.).
- Presnyakov MV, Komkova GN (ed.). Konstitutsionnaya kontseptsiya printsipa spravedlivosti [Constitutional concept of the principle of justice]. Moscow: DMK Press Publ.; 2009. (In Russ.).
- Primak TK. Filosofskie, politicheskie i pravovye aspekty razvitiya dogovora [Philosophical, political and legal aspects of the development of the contract]. *Filosofia prava [Philosophy of Law]*. 2008;1(26):86-90. (In Russ.).
- Pyankova AF. The balance of interests as a principle of civil law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*. 2015;1(26):123-128. (In Russ.).
- Romanets YuV. The principle of fair equality of subjects of legal relations between themselves. *Journal of Russian Law*. 2010;7:46-54. (In Russ.).
- Ryzhenkov AY. The principle of equality of rights of spouses in a family: Issues of theory. *Yurist*. 2019;12:13-19. (In Russ.).
- Savelyev DB. Agreements in Family Law. Moscow; 2017. (In Russ.).
- Sinitsyn SA. Contract: New facets of legal regulation and legal understanding issues. *Journal of Russian Law*. 2019;1:45-61. (In Russ.).
- Sochneva OI. Implementation of the principle of equality in the modern family legislation. *Social'no-yuridicheskaya tetrad'*. 2014;4:102-120.
- Sochneva OI. Social and legal aspects of constructions of family legal statuses. *Social'no-yuridicheskaya tetrad'*. 2013;3:45-54. (In Russ.).
- Svendsen L. Filosofiya svobody [Philosophy of Freedom]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2016. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the law-making and conflict-of-laws meaning of the legal positions of the supreme courts of the Russian Federation (on the example of family cases). *Herald of Civil Procedure*. 2023;13(2):95-109. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the «birth and maturation» of the theory of family law contract. *Demidovskiy juridicheskiy zhurnal*. 2025;15(2):127-141. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the value orientations of the Russian version of human rights. *Vestnik Yaroslavl State University. Series «Humanities»*. 2024;18(2):242-255. (In Russ.).
- Tarusina NN. Semeynoe pravo: ocherki iz klassiki i moderna [Family law: essays from classics and art nouveau]. Yaroslavl: YarGU Publ.; 2009. (In Russ.).
- Tarusina NN. Some Statements Concerning the «Right to be Born». *Lex Russica*. 2021;74(5):52-62. (In Russ.).

Tatarintseva EA. Modeli pravootnosheniy po vospitaniyu rebenka v seme i tendentsii ikh formirovaniya v natsionalnom semeynom prave [Models of legal relations for raising a child in a family and trends in their formation in national family law]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2017. (In Russ.).

Ulyanova MV. The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses. *Pravosudie*. 2023;5(4):59-75. (In Russ.).

Urchuk VS. Legal equality as an important feature of law. *Journal of Legal Sciences*. 2017;3(12):55-57. (In Russ.).

Vikharev AA. The evolution of contractual regulation of family relations in Russian legislation. *Education and Law*. 2019;5:85-90. (In Russ.).

Vladimirskiy-Budanov MF. Obzor istorii russkogo prava [An overview of the history of Russian law]. Moscow: Territoria, budushchego. 2005. (In Russ.).

Voitovich EP. Legal regulation of family relations involving foreigners in the Russian federation: results and prospects. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2017;5(78):137-141. (In Russ.).

Volos AA. The weaker party to a prenuptial agreement. *Notarius*. 2018;4:26-29. (In Russ.).

Yakovlev VF. Selected writings. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Zaboev KI. Pravovye i filosofskie aspekty grazhdansko-pravovogo dogovora [Legal and philosophical aspects of a civil contract]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr Publ.; 2003. (In Russ.).

Zalesskiy VV. Filosofiya dogovora (zakon dinamicheskogo ravnovesiya) [Contract philosophy (dynamic equilibrium law)]. *Journal of Russian Law*. 2004;8:105-111. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
olganizamieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Nizamieva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kazan (Volga) State University, Kazan, Russian Federation
olganizamieva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 6 марта 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 15.11.2024.

Revised 06.03.2025.

Accepted 15.09.2025.

Т. А. Топилина

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Автоматизированное формирование процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу

Резюме. Статья посвящена анализу применения официальных бланков процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу. В результате анализа позиций авторов, законодательства стран постсоветского пространства относительно утверждения на каком-либо уровне официальных бланков досудебного производства делается вывод о необходимости официального утверждения бланков процессуальных документов досудебного производства на уровне подзаконного межведомственного акта. Вместе с тем в условиях развития цифровых технологий одно лишь утверждение вышеупомянутых бланков не может быть признано достаточным. В статье на основе опыта зарубежных стран обоснована необходимость создания конструктора для автоматизированного формирования процессуальных документов досудебного производства, а также предлагаются требования к содержанию данной информационной системы: образцы бланков процессуальных документов; готовые образцы описания события преступления в зависимости от пункта, части, статьи УК РФ (например, для составления обвинительного заключения); автоматическое предварительное определение квалификации деяния на основании данных, указанных должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование; подключение к различным государственным реестрам и базам данных; свобода принятия решения и полный контроль, особенно над его описательно-мотивировочной частью; использование негенеративных методов искусственного интеллекта (без создания нового текста); поиск по базе ранее изготовленных и обезличенных процессуальных документов досудебного производства с целью нахождения наиболее подходящих для составления описательно-мотивировочной части решения.

Ключевые слова: бланки процессуальных документов; конструктор процессуальных документов; процессуальные документы; протокол следственного действия; электронное уголовное дело; цифровые технологии; цифровое правительство

Для цитирования: Топилина Т. А. Автоматизированное формирование процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 44–57. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.044-057

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00830. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Automated Generation of Procedural Documents during the Pretrial Phase of a Criminal Case

Tatiana A. Topilina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the use of official forms of procedural documents in pretrial proceedings in criminal cases. Based on an examination of authors' positions and the legislation of post-Soviet countries concerning the approval of official pretrial forms at any level, the author concludes that such forms should be officially approved by a subordinate interagency regulation. At the same time, given the development of digital technologies, merely approving the forms cannot be considered sufficient. Drawing on foreign experience, the paper argues for the creation of a document constructor for the automated generation of pretrial procedural documents and proposes requirements for the content of that information system: templates of procedural document forms; ready-made examples of crime descriptions connected with the specific paragraph, part, and article of the Criminal Code of the Russian Federation (for example, for drafting an indictment); automatic preliminary determination of the legal classification of the act based on data filed by the official conducting the preliminary investigation; connectivity to various government registries and databases; freedom to make decisions and full control, especially over the narrative-and-reasoning section of court decisions; the use of non-generative artificial intelligence methods (without creating new text); and the ability to search a database of previously created and anonymized pretrial procedural documents to find the most suitable examples for drafting the narrative-and-reasoning section of a judgment.

Keywords: procedural document templates; procedural document builder; procedural documents; record of an investigative action; electronic criminal case file; digital technologies; digital government

Cite as: Topilina TA. Automated Generation of Procedural Documents during the Pretrial Phase of a Criminal Case. *Lex russica*. 2025;78(10):44-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.044-057

Acknowledgements. The study was funded by Russian Science Foundation grant No. 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Введение

Бланки процессуальных документов в уголовном судопроизводстве прошли несколько этапов развития, в результате чего была заложена основа для их утверждения на уровне кодифицированного нормативного правового акта¹. С 11 июля 2003 г. и до 7 сентября 2007 г. УПК РФ содержал формы бланков процессуальных документов досудебного производства². Согласно п. 96 ст. 1 Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» глава 57 УПК РФ признана утратившей силу³. Изначально внесенный законопроект не содержал положения о признании гл. 57 УПК РФ недействующей⁴. Предлагалось внести изменения в девять бланков процессуальных документов, а один исключить. Законопроект был направлен на создание в прокуратуре РФ Следственного комитета при прокуратуре РФ и сохранение за прокурором преимущественно функции надзора за соблю-

¹ Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751.

² Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2706.

³ Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // Российская газета. № 122. 08.06.2007.

⁴ Проект федерального закона № 401900-4 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» (редакция, внесенная в Государственную Думу ФС РФ, текст по состоянию на 05.03.2007) // СПС «КонсультантПлюс».

дением законности при производстве дознания и предварительного следствия, потому в пояснительной записке отсутствовала какая-либо информация о необходимости отказа от бланков процессуальных документов. Норма о признании гл. 57 УПК РФ утратившей силу появилась только в законопроекте, подготовленном ко II чтению⁵. Известно лишь то, что инициатива признания гл. 57 УПК РФ утратившей силу принадлежала депутату Государственной Думы ФС РФ В. Н. Плигину. Стенограммы обсуждений не содержат информацию о какой-либо дискуссии, возникшей при рассмотрении данного вопроса⁶. Можно предположить, что данная поправка была обусловлена необходимостью быстрого принятия законопроекта, связанного с реформированием статуса прокурора в уголовном судопроизводстве, а внесение изменений в бланки процессуальных документов потребовало бы дополнительного времени. С момента внесения данного законопроекта до подписания его Президентом РФ прошло всего три месяца.

Есть мнение, что глава 57 УПК РФ была лишь временно признана утратившей силу, однако до настоящего времени бланки процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу на законодательном уровне не закреплены⁷. Например, В. В. Кальницкий в сохранении части 6 в УПК РФ видит возможное возвращение бланков процессуальных документов на нормативный уровень⁸. В на-

стоящий момент бланки процессуальных документов досудебного производства фрагментарно содержатся в некоторых подзаконных актах. Так, предусмотрены формы: подписки о невыезде и надлежащем поведении (форма № 24), подписки о личном поручительстве (форма № 25), протокола о принятии залога (форма № 27), которые используются при изменении судом меры пресечения в отношении лица, содержащегося под стражей⁹. Есть рекомендуемая форма обязательства о явке¹⁰. Образцы бланков процессуальных документов досудебного производства утверждены для деятельности органов дознания Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов¹¹. Однако какого-либо единого подзаконного нормативного правового акта, содержащего бланки процессуальных документов досудебного производства, не принято.

Основная часть

В период действия гл. 57 УПК РФ некоторые бланки процессуальных документов подвергались критике в научной литературе по ряду причин: в постановлении о признании потерпевшим и в большинстве бланков остальных процессуальных документов графа о вручении потерпевшему соответствующей копии отсутствует¹²; форма бланка обвинительного заклю-

⁵ Проект федерального закона № 401900-4 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» (редакция, подготовленная Государственной Думой ФС РФ ко II чтению 27 апреля 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Таблица № 1 поправок к проекту федерального закона № 401900-4 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”», рекомендованных Комитетом Государственной Думы ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству к принятию // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/401900-4>.

⁷ Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. С. Александров [и др.]. М. : Юрайт, 2007.

⁸ Кальницкий В. В. Процессуальные документы, сроки, издержки // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 85–88.

⁹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 10.03.2025) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Российская газета. № 246. 05.11.2004.

¹⁰ Письмо ФССП России от 30.06.2015 № 00043/15/46799-АП «О реализации положений Межведомственного письма» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2015. № 8.

¹¹ Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Рыжаков А. П. Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ. СПС «КонсультантПлюс», 2020.

чения не содержит формулировку предъявленного обвинения¹³; форма бланка ознакомления обвиняемого и (или) его (ее) защитника с материалами уголовного дела не содержит ссылку на разъяснение обвиняемому особенностей судопроизводства с участием присяжных заседателей¹⁴; форма протокола задержания подозреваемого не включает графу с мотивами его осуществления¹⁵, времени фактического ограничения свободы, а также времени доставления в орган дознания¹⁶; отсутствует форма постановления о рассмотрении заявления об отводе на стадии предварительного расследования¹⁷; использование протокола осмотра места происшествия вместо протокола осмотра трупа приводит к исключению данного доказательства судами¹⁸. Е. П. Ищенко и П. П. Ищенко в целом отмечали, что бланки не охватывают

всех ситуаций и их сочетаний, встречающихся в работе; не учитывают сложившейся следственной практики; неудобны в заполнении; игнорируют новые информационные, в том числе «безбумажные», технологии; предусматривают бессмысленно огромное количество подписей, пояснений, разъяснений прав, подстрочных указаний о заполнении и других «аксессуаров»¹⁹.

В науке сложились две полярные позиции относительно утверждения на каком-либо уровне официальных бланков досудебного производства. Первая группа авторов (в частности, Е. И. Алексеевская²⁰, Г. Г. Амирбекова²¹, О. Я. Баев²², Ю. П. Гармаев²³, М. Р. Глушков²⁴, И. И. Лодыженская²⁵, Д. Д. Малышева²⁶, Т. Ю. Максимова²⁷, Э. В. Мартиросян²⁸, И. Маслов²⁹, Ю. Г. Овчинников³⁰, А. П. Рыжа-

¹³ *Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М. : Юстицинформ, 2009.

¹⁴ Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, А. Я. Аснис, В. Б. Боровиков [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2006.

¹⁵ *Лавдаренко Л. И.* Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 11–15.

¹⁶ *Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Сущность и содержание уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2006. № 5. С. 2–8.

¹⁷ *Данилова С. И.* Особенности участия специалиста в досудебном уголовном производстве. СПС «КонсультантПлюс», 2013.

¹⁸ *Исаенко В.* О проблемах единообразного толкования и применения норм УПК РФ о производстве отдельных следственных действий // Уголовное право. 2009. № 2. С. 86–93.

¹⁹ *Ищенко Е. П., Ищенко П. П.* Можно ли устранить недостатки действующего УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 2–10.

²⁰ *Алексеевская Е. И.* Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М. : Инфотропик Медиа, 2017.

²¹ *Амирбекова Г. Г.* Процессуальная форма и проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 7. С. 17–18.

²² *Баев О. Я.* Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). М. : Юрлитинформ, 2010.

²³ *Руководство для следователя и его общественного помощника : учебно-практическое пособие / отв. ред. Ю. П. Гармаев.* М. : Юрлитинформ, 2019.

²⁴ *Глушков М. Р.* Об исчислении сроков сутками в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2015. № 5. С. 16–19.

²⁵ *Лодыженская И. И., Малышева Д. Д.* Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 153–163.

²⁶ *Лодыженская И. И., Малышева Д. Д.* Указ. соч.

²⁷ *Максимова Т. Ю.* Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Российский судья. 2007. № 4. С. 11–14.

²⁸ *Максимова Т. Ю.* Указ. соч.

²⁹ *Маслов И.* Проблемы применения законодательства о задержании подозреваемого // Уголовное право. 2012. № 1. С. 90–94.

³⁰ *Овчинников Ю. Г.* Надлежащая фиксация прав и обязанностей участников процесса в процессуальных документах органов предварительного расследования // Российский следователь. 2012. № 24. С. 26–29.

ков³¹, П. В. Седелников³², И. И. Шереметьев³³) поддерживает закрепление бланков процессуальных документов. Аргументы сторонников официального утверждения данных бланков сводятся к следующему: бланки обеспечивают единообразное толкование норм уголовно-процессуального права для правоприменителей; стандартизация повышает качество процессуальных документов; уменьшение количества ошибок в процессуальных документах; обеспечение единообразия в оформлении материалов дела; экономия рабочего времени следователя и дознавателя. Вторая группа авторов (в частности, А. С. Александров³⁴, П. С. Ефимичев³⁵, С. П. Ефимичев³⁶, Ю. В. Козубенко³⁷, Г. М. Лановая³⁸, С. Б. Россинский³⁹, А. А. Толкаченко⁴⁰, Т. Шутемова⁴¹) против включения бланков процессуальных документов в УПК РФ. Аргументы противников официального утверждения бланков процессуальных документов досудебного производства на уровне УПК РФ сводятся к следующему: непредсказуемость преступлений и разнообразие материалов дела не могут быть

стандартизированы; бланки не учитывают специфику отдельных уголовных дел; ранее малейшее исправление бланков приводило к нарушению УПК РФ, а доказательства, таким образом оформленные, признавались недопустимыми; прежде действовавшие бланки были не безупречны; судьба того или иного процессуального документа будет зависеть от наличия или отсутствия подстрочного текста или разлиновки текста при его составлении.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что, несмотря на закрепление бланков процессуальных документов в УПК РФ, они имеют вспомогательное значение, не обладают нормативным характером и не могут исключать необходимость выполнения предписаний уголовно-процессуального закона⁴².

После отказа от регулирования бланков процессуальных документов досудебного производства на законодательном уровне в научных публикациях отмечаются недостатки используемых бланков в практической деятельности: отсутствие графы согласия на производство судебной

³¹ Рыжаков А. П. Подозреваемый: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 46 УПК РФ. СПС «КонсультантПлюс», 2020.

³² Седелников П. В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 24–28.

³³ Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 81–90.

³⁴ Александров А. С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4. С. 47.

³⁵ Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Расследование преступлений.

³⁶ Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Расследование преступлений.

³⁷ Козубенко Ю. В. Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 31–43.

³⁸ Лановая Г. М. Юридикотехническая регламентация правоприменительной деятельности: пределы и условия эффективности // Администратор суда. 2009. № 4. С. 27–31.

³⁹ Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex russica. 2017. № 10. С. 36–46.

⁴⁰ Толкаченко А. А. Особый порядок судопроизводства — междисциплинарный институт // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 36–39.

⁴¹ Шутемова Т. Приложения к УПК: догма или руководство к действию // Законность. 2002. № 10. С. 42.

⁴² Определения Конституционного Суда РФ от 08.04.2004 № 152-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 29 Карымского района Читинской области о проверке конституционности положений статей 217, 225 и 476 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 23.06.2005 № 298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ждана Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 476 (приложение 151) и 477 (приложение 35), части первой статьи 474, статей 476 и 477 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 21.12.2006 № 530-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глущенко Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 260 и 477 (приложение 30) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

экспертизы в протоколе ознакомления с постановлением о назначении экспертизы⁴³; указание в бланке обязательства о явке сообщать о смене места регистрации⁴⁴; разные наименования процессуальных документов, имеющих единое содержание⁴⁵; содержание и форма постановлений явно недостаточно урегулированы процессуальным законодательством⁴⁶; избыточность информации, которую составители бланка протокола допроса потерпевшего предлагают получать о личности потерпевшего⁴⁷; излишнее ознакомление потерпевшего с его правами при производстве допроса после того, как лицо ознакомили с постановлением о признании его потерпевшим⁴⁸; использование формы бланка допроса потерпевшего только для лица мужского пола⁴⁹. С. В. Тетюев указывает, что, несмотря на признание гл. 57 УПК РФ утратившей силу, на практике эти бланки зачастую продолжают применять в качестве образцов⁵⁰.

Мы согласны с необходимостью официального утверждения бланков процессуальных документов досудебного производства. К аргументации сторонников данного подхода можно добавить следующие доводы: обеспечение единообразия бланков процессуальных документов досудебного производства по всей стране; стандартизация будет способствовать более эффективному взаимодействию между различными органами следствия и дознания; упрощение процесса обучения новых сотруд-

ников; стандартизация сделает возможными более качественный контроль и надзор за процессуальной деятельностью.

Необходимость применения единых образцов документов подчеркивается и в иных отраслях права. М. А. Соколова полагает нужным использовать единые бланки во всех случаях изготовления правоприменительных актов, иных правореализационных документов, включая их в качестве приложения к закону⁵¹. Н. А. Батурина, С. К. Загайнова предлагают включить бланки процессуальных документов в ГПК РФ и АПК РФ⁵². Однако с данной позицией сложно согласиться в силу разного правового значения процессуальных документов в уголовном и гражданском процессе. Например, протоколы в досудебном производстве играют ключевую роль, так как именно они фиксируют все действия на стадии предварительного расследования, являются доказательствами по уголовному делу, обеспечивают законность при проведении следственных действий, а потому к их форме и содержанию предъявляются особые требования. Тогда как в гражданском процессе из-за отсутствия досудебного производства по делу подобные документы не принимаются. Различные требования к форме процессуальных документов обусловлены разной природой правоотношений, целью процесса, уровнем процессуальных гарантий.

Г. Г. Амирбекова, О. Я. Баев, И. И. Шереметьев предлагают вернуть бланки процессу-

⁴³ Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

⁴⁴ Рыжаков А. П. Взятие обязательства о явке, предусмотренная ст. 112 УПК РФ мера процессуального принуждения. СПС «КонсультантПлюс», 2020.

⁴⁵ Седельников П. В. Объявление участникам процесса об окончании производства следственных действий и разъяснение им права на ознакомление с материалами уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 37–39.

⁴⁶ Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010.

⁴⁷ Марфицин П. Г. Протокол допроса потерпевшего (анализируем бланки процессуальных документов) // Законность и правопорядок. 2020. № 2 (26). С. 28–32.

⁴⁸ Марфицин П. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁴⁹ Марфицин П. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁵⁰ Тетюев С. В. Протоколирование показаний несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 2. С. 17–19.

⁵¹ Соколова М. А. Дефекты юридических документов : монография. М. : Юриспруденция, 2016.

⁵² См.: Батурина Н. А. Грамотность судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 21–23 ; Загайнова С. К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. С. 334–355.

⁵³ См.: Баев О. Я. Указ. соч. ; Амирбекова Г. Г. Процессуальная форма и проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 7. С. 17–18 ; Шереметьев И. И. Указ. соч. С. 81–90.

альных документов в УПК РФ⁵³. В. Ф. Крюков, С. Б. Россинский полагают возможным закрепление бланков процессуальных документов в ведомственных или межведомственных методических указаниях или инструкциях органов дознания и предварительного следствия⁵⁴.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства показывает, что бланки процессуальных документов были включены непосредственно в кодекс только в Российской Федерации⁵⁵. В уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства содержатся требования к протоколу следственного действия и иным процессуальным документам досудебного производства, однако данные положения представлены в виде норм права, а не каким-либо шаблоном или образцом.

В некоторых странах постсоветского пространства регулирование бланков процессуальных документов осуществляется на уровне

подзаконных актов. Так, в силу ст. 52.3 УПК Азербайджанской Республики все процессуальные постановления являются документами строгой отчетности и составляются на пронумерованных бланках специальной формы, а формы указанных бланков устанавливаются соответствующими органами исполнительной власти Азербайджанской Республики и Генеральным прокурором Азербайджанской Республики. На сайте Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики выложены бланки процессуальных документов, которые подготовлены в соответствии с приказом Генерального прокурора Азербайджанской Республики от 09.07.2020 № 10/75 и рекомендованы к исполнению приказом от 14.09.2020 № 15/3, образцы форм процессуальных и служебных документов⁵⁶.

Представляется, что регулирование унифицированных бланков процессуальных документов досудебного производства должно осуществляться на уровне подзаконного меж-

⁵⁴ См.: Крюков В. Ф. Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации. Курск, 2007; Россинский С. Б. Протоколы следственных действий. С. 36–46.

⁵⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ) (ред. от 29.11.2024) (далее — УПК Азербайджанской Республики) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 8; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27.07.2021 № ЗР-306 (далее — УПК Республики Армения) // URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf (дата обращения: 11.06.2025); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 (ред. от 17.02.2025) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71; Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 № 1772 (ред. от 04.03.2025) // Законодательный вестник Грузии. № 31. 03.11.2009; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // Казахстанская правда. № 133 (27754). 11.07.2014; Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 (с изм. и доп. по состоянию на 14.03.2025) // Эркин-Тоо. № 122–123. 16.11.2021; Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики от 21.04.2005 // URL: <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums> (дата обращения: 11.06.2025); Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14.03.2002 № IX-785 (ред. от 01.02.2025) (далее — УПК Литовской Республики) // Государственные новости. № 37-1341. 09.04.2002; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (ред. от 13.03.2025) // Официальный монитор Республики Молдова. 2003. № 104–110. Ст. 447; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (ред. от 03.01.2024) // ИС «Континент»; Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 (ред. от 12.04.2025) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2009. № 2. Ст. 29; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII) (с изм. и доп. по состоянию на 25.02.2025) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2; Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (ред. от 04.12.2024) // Голос Украины. 19.05.2012. № 90–91; Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12.02.2003 // URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/119032015021?leiaKehtiv> (дата обращения: 11.06.2025).

⁵⁶ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики. URL: <https://genprosecutor.gov.az/ru/page/senedler/prosessual-ve-xidmeti-senedlerin-numunevi-formalari/cinayet-teqibi-uzremhekemeyedek-icraat> (дата обращения: 11.06.2025).

ведомственного акта. Внесение изменений в УПК РФ требует длительной законодательной процедуры, что не позволяет оперативно реагировать на изменения в практике правоприменения, а также исправлять какие-либо ошибки. Необходимость межведомственного характера регулирования обусловлена участием в досудебном производстве по уголовному делу различных ведомств. Если каждое ведомство будет разрабатывать собственные бланки процессуальных документов, то не получится создать унифицированные формы. Однако лишь разработка и утверждение официальных бланков процессуальных документов досудебного производства в настоящий момент не могут быть признаны эффективными и соответствующими обществу в условиях развития цифровых технологий. Для повышения эффективности досудебного производства требуется комплексная цифровизация процессуальных документов, включающая не только унификацию, но и интеграцию современных технологий. В этой связи интерес представляет опыт зарубежных стран по вопросу внедрения автоматизированного формирования процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу.

В силу ч. 2 ст. 8 УПК Республики Армения процессуальные действия, как правило, фиксируются в протоколе, составленном электронным способом, а бумажным способом он составляется только в случае невозможности использования электронного.

В силу п. 12 Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2, ведение электронного уголовного дела осуществляется с использованием электронных шаблонов уголовных документов, содержащихся

в Едином реестре досудебных расследований, но при этом лицо, ведущее уголовный процесс, формирует текст документа самостоятельно⁵⁷.

В Чехии с 2007 г. действует информационная система Evidence trestního řízení (ETŘ), которая содержит модуль «Формы»⁵⁸. В данном модуле предусмотрены формы процессуальных документов, которые постоянно дополняются. Их можно форматировать и редактировать аналогично текстовому редактору. Все действия, производимые с ними, фиксируются, и все манипуляции с ними отслеживаются в истории. Сам приказ, на основании которого действует данная информационная система, не находится в открытом доступе. По вопросу предоставления данного документа для ознакомления было судебное разбирательство, где суд встал на сторону заявителя и обязал Полицию Чешской Республики представить указанный документ для ознакомления, поскольку данная инструкция не является исключительно внутренним актом, не затрагивающим права отдельных физических лиц за пределами полиции, и регулирует в том числе и вопрос обработки персональных данных таких лиц⁵⁹. Представляется, что подобный документ, регламентирующий работу по составлению процессуальных документов в досудебном производстве по уголовному делу, должен публиковаться в открытом доступе для ознакомления всеми участниками уголовного судопроизводства.

В Литовской Республике с 22 марта 2022 г. в соответствии с п. 3.2.1 приказа Генерального прокурора Литовской Республики от 18.03.2022 № 1В-211/И-108 «Об утверждении Порядка обработки данных уголовного дела в электронной форме во время досудебного расследования» все документы досудебного расследования в обязательном порядке готовятся (составляются) и форматируются с использованием средств

⁵⁷ Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» (с изм. и доп. по состоянию на 07.10.2022) // ИС «Континент».

⁵⁸ CVIS Consulting. URL: <http://www.cvis.cz/hlavni.php?stranka=novinky/clanek.php&id=713> (дата обращения: 11.06.2025).

⁵⁹ Решение Верховного административного суда Чешской Республики по делу об оспаривании решения ответчика от 24.02.2017 № MV-22174-2/KM-2017 // URL: https://www.nssoud.cz/stazeni-dokumentu?filepath=EVIDENCNI_LIST/2017/10A_83_2017_22_20200629091805_prevedeno.pdf (дата обращения: 11.06.2025).

⁶⁰ Приказ Генерального прокурора Литовской Республики от 18.03.2022 № 1В-211/И-108 «Об утверждении Порядка обработки данных уголовного дела в электронной форме во время досудебного расследования» // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/da389c70a92511ec8d9390588bf2de65> (дата обращения: 11.06.2025).

IBPS⁶⁰. Данная информационная система позволяет создавать, просматривать, хранить и собирать документы уголовного судопроизводства, отправлять их на электронную подпись, а также создавать, редактировать, распространять, выполнять задачи и управлять ими⁶¹.

В силу п. 3 Описания порядка обработки данных уголовного дела в электронном форме на стадии досудебного расследования, утвержденного приказом Генерального прокурора Литовской Республики от 18.03.2022 № 1В-211/И-108, при проведении досудебных расследований, возбужденных после вступления в силу настоящего Описания, копии электронных документов на бумажных носителях не распечатываются, а бумажные дела не формируются⁶². Сами версии изготовленных и обезличенных процессуальных документов размещаются участниками уголовного судопроизводства в системе IBPS. Представляется, что это сделано с целью широкого распространения образцов среди должностных лиц, осуществляющих досудебное расследование по уголовному делу. Также на ряд государственных органов возложена задача по предоставлению данных из различных реестров и баз⁶³. Например, реестры жителей, недвижимого имущества, юридических лиц, адвокатов, автотранспортных средств, данных ДНК и др.

Данные из иных информационных реестров предоставляются также при рассмотрении дела в суде. В Азербайджанской Республике действует информационная система «Электронный суд», позволяющая участникам на основании решения судьи получать сведения из различных государственных информационных ресурсов⁶⁴.

В Италии действует информационная система по преступлениям SICP, призванная упростить работу судей. Она является цифровой основой для уголовного судопроизводства и содержит модуль «Акты и документы», который позволяет динамически разрабатывать документы, используя структурированные данные из материалов, имеющихся в базе данных системы⁶⁵. Кроме того, в зависимости от типа подготовленного документа активируется ряд автоматических процессов, которые обновляют статус файла дела. В частности, в случае осуществления судом запросов или иных процессуальных действий данные автоматически вставляются в итоговое решение. Это позволяет составлять документ в тесной связи с информацией, содержащейся в файле, на который ссылается документ. Также предусмотрены инструменты, позволяющие вводить начисления и управлять ими, включая их поиск в базе данных.

В Швеции действует информационная система Cåbra, которая является основным рабочим инструментом для прокуроров и полиции. Система помогает прокурорам рассматривать уголовные дела и напрямую связана с полицейской системой, что позволяет создавать и хранить электронные документы, а также интегрировать их с управлением делами и поддержкой принятия решений⁶⁶.

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью государственного управления, обеспечивая более эффективное и удобное предоставление услуг гражданам. Единый портал государственных и муниципальных услуг, федеральная государственная информацион-

⁶¹ Положение о Единой информационной системе уголовного судопроизводства (утв. приказом министра внутренних дел Литовской Республики, Генерального прокурора Литовской Республики, директора национальной судебной администрации от 27.09.2012 № 1В-702/И-294/6П-101-(1.1)) // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.36CF0FD8075B/meGWSsOUSS> (дата обращения: 11.06.2025).

⁶² Приказ Генерального прокурора Литовской Республики от 18.03.2022 № 1В-211/И-108 «Об утверждении Порядка обработки данных уголовного дела в электронной форме во время досудебного расследования» // URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/da389c70a92511ec8d9390588bf2de65> (дата обращения: 11.06.2025).

⁶³ Положение о Единой информационной системе уголовного судопроизводства.

⁶⁴ Положение об информационной системе «Электронный суд» (утв. Указом Президента Азербайджанской Республики от 01.06.2020 № 1043) // URL: <https://e-qanun.az/framework/45080> (дата обращения: 11.06.2025).

⁶⁵ Официальный сайт Высшего совета магистратуры Италии. URL: https://www.csm.it/web/csm-internet/il-processo-penale-telematico/sicp/consolle-del-pm-e-atti-documenti/-/journal_content/56_INSTANCE_edArvldFGFha/21768/119930?p_p_state=pop_up&_56_INSTANCE_edArvldFGFha_page=1&_56_INSTANCE_edArvldFGFha_viewMode=print#Atti_e_documenti (дата обращения: 11.06.2025).

⁶⁶ Decerno. URL: <https://www.decerno.se/uppdrag/aklagarmyndigheten/> (дата обращения: 11.06.2025).

ная система «Моя школа», личный кабинет на официальном сайте Росреестра, региональные порталы оказания государственных и муниципальных услуг, Единая медицинская информационно-аналитическая система г. Москвы, ГАС «Правосудие» — уже сложно найти сферу, где не применяются цифровые технологии, а тем более где произошел отказ от использования цифровых технологий в связи с негативным опытом применения. Цифровизация уголовного судопроизводства — это вопрос времени.

Избыточное использование бумажных документов существенно ограничивает оперативность уголовного судопроизводства. До сих пор имеют место случаи утраты материалов письменного уголовного дела⁶⁷.

Автоматическое формирование процессуального документа на основе заложенных в систему бланков процессуальных документов приведет к невозможности внесения правок в процессуальный документ, оформления его задним числом, его утраты; исключит субъективный фактор при подготовке документа; сократит многочисленные грамматические, пунктуационные ошибки и опiski, встречающиеся в процессуальных документах; ускорит досудебное производство по уголовному делу за счет экономии трудовых затрат.

Заключение

Конструктор процессуальных документов досудебного производства должен включать бланки процессуальных документов; готовые образцы описания события преступления в зависимости от пункта, части, статьи УК РФ (например, для составления обвинительного заключения); автоматическое предварительное определение квалификации деяния на основании данных, указанных должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование; подключение к различным государственным реестрам и базам данных; свободу принятия решения и полный контроль особенно над его описательно-мотивировочной частью; использование негенеративных методов искусственного интеллекта (без создания нового текста); поиск по базе ранее изготовленных и обезличенных процессуальных документов досудебного производства с целью нахождения наиболее подходящих для составления описательно-мотивировочной части решения.

В дальнейшем при создании электронного уголовного дела, которое должно стать приоритетным направлением развития уголовного судопроизводства, сформированные таким образом процессуальные документы можно будет направлять другому участнику уголовного судопроизводства на согласование, а также устанавливать ограничение на составление документов, которые не предусмотрены на данном этапе уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров А. С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4.
- Алексеевская Е. И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.
- Амирбекова Г. Г. Процессуальная форма и проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 7. С. 17–18.
- Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). М. : Юрлитинформ, 2010.
- Батурина Н. А. Грамотность судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 21–23.
- Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.
- Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.

⁶⁷ Гайворонская Л. В. Восстановление уголовных дел (ст. 158.1 УПК РФ): анахронизм или необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 134–142.

- Гайворонская Л. В.* Восстановление уголовных дел (ст. 158.1 УПК РФ): анахронизм или необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 134–142.
- Глушков М. Р.* Об исчислении сроков сутками в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2015. № 5. С. 16–19.
- Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М. : Юстицинформ, 2009. 504 с.
- Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Сущность и содержание уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2006. № 5. С. 2–8.
- Загайнова С. К.* Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. С. 334–355.
- Исаенко В.* О проблемах единообразного толкования и применения норм УПК РФ о производстве отдельных следственных действий // Уголовное право. 2009. № 2. С. 86–93.
- Ищенко П. П.* Можно ли устранить недостатки действующего УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 2–10.
- Кальницкий В. В.* Процессуальные документы, сроки, издержки // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 85–88.
- Козубенко Ю. В.* Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 31–43.
- Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. С. Александров [и др.]. М. : Юрайт, 2007. 479 с.
- Крюков В. Ф.* Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации. Курск, 2007.
- Лавдаренко Л. И.* Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 11–15.
- Лановая Г. М.* Юридино-техническая регламентация правоприменительной деятельности: пределы и условия эффективности // Администратор суда. 2009. № 4. С. 27–31.
- Лодыженская И. И., Малышева Д. Д.* Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 153–163.
- Максимова Т. Ю.* Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Российский судья. 2007. № 4. С. 11–14.
- Марфицин П. Г.* Протокол допроса потерпевшего (анализируем бланки процессуальных документов) // Законность и правопорядок. 2020. № 2 (26). С. 28–32.
- Маслов И.* Проблемы применения законодательства о задержании подозреваемого // Уголовное право. 2012. № 1. С. 90–94.
- Овчинников Ю. Г.* Надлежащая фиксация прав и обязанностей участников процесса в процессуальных документах органов предварительного расследования // Российский следователь. 2012. № 24. С. 26–29.
- Россинский С. Б.* Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex russica. 2017. № 10. С. 36–46.
- Руководство для следователя и его общественного помощника : учебно-практическое пособие / отв. ред. Ю. П. Гармаев. М. : Юрлитинформ, 2019.
- Рыжаков А. П.* Взятие обязательства о явке, предусмотренная ст. 112 УПК РФ мера процессуального принуждения. СПС «Гарант», 2019.
- Рыжаков А. П.* Подозреваемый: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 46 УПК РФ. СПС «КонсультантПлюс», 2020.
- Рыжаков А. П.* Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ. СПС «КонсультантПлюс», 2020.
- Седельников П. В.* Объявление участникам процесса об окончании производства следственных действий и разъяснение им права на ознакомление с материалами уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 37–39.
- Седельников П. В.* Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 24–28.

- Соколова М. А. Дефекты юридических документов : монография. М. : Юриспруденция, 2016. 160 с.
- Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, А. Я. Аснис, В. Б. Боровиков [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2006. 560 с.
- Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 128 с.
- Тетюев С. В. Протоколирование показаний несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 2. С. 17–19.
- Толкаченко А. А. Особый порядок судопроизводства — междисциплинарный институт // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 36–39.
- Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 81–90.
- Шутимова Т. Приложения к УПК: догма или руководство к действию // Законность. 2002. № 10. С. 42.

REFERENCES

- Aleksandrov AS. «Pohvala» teorii formalnykh dokazatelstv. *Pravovedenie*. 2002;4. (In Russ.).
- Alekseevskaya EI. Monitoring verkhovenstva prava i dostupa v sud: 25 let sudebnoy reforme. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. (In Russ.).
- Amirbekova GG. Protsessualnaya forma i problemy rehabilitatsii v ugovnom sudoproizvodstve. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2008;7:17-18. (In Russ.).
- Antonov Yul, Asnis AYa, Borovikov VB, et al. Galakhova AV (ed.). Jury trial: qualification of crimes and procedure for consideration of cases. Moscow: Norma Publ.; 2006. (In Russ.).
- Baev OYa. Posyagatelstva na dokazatelstvennyuyu informatsiyu i dokazatelstva v ugovnom sudoproizvodstve (pravovye i kriminalisticheskie sredstva preduprezhdeniya, presecheniya i neytralizatsii posledstviy: problemy i vozmozhnye resheniya [Attacks on evidence and evidence in criminal proceedings (legal and forensic means of preventing, suppressing and neutralizing the consequences: problems and possible solutions)]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. (In Russ.).
- Baturina NA. Gramotnost sudebnykh aktov v grazhdanskom protsesse [Correctness of judicial acts in civil proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2010;2:21-23. (In Russ.).
- Efimichev PS, Efimichev SP. Rassledovanie prestupleniy: teoriya, praktika, obespechenie prav lichnosti [Crime investigation: theory, practice, ensuring individual rights]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2009. (In Russ.).
- Efimichev PS, Efimichev SP. Sushchnost i sodержanie ugovno-protsessualnogo zaderzhaniya [Essence and content of criminal procedure detention]. *Russian Investigator*. 2006;5:2-8. (In Russ.).
- Garmaev YuP (ed.). A Guide for the Investigator and his Public Assistant: A Practical Training Guide. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2019. (In Russ.).
- Gayvoronskaya LV. Restoration of Criminal Cases (Article 158.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): Anachronism or Necessity? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(7):134-142. (In Russ.).
- Glushkov MR. On calculation of periods of time by days in criminal judicial proceeding. *Russian Investigator*. 2015;5:16-19. (In Russ.).
- Isaenko V. Problems of uniform interpretation and application of rules of the code of criminal procedure of the Russian Federation as to performance of particular investigative actions. *Criminal Law*. 2009;2:86-93. (In Russ.).
- Ishchenko PP. Mozhno li ustranit nedostatki deystvuyushchego UPK RF? [Is it possible to eliminate the shortcomings of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation?]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo*. 2007;2:2-10. (In Russ.).
- Kalnitskiy VV. Protsessualnye dokumenty, sroki, izderzhki [Procedural documents, deadlines, costs]. *Zakonodatelstvo i praktika*. 2013;2:85-88. (In Russ.).
- Kozubenko YuV. Sources of the anti-system and channels of their penetration into the criminal law regulation mechanism. *Russian Law Journal*. 2013;2:31-43. (In Russ.).
- Kryukov VF. Criminal prosecution and prosecutorial supervision of the implementation of laws in the investigation of criminal cases in the context of reforming the system of the prosecutor's office of the Russian Federation. Kursk; 2007. (In Russ.).

- Lanovaya GM. Yuridiko-tehnicheskaya reglamentatsiya pravoprimenitelnoy deyatel'nosti: predely i usloviya effektivnosti [Legal and technical regulation of law enforcement activities: limits and conditions of effectiveness]. *Administrator suda*. 2009;4:27-31. (In Russ.).
- Lavdarenko LI. Determination of purposes and motives of a criminal-procedure arrest. *Russian Investigator*. 2015;12:11-15. (In Russ.).
- Lodyzhenskaya II, Malysheva DD. Protivorechiya v verdikte prisyazhnykh zasedateley kak osnovanie dlya otmeny prigovora suda [Contradictions in jury verdict as grounds for overturning court verdict]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2018;1:153-163. (In Russ.).
- Maksimova TYu. Nekotorye voprosy priznaniya dokazatelstv nedopustimymi na predvaritel'nom slushanii [Some questions of finding evidence inadmissible at preliminary hearing]. *Russian Judge*. 2007;4:11-14. (In Russ.).
- Marfitsin PG. Victim interrogation protocol (an analysis of the forms of procedural documents). *Legality and Law Enforcement*. 2020;2(26):28-32. (In Russ.).
- Maslov I. The problems of application of legislation on detention of a suspect. *Criminal Law*. 2012;1:90-94. (In Russ.).
- Ovchinnikov YuG. Proper recording of the rights and obligations of the participants in the process in the procedural documents of the preliminary investigation bodies. *Russian Investigator*. 2012;24:26-29. (In Russ.).
- Rossinskiy SB. Investigation Reports: Problems of Procedural Form and Value of Evidence. *Lex Russica*. 2017;(10):36-46. (In Russ.).
- Ryzhakov AP. A suspect: a concept and legal status. Commentary to Article 46 of the Code of Criminal Procedure. «KonsultantPlus» Law Reference System, 2020. (In Russ.).
- Ryzhakov AP. A victim: concept and legal status. Commentary to Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. «KonsultantPlus» Law Reference System, 2020. (In Russ.).
- Ryzhakov AP. Taking an obligation to appear, provided for by Art. 112 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a measure of procedural coercion. «Garant» Law Reference System. July 2019. (In Russ.).
- Sedel'nikov PV. Informing participants of the trial about termination of investigative actions and explaining the right to familiarize with the case files. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2015;2:37-39. (In Russ.).
- Sedel'nikov PV. Investigators' assignment for the interrogation department. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2017;1:24-28. (In Russ.).
- Sheremetyev II. An Electronic Criminal Case: What it means and the Ways to Create It. *Lex Russica*. 2020;73(10):81-90. (In Russ.).
- Shutemova T. Appendices to the Code of Criminal Procedure: dogma or guide to action *Zakonnost'*. 2002;10:42. (In Russ.).
- Sokolova MA. Defects in legal documents. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2016. (In Russ.).
- Tarasob AA. Expert and specialist in the criminal process of Russia. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
- Tetyuev SV. Recording testimony of juvenile suspects and the accused. *Issues of Juvenile Justice*. 2010;2:17-19. (In Russ.).
- Tolkachenko AA. Osobyy poryadok sudoproizvodstva — mezhdistitsiplinarnyy institute [Special Procedure — Interdisciplinary Institute]. *Russian Justice*. 2011;8:36-39. (In Russ.).
- Tomin VT, Polyakov MP, Aleksandrov As et al. Commentary on the latest amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (article-by-article). Moscow: Urait Publ.; 2007. (In Russ.).
- Vandyshchev VV. Criminal Procedure. General and Special Parts. Moscow: Kontrakt, Volters Kluver Publ.; 2010. (In Russ.).
- Vilkova TYu, Maslennikova LN. Legitimacy and unification in criminal proceedings: from procedural document forms to the electronic criminal case. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;46:728-751. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-728-751.
- Zagaynova SK. Theoretical problems of the characteristics of judicial acts in civil and arbitration proceedings. In: Lesnitskaya LF, Rozhkova MA (eds.). *Issues of civil and arbitration proceedings*. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Топилина Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
tatopilina@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Topilina, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Criminal Procedure Law named after P.A. Lupinskaya, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tatopilina@msal.ru

Материал поступил в редакцию 8 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 24 июля 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 08.07.2024.

Revised 24.07.2025.

Accepted 15.09.2025.

Д. В. Ирошников
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Проблемы организационно-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации

Резюме. В статье рассматриваются концептуальные аспекты организационно-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации. Отмечается, что в каждом регионе страны существуют особые объекты, составляющие жизненно важный интерес региона и Федерации в целом. Такие объекты требуют первичного принятия мер безопасности и особого ресурсного обеспечения на всех уровнях власти, в чем и заключается сущность региональной безопасности. Важную роль играют характерные для того или иного региона угрозообразующие факторы, которые выступают детерминантами угроз региональной и, соответственно, национальной безопасности. Здесь имеют значение географические, природно-климатические, социально-экономические, культурно-исторические, религиозные и другие факторы, характерные для региона. Именно эти особенности могут и должны учитываться при обеспечении региональной безопасности. В статье указывается, что в контексте конституционного разграничения предметов ведения и полномочий в сфере безопасности на уровне регионов обеспечиваются прежде всего общественная безопасность и ее подвиды, такие как пожарная, экологическая безопасность, безопасность дорожного движения. Автор констатирует: на сегодняшний день единой концептуальной системы правового обеспечения региональной безопасности в России не сложилось, а существующий механизм, характеризующийся высокой степенью децентрализации, имеет ряд проблем и недостатков, которые негативно сказываются на обеспечении безопасности в различных регионах и национальной безопасности в целом. На основании сравнительного исследования реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации были выявлены и обозначены ключевые проблемы и предложены правовые меры по их решению.

Ключевые слова: национальная безопасность; региональная безопасность; безопасность в субъектах Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; федерализм

Для цитирования: Ирошников Д. В. Проблемы организационно-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 58–68. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.058-068

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Issues of Organizational and Legal Provision for Regional Security in the Constituent Entities of the Russian Federation

Denis V. Iroshnikov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the conceptual aspects of the organizational and legal framework for regional security within the entities of the Russian Federation. The author emphasizes that each region of the country has specific objects that are of vital interest to both the region and the federation as a whole. These objects necessitate the primary implementation of security measures and special resource allocation at all levels of government, which embodies the essence of regional security. A significant role is played by the threat-generating factors characteristic of each region, which act as determinants of regional safety threats and, consequently, national security. Important considerations include geographical, climatic, socio-economic, cultural-historical, religious, and other factors specific to the region. These regional characteristics must, and should, be taken into account when ensuring regional security. The paper notes that in the context of constitutional delineation of subjects of legal jurisdiction and authority in the field of security, public safety and its subcategories, such as fire safety, environmental security, and road safety, are primarily ensured at the regional level. The author asserts that to date, there is no unified conceptual system for the legal provision of regional security in Russia; the existing mechanism, characterized by a high degree of decentralization, suffers from several issues and shortcomings that negatively impact security provision across various regions of the country and the national security as a whole. Based on a comparative study of the challenges faced by the governmental bodies of the subjects of the Russian Federation in exercising their authority, the author identifies and outlines key problems and proposes legal measures for their resolution.

Keywords: national security; regional security; security within the subjects of the Russian Federation; state authorities of the subjects of the Russian Federation; federalism

Cite as: Iroshnikov DV. Issues of Organizational and Legal Provision for Regional Security in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Lex russica*. 2025;78(10):58-68. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.058-068

Acknowledgements. The paper has been prepared as part of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА).

Введение

Обеспечение национальной безопасности в федеративном государстве, как правило, предполагает наличие соответствующих полномочий регионов (субъектов Федерации). При правильном балансе участия в деятельности по обеспечению национальной безопасности федерального центра и регионов можно добиться оптимальных результатов с учетом специфики

регионов страны и характерных угроз на уровне региона на том или ином этапе развития государства.

В условиях количественного роста и качественной трансформации различных угроз безопасности личности, общества и государства вопросы обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации приобретают особую актуальность¹. Так, например, принятие мер по противодействию пандемии корона-

¹ В контексте исследования региональной безопасности регион предлагается понимать как часть территории России в границах территории субъекта, а макрорегион — как часть территории страны, включающую в себя территории двух и более субъектов Федерации. Кроме того, стоит рассматривать низший уровень обеспечения региональной безопасности в границах муниципального образования как микрорегион страны.

² Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

вирусной инфекции (COVID-19)² в России было сопряжено с наделением соответствующими полномочиями глав субъектов Федерации, которые могли вводить ограничения, исходя из эпидемиологической ситуации и угрозы безопасности в регионе.

Согласно утвержденной 28 декабря 2024 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. одна из целей пространственного развития Российской Федерации состоит в обеспечении национальной безопасности³, что еще раз подчеркивает необходимость исследования существующих проблем обеспечения региональной безопасности в стране.

Федеративный характер российской государственности подразумевает, что обеспечение национальной безопасности складывается из соответствующих сфер деятельности во всех регионах страны. Данный аспект исследования приобретает актуальность в контексте присоединения к Российской Федерации и образования в ее составе новых субъектов, в которых необходимо выстраивать и оптимизировать организационно-правовые механизмы обеспечения региональной безопасности.

Специальная военная операция обострила ряд проблем обеспечения региональной безопасности. На новый уровень вышли вопросы профилактики терроризма и экстремизма в регионах России, территориальной обороны, защиты населения и территорий в условиях чрезвычайных ситуаций.

Основная часть

В каждом регионе страны существуют особые объекты, составляющие жизненно важный интерес региона и Федерации в целом. Такие объекты требуют первичного принятия мер безопасности и особого ресурсного обеспечения на всех уровнях власти, в чем и заключается сущность региональной безопасности. Важную роль играют характерные для того или иного региона угрозообразующие факторы, которые выступают детерминантами угроз региональной и, соответственно, национальной безопасности. Здесь

имеют значение и географические, и природно-климатические, и социально-экономические, и культурно-исторические, и религиозные, и другие факторы, характерные для региона. Именно эти особенности могут и должны учитываться при обеспечении региональной безопасности.

Действующее российское законодательство не содержит понятия «региональная безопасность». Вместе с тем можно встретить данное словосочетание в названии соответствующих органов государственной власти, функционирующих в большинстве субъектов Российской Федерации.

Приходится констатировать, что на сегодняшний день единой концептуальной системы правового обеспечения региональной безопасности в России не сложилось, а существующий механизм, характеризующийся высокой степенью децентрализации, имеет ряд проблем и недостатков, которые негативно сказываются на обеспечении безопасности в различных регионах страны и, как следствие, национальной безопасности в целом.

В каждом регионе России требуется выстроить комплексную системную деятельность по обеспечению региональной безопасности, в основу которой должны быть положены взаимосвязанные полномочия органов исполнительной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, а также механизм их координации и взаимодействия с правоохранительными органами и институтами гражданского общества. Особую актуальность на сегодняшний день имеет деятельность по обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий), в рамках которой органы исполнительной власти субъектов Федерации наделены рядом ключевых полномочий.

Согласно п. «м» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ оборона и безопасность находятся в исключительном ведении Российской Федерации⁴. Эту норму следует толковать ограничительно и под безопасностью понимать лишь государственную безопасность, поскольку в то же время Основной закон закрепляет, что обеспечение «правопорядка, общественной безопасности и экологической безопасности», а также «осуществление мер по борьбе с катастрофами,

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий» находятся в совместном ведении Федерации и субъектов (п. «б», «д», «з» ч. 1 ст. 72). Это конституционное положение дает правовое основание концептуализировать обеспечение региональной безопасности в субъектах Российской Федерации.

На уровне федерального законодательства о безопасности на сегодняшний день закреплены определенные полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В качестве примера можно привести законодательство об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (в том числе местного самоуправления в единой системе публичной власти), о противодействии экстремистской деятельности и терроризму, пожарной безопасности, безопасности дорожного движения, биологической безопасности.

Нельзя не отметить, что в контексте конституционного разграничения предметов ведения и полномочий в сфере безопасности на уровне регионов обеспечивается прежде всего общественная безопасность и ее подвиды, такие как пожарная безопасность, экологическая безопасность, безопасность дорожного движения и др. При этом нормативное регулирование данных вопросов и круг соответствующих полномочий органов публичной власти в различных сферах неодинаковы и определяются требованиями времени, существующими угрозами в тех или иных сферах и направлениями государственной правовой политики в области обеспечения национальной безопасности.

На уровне субъектов Российской Федерации вопросы обеспечения национальной безопасности регулируются конституциями (уставами) субъектов, а также их действующим законодательством, в том числе об административных правонарушениях.

Проведенный анализ имеющегося массива правовых норм дает основание констатировать отсутствие системного и комплексного регулирования вопросов обеспечения региональной

безопасности в России. В этих условиях представляется затруднительным комплексное и системное применение мер обеспечения региональной безопасности, предполагающее координацию соответствующих органов единой системы публичной власти Российской Федерации.

Стоит отметить, что в научной литературе также указывается на необходимость установления конкретного набора полномочий, осуществляемого субъектами обеспечения региональной безопасности⁵, и было бы логично закрепить данные полномочия на уровне федерального закона, регулирующего общие вопросы, а затем уже конкретизировать их в законах, посвященных частным аспектам. Следует согласиться с позицией П. В. Пашковского, который в контексте обеспечения региональной безопасности говорит о необходимости «четкого законодательного определения пределов компетенции федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁶.

С учетом изложенного предлагается создать на федеральном уровне единую нормативную базу обеспечения региональной безопасности путем закрепления в первую очередь соответствующего понятия, а также системы взаимосвязанных полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Вряд ли можно согласиться с исследователями, которые предлагают выстроить систему административно-правового обеспечения национальной безопасности в субъектах Российской Федерации и концентрируются исключительно на федеральных органах исполнительной власти — «силовом блоке», полностью игнорируя органы государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления⁷.

Проведенный анализ существующих полномочий органов специальной компетенции субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения региональной безопасности позволил сделать вывод, что, как правило, к ним относит-

⁵ Балаева Д. Ж. Правовое и организационное обеспечение деятельности территориальных органов МВД России в системе региональной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 60.

⁶ Пашковский П. В. Региональная безопасность российской федеративной государственности в институционально-правовом измерении : дис. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2009. С. 88.

⁷ Мифтахов Р. Л., Белоусов А. И. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в новых субъектах Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47. № 3. С. 62–66.

ся стандартный набор: профилактика терроризма и экстремизма; обеспечение общественной безопасности и общественного порядка и др.

При существующем нормативном регулировании вопросов обеспечения региональной безопасности в организации деятельности соответствующих органов государственной власти субъектов Российской Федерации можно выявить ряд проблемных аспектов.

Первая проблема заключается в том, что органы государственной власти по обеспечению региональной безопасности на сегодняшний день созданы и функционируют не во всех субъектах Российской Федерации. Представляется, что такое положение порождает не только организационные, но и системные сложности в обеспечении безопасности в регионах и в стране в целом.

Наглядно иллюстрирует указанную проблему пример участия органов публичной власти на уровне субъекта Российской Федерации в реализации мероприятий согласно утвержденному Президентом РФ Комплексному плану противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.⁸ В качестве исполнителей мероприятий плана на региональном уровне фигурируют «исполнительные органы субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в сферах образования, молодежной и государственной национальной политики, культуры, спорта, печати и массовых коммуникаций, с участием органов местного самоуправления». При этом, как ни странно, органы региональной безопасности в плане в качестве соисполнителей мероприятий не предусмотрены, несмотря на их наличие в большинстве регионов страны. Это можно объяснить тем, что такие органы (в отличие от органов образования, молодежной политики, культуры, спорта) созданы не во всех субъектах Российской Федерации, поэтому их включение в план оказалось невозможным.

Представляется, что в условиях закрепленных федеральным законодательством о безопасности (о противодействии экстремистской деятельности и терроризму, пожарной безопас-

ности, безопасности дорожного движения, биологической безопасности и др.) полномочий органов государственной власти субъектов Федерации такие органы должны быть созданы в каждом субъекте.

Вторая проблема состоит в наборе полномочий указанных органов, характерных для того или иного региона.

Первый аспект данной проблемы видится в том, что полномочия таких органов существенно различаются от региона к региону. При этом важно сделать оговорку о том, что развитие России предопределяет специфику отдельных регионов страны: имеются и геополитические, и экономические, и социально-культурные особенности, а также возможен неодинаковый конституционно-правовой статус различных регионов. Причем если различаются полномочия органов региональной безопасности, обусловленные спецификой региона (например, полномочие о взаимодействии с казачеством в южных регионах России и т.п.), — это позитивный аспект и такие различия можно только приветствовать, то на практике наблюдается такое разнообразие полномочий, которое, к сожалению, не объясняется спецификой региона.

Второй аспект указанной проблемы состоит в том, что нередко органы региональной безопасности наделяются специфическими и нетипичными для них полномочиями.

В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. Главное управление региональной безопасности Московской области осуществляет исполнительно-распорядительную деятельность и управление в сфере погребения и похоронного дела⁹, что вряд ли можно отнести к вопросам региональной безопасности. В ряде регионов к полномочиям соответствующих органов причисляют обеспечение деятельности мировых судей, в том числе ведение архива, обеспечение дополнительного профессионального образования мировых судей¹⁰, что также прямо не подпадает под понятие обеспечения региональной безопасности субъекта Российской Федерации.

⁸ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление губернатора Московской области от 16.10.2015 № 444-ПГ (ред. от 16.09.2024) «Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: постановление Правительства Пензенской области от 21.01.2025 № 47-пП «Об утверждении Положения о Министерстве региональной безопасности Пензенской области» // Офи-

Третья проблема заключается в отсутствии нормативно закреплённых механизмов взаимодействия органов обеспечения региональной безопасности субъектов Российской Федерации с правоохранительными органами, причем необходимость такого взаимодействия сегодня нормативно установлена Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Вопрос о взаимодействии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с региональными управлениями федеральных органов власти, в том числе с правоохранительными органами, является одним из важных в теории и на практике. Территориальные управления правоохранительных органов имеют федеральное подчинение и централизованное управление и не подчиняются главе региона, выполняя федеральные задачи по обеспечению национальной безопасности. Вместе с тем они осуществляют деятельность в конкретном регионе страны и не могут быть изолированы от соответствующих органов власти на уровне региона. Представляется, что в механизме взаимодействия указанных органов должен быть заложен правильный баланс, сочетающий в себе централизацию правоохранительной системы и учет интересов региона, а также специфику региональных угроз.

Сегодня не все федеральные законы о правоохранительных органах регламентируют взаимодействие их с региональными органами власти. Такие нормы есть в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», а также в Федеральном законе от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Однако в Федеральном законе от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» подобные положения отсутствуют.

циальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5800202501230016?ysclid=m97jei17b5564250609&index=1> (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ Балаева Д. Ж. Правовое и организационное обеспечение деятельности территориальных органов МВД России в системе региональной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 13–14.

¹² См.: Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Правительства Москвы от 23.09.2011 № 443-ПП (ред. от 26.03.2024) «О Государственной программе города Москвы “Безопасный город”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» уже своим названием вслед за конституционной нормой подчеркнул роль органов местного самоуправления в единой системе публичной власти.

Стоит отметить, что Д. Ж. Балаева для решения данной проблемы разработала проект Типового соглашения о взаимодействии территориального органа МВД России на региональном уровне с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предполагающий «нормативное закрепление целей, совместно решаемых задач, направленной деятельности, способов, форм, субъектов организации взаимодействия и т. п.»¹¹. Нельзя не согласиться с исследователем относительно необходимости регулирования такого взаимодействия, однако оно должно осуществляться не на договорной основе, а на основании нормативных правовых актов публично-правового характера.

Представляется, что такое взаимодействие в идеале можно осуществлять в форме координации, подобно модели координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью¹². В качестве примера можно отметить, что одной из задач программы «Безопасный город», реализуемой в Москве, является «координация деятельности органов исполнительной власти города Москвы и правоохранительных органов по комплексному обеспечению безопасности в городе Москве»¹³.

Четвертая проблема заключается в отсутствии нормативно закреплённого механизма взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, обеспечивающих региональную безопасность, с органами местного самоуправления.

В соответствии с российской концепцией федеративного устройства и моделью местного самоуправления органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти¹⁴.

Как известно, органы местного самоуправления на своем уровне наделены полномочиями по обеспечению региональной безопасности.

При этом формат такого участия скромнее по сравнению с органами государственной власти субъектов Российской Федерации (в законодательстве чаще всего фигурирует словосочетание «принимают участие»).

Думается, что одно из предназначений органов региональной безопасности субъекта Российской Федерации в вертикали публичной власти — выполнение координирующей функции для органов местного самоуправления. Такой механизм сегодня законодательно закреплен в контексте обеспечения биологической безопасности¹⁵. Важно распространить данный опыт и на иные сферы обеспечения региональной безопасности.

Указанную проблему можно наблюдать при анализе стратегического планирования в сфере профилактики терроризма на региональном и муниципальном уровнях. Так, действующее федеральное законодательство возлагает на органы государственной власти субъекта и органы местного самоуправления обязанность по разработке и принятию программ в области профилактики терроризма. Существует сложившаяся в ряде регионов судебная практика по обязыванию органа местного самоуправления утвердить обеспеченную финансированием программу профилактики терроризма¹⁶.

Представляется, что органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации могут быть наделены полномочиями разработки программ профилактики терроризма на уровне субъекта, а также координационной ролью по разработке и реализации аналогичных программ на уровне местного самоуправления.

С учетом исключительной важности стратегического планирования для сферы обеспечения региональной безопасности необходимо на основе Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации разрабатывать и утверждать в каждом субъ-

екте Российской Федерации документ стратегического планирования в сфере региональной безопасности, включающий основные угрозы и вызовы на уровне региона, приоритеты и цели обеспечения региональной безопасности, объекты, подлежащие защите и т.п. (в качестве примера можно привести Концепцию обеспечения безопасности жизнедеятельности населения Свердловской области на период до 2035 г.¹⁷).

Пятая проблема заключается в отсутствии для органов обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации координирующего органа исполнительной власти на федеральном уровне, вырабатывающего государственную политику и осуществляющего нормативное регулирование в данной сфере.

В качестве аналогичного примера можно представить деятельность региональных органов власти в сфере здравоохранения, образования, спорта, культуры, сельского хозяйства и др. В данных случаях соответствующий федеральный орган исполнительной власти осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в указанных сферах. При этом для органов региональной безопасности в субъектах Федерации соответствующий орган по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию на федеральном уровне отсутствует.

Определенную роль в координации региональных органов играет Совет Безопасности РФ, однако с учетом его статуса как совещательного органа можно заключить, что координационная деятельность не является для него основной в отличие от федеральных органов исполнительной власти, которые на властно-императивном начале встроены в иерархию органов публичной власти.

Отсутствие курирующего федерального органа исполнительной власти способствует существенному различию в наборе полномочий

¹⁵ Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См., например: решение Слободского районного суда Кировской области от 14.05.2024 по делу № 2-3/68/2024 ; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.11.2019 № 88а-129/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Приказ Министерства общественной безопасности Свердловской области от 05.09.2018 № 231 «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности жизнедеятельности населения Свердловской области на период до 2035 года» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550192490?ysclid=m91oedyr1534013396>.

региональных органов обеспечения безопасности. Иными словами, если сравнить полномочия региональных органов исполнительной власти в сфере здравоохранения или образования, то они будут примерно одинаковыми, поскольку определяются соответствующим федеральным органом исполнительной власти.

Представляется, что в нынешних условиях в сфере обеспечения региональной безопасности в субъектах Федерации необходима большая, нежели есть в настоящее время, централизация, что будет способствовать формированию комплексного публично-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах. В этой связи следует согласиться с С. М. Зубаревым и Д. В. Трошевым, которые определяют суть публичного права как «его ориентацию на достижение общественных интересов, императивное регулирование, наличие авторитетного субъекта, строгую иерархию и соподчиненность субъектов права и правовых актов»¹⁸. Без такой иерархичности полноценное публично-правовое обеспечение региональной безопасности в России затруднительно.

Шестая проблема — должным образом не урегулирован вопрос межрегионального сотрудничества в сфере обеспечения региональной безопасности. В частности, Федеральный закон «О противодействии терроризму» устанавливает круг полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области противодействия терроризму, среди которых осуществление «межрегионального сотрудничества в целях изучения вопросов профилактики терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений»¹⁹.

Проведенный анализ полномочий органов исполнительной власти субъектов поставил логичный вопрос о применении указанной нормы и реализации такого межрегионального сотрудничества. Какие-либо нормативные документы, регулирующие это сотрудничество (его формы, принципы, периодичность, оформление результатов), в настоящее время отсутствуют. На практике его некоторые аспекты инициативно осуществляются Национальным антитеррористическим комитетом и антитеррористическими комиссиями в субъектах Россий-

ской Федерации. Однако на сегодняшний день нельзя сказать о системности и комплексности данного сотрудничества.

Представляется, что такое сотрудничество могло бы проводиться на основе деятельности органов региональной безопасности в субъектах Российской Федерации, причем не только в сфере профилактики терроризма, а шире — в обеспечении региональной безопасности в целом.

Обозначенные проблемы позволяют сделать вывод, что в современных условиях требуется большая централизация деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения региональной безопасности, которая не противоречит принципам федеративного устройства и основывается на принципе единстве системы государственной власти в Российской Федерации.

Для решения вышеуказанных проблем, устранения имеющихся коллизий с целью формирования концептуального организационно-правового механизма обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации предлагается принять следующие меры.

1. Создать органы региональной безопасности во всех субъектах Российской Федерации. Функционирование подобных органов по всей стране позволит в полной мере реализовать на практике закрепленный в Федеральном законе «О безопасности» принцип «системности и комплексности применения органами государственной власти субъектов Российской Федерации политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности»²⁰.

В первую очередь в целях унификации сложившегося подхода предлагается навести порядок в понятийно-категориальном аппарате, для чего законодательно закрепить понятия «региональная безопасность» и «орган региональной безопасности в субъекте Российской Федерации».

2. Усилить координационную роль Совета Безопасности РФ посредством повышения эффективности работы и взаимодействия между

¹⁸ Zubarev S. M., Troshchev D. V. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 572.

¹⁹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

собой и с региональными органами государственной власти межведомственных комиссий, входящих в его состав. Предполагается, что Совет Безопасности в рамках координационных полномочий вправе выполнять функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации. Действующие в составе Совета Безопасности межведомственные комиссии (создаваемые по функциональному или региональному признаку²¹) могут «спускать» в регионы единую публично-правовую модель обеспечения региональной безопасности в субъектах Федерации, осуществлять координацию органов региональной безопасности в субъекте, организовывать их взаимодействие с правоохранительными органами.

3. Унифицировать полномочия органов региональной безопасности в субъектах Российской Федерации. Для этого предлагается разработать и принять на федеральном уровне Примерное положение об органе региональной безопасности в субъекте Российской Федерации. В указанном документе целесообразно прописать основанный на федеральном законодательстве определенный набор полномочий, необходимый данному органу для эффективного функционирования.

А. Ю. Кирьянов справедливо отмечает, что «самостоятельность субъектов федерации в решении их внутренних проблем безопасности и осуществления связей с федерацией и другими субъектами является основой любого федеративного государства»²². Ввиду данного постулата и принципа федерализма предлагается именно примерное положение, которое субъекты Российской Федерации смогут брать за основу, дополняя указанные органы власти необходимыми полномочиями (в границах, установленных федеральным законодательством) исходя из специфики региона. В качестве примера можно привести действующее Примерное положение об органе архитектуры и градостроительства исполнительной власти субъекта Российской Федерации²³.

Среди полномочий органов региональной безопасности в субъектах Российской Федерации сто́ит уделить особое внимание полномочиям в сфере осуществления стратегического планирования в области региональной безопасности, в сфере профилактики терроризма и экстремизма (в том числе вопросам анти-террористической защищенности объектов и территорий), а также в сфере взаимодействия с институтами гражданского общества.

В рамках полномочий в сфере стратегического планирования предлагается обязать органы региональной безопасности в субъектах Российской Федерации разрабатывать для утверждения высшим должностным лицом субъекта документ стратегического планирования в сфере региональной безопасности.

4. Определить принципы и направления взаимодействия и координации органов региональной безопасности с правоохранительными органами.

Прежде всего необходимо унифицировать законы, регулирующие деятельность правоохранительных органов в части взаимодействия (в том числе координации) с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. На основании этого целесообразно разработать и нормативно закрепить порядок такого взаимодействия, включающий его принципы, формы, направления и т.п.

5. Разработать и нормативно закрепить механизм взаимодействия органов обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации с органами местного самоуправления для тех сфер обеспечения региональной безопасности, в которых органы местного самоуправления имеют полномочия.

Такая модель поможет оптимизировать и повысить эффективность деятельности по обеспечению региональной безопасности в границах муниципальных образований.

6. Выработать механизмы межрегионального сотрудничества между органами региональной безопасности в субъектах Российской Федерации.

²¹ Указ Президента РФ от 07.03.2020 № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с Положением о Совете Безопасности Российской Федерации, Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кирьянов А. Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 92.

²³ Постановление Госстроя России от 05.11.1997 № 18-65 «Об утверждении Примерного положения об органе архитектуры и градостроительства исполнительной власти субъекта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом региональной специфики Российской Федерации и имеющихся особенностей угроз национальной безопасности для различных регионов страны особенно важно осуществление межрегионального сотрудничества в сфере обеспечения безопасности в рамках макрорегиона, характеризующегося сходными угрозами безопасности. Это прежде всего регионы Арктической зоны России, Дальнего Востока, Северного Кавказа.

Представляется, что предложенные выше меры позволят выстроить концептуальную модель публично-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской

Федерации и муниципальных образованиях на принципах системности и комплексности.

Организационно-правовая основа такой модели подразумевает эффективную деятельность единого механизма, включающего систему органов публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества на основании стратегического планирования, учитывающего характерные для того или иного региона страны угрожающие факторы, которые выступают детерминантами угроз региональной безопасности и, соответственно, национальной безопасности страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балаева Д. Ж. Правовое и организационное обеспечение деятельности территориальных органов МВД России в системе региональной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Кирьянов А. Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Мифтахов Р. Л., Белоусов А. И. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в новых субъектах Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47. № 3.

Пашковский П. В. Региональная безопасность российской федеративной государственности в институционально-правовом измерении : дис. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2009.

Zubarev S. M., Troshch D. B. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. No. 3.

REFERENCES

Balaeva DZh. Legal and organizational support of the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the regional security system. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2019. (In Russ.).

Kiryaynov AYu. Regional security in modern Russia (general legal analysis). Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2006. (In Russ.).

Miftakhov RL, Belousov AI. Features of the administrative and legal status of foreign agents in the Russian Federation. *Law Herald of Dagestan State University*. 2023;47(3). (In Russ.).

Pashkovskiy PV. Regional security of Russian federal statehood in the institutional and legal dimension. Cand. Sci. (Law) Diss. Taganrog; 2009. (In Russ.).

Zubarev SM, Troshch DB. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty. *Kutafin Law Review*. 2024;11(3).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
iroshnikov-dv@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Iroshnikov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security, Law and Order, Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
iroshnikov-dv@ranepa.ru

*Материал поступил в редакцию 15 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 2 мая 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.*

*Received 15.04.2024.
Revised 02.05.2025.
Accepted 15.09.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.069-081

Е. В. Косырев
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Проблемы реализации полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере правового просвещения населения в контексте обеспечения внутреннего государственного суверенитета

Резюме. В статье рассматриваются особенности реализации полномочий федеральных органов исполнительной власти по правовому просвещению населения применительно к обеспечению внутреннего государственного суверенитета. Выделяется как правовое просвещение, осуществляемое в различных областях, так и общее правовое просвещение в отношении молодежи, мигрантов и т.д. Исследуются направления и формы данной деятельности; по результатам делается вывод, что правовому просвещению федеральные органы исполнительной власти уделяют еще недостаточно внимания, их соответствующие полномочия в статутных нормативных правовых актах изложены фрагментарно, в частности, используются неэффективные формы правового просвещения, а по некоторым направлениям она и вовсе не проводится. Кроме того, не принят нормативный правовой акт, который бы систематизировал данный вид деятельности федеральных органов исполнительной власти. В итоге автор приходит к заключению: несмотря на то что в последние годы наметилась тенденция изменения ситуации к лучшему, усилий в данном направлении предпринимается недостаточно для того, чтобы деятельность федеральных органов исполнительной власти в сфере правового просвещения являлась рабочим инструментом в обеспечении внутреннего государственного суверенитета.

Ключевые слова: внутренний государственный суверенитет; правовое просвещение; полномочия; система; методические рекомендации; федеральные органы исполнительной власти; формы; эффективность; обеспечение; положения

Для цитирования: Косырев Е. В. Проблемы реализации полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере правового просвещения населения в контексте обеспечения внутреннего государственного суверенитета. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 69–81. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.069-081

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

Challenges in Implementing the Powers of Federal Executive Authorities in the Field of Public Legal Education in the Context of Ensuring the State's Internal Sovereignty

Evgeniy V. Kosyrev
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the specifics of how federal executive authorities exercise their powers in providing public legal education to the population in the context of ensuring internal state sovereignty. It distinguishes between legal education carried out in various sectors and general public legal education aimed at groups

© Косырев Е. В., 2025

such as youth and migrants. The study analyzes the directions and forms of this activity and concludes that federal executive authorities still pay insufficient attention to public legal education: their related powers are presented piecemeal in statutory legal acts; in particular, ineffective outreach methods are used, and in some areas such education is not carried out at all. Moreover, no regulatory act has been adopted to systematize this type of activity by federal executive authorities. In conclusion, although there has recently been a tendency toward improvement, efforts remain inadequate for the public legal education carried out by federal executive authorities to function as an effective tool for ensuring internal state sovereignty.

Keywords: internal state sovereignty; legal education; powers; system; methodological recommendations; federal executive authorities; forms; effectiveness; provision; provisions

Cite as: Kosyrev EV. Challenges in Implementing the Powers of Federal Executive Authorities in the Field of Public Legal Education in the Context of Ensuring the State's Internal Sovereignty. *Lex russica*. 2025;78(10):69-81. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.069-081

Acknowledgements. The study was funded by Russian Science Foundation grant No. 24-18-00764.

Введение

Традиционно под внутренним государственным суверенитетом принято понимать верховенство государственной власти на всей территории той либо иной страны. Одним из неотъемлемых направлений публично-правового обеспечения в условиях новых вызовов и угроз внутреннему государственному суверенитету Российской Федерации является правовое просвещение населения. Однако не существует единых подходов к определению содержания этого вида деятельности.

Одни авторы указывают, что правовое просвещение — это деятельность, направленная исключительно на обеспечение общедоступности сведений о важнейших правовых актах и складывающейся правоприменительной и судебной практике, а также на распространение знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека и о способах их реализации¹. Другие отмечают, что просвещение предполагает не только распространение знаний, культуры, но и определенную совокупность образовательно-воспитательных мероприятий², систему мер, нацеленных на интеграцию в сознание людей правовых идей, норм, прин-

ципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры³.

Такое расхождение обусловлено в том числе и тем, что в федеральном законодательстве фактически отсутствует определение исследуемого вида деятельности. Можно привести лишь временно действующий предварительный национальный стандарт Российской Федерации 761-2023 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Безопасный город. Термины и определения», согласно п. 869 которого правовое просвещение и правовое информирование — это доведение до сведения граждан и организаций информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств⁴. Данная дефиниция неинформативна и не позволяет раскрыть большинство признаков правового просвещения.

Отсутствие единого понимания содержания любого вида деятельности (не только правового просвещения), закрепления его признаков в соответствующих нормативных правовых актах, безусловно, не позволяют эффективно его реализовывать, тем более таким многочисленным субъектам, как федеральные органы исполнительной власти.

¹ Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. С. 67–69.

² Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179–188.

³ Орнацкая Т. А. Юридическое образование и правовое просвещение на Дальнем Востоке России: 1917–1941 гг. : дис. ... д-ра истор. наук. Владивосток, 2022. С. 19–20.

⁴ Предварительный национальный стандарт Российской Федерации 761-2023 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Безопасный город. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 06.03.2023 № 12-пнст). М. : ФГУ «Институт стандартизации», 2023.

В данной работе будем исходить из того, что правовое просвещение представляет собой деятельность, направленную на формирование знаний у населения о праве и позитивного к нему отношения. Именно поэтому правовое просвещение населения способствует обеспечению внутреннего государственного суверенитета, в частности, формируя правовую культуру населения, его правосознание⁵. Подобная деятельность помогает противостоять угрозам государственному суверенитету, не только способствуя снижению уровня правонарушений и преступности⁶, но и выступая фундаментом для борьбы с распространением в обществе правового нигилизма, ярким примером которого является усиление общественно-политических протестных настроений при отсутствии конкретной программной цели и невнятности выдвигаемых требований «ни с чем не согласных»⁷.

Говоря о правовых основах, определяющих роль правового просвещения в обеспечении внутреннего государственного суверенитета, отметим такой документ стратегического планирования, как Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168⁸. В этом документе правовое просвещение отнесено к основным направлениям государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан.

В Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁹ правовое просвещение причислено к формам профилактического воздействия с целью противодействия как преступлениям, так административным правонарушениям.

Впрочем, значение правового просвещения в обеспечении внутреннего государственного суверенитета обусловлено не столько его ролью в профилактике различных деликтов, сколько возможностью использования иных, достаточно разнообразных направлений, форм и методов, итогом применения которых является формирование у населения нашей страны должного уровня правопонимания, убежденности в необходимости жить в соответствии с нормами права.

Направления правового просвещения возможно разграничить в рамках предметной области; именно так зачастую происходит их разделение в нормативных правовых актах. По этому признаку можно выделить правовое просвещение в следующих сферах: защиты прав потребителей, налогов и сборов, противодействия коррупции, профилактики наркомании и токсикомании, несения военной службы, охраны здоровья граждан, пожарной безопасности, семьи, брака, труда, экологии и т.д.

Кроме того, следует выделить общее правовое просвещение, которое не осуществляется применительно к какой-либо конкретной области, а может реализовываться, например, в отношении отдельных категорий граждан: несовершеннолетних, мигрантов и т.д.

Разнообразие указанных направлений предполагает наличие достаточно широкого субъектного состава органов власти и организаций, осуществляющих правовое просвещение. К ним относятся различные органы государственной власти как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные по правам человека, профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, общественные организации¹⁰.

⁵ Zubarev S. M., Troshev D. B. The Concept and Essence of Public Law Enforcement of State Sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. No. 11 (3). P. 569–594. DOI: 10.17803/2713-0533.2024.3.29.

⁶ См.: Смирнов С. В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2011. С. 114 ; Гадисов С. Р. Государственный суверенитет в условиях глобализации: общетеоретическое измерение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 114.

⁷ Молчанов Н. А., Матевосова Е. К. Протестная активность современного российского общества: реализуемая демократия или угроза национальной безопасности? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 29–33.

⁸ Российская газета. Федеральный выпуск № 151 (5527).

⁹ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

¹⁰ Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179–188.

Среди перечисленных субъектов доминирующее место занимают федеральные органы исполнительной власти, которые, как правило, устанавливают организационно-правовые начала для осуществления правового просвещения в различных сферах жизни. Двойственность их полномочий заключается в том, что они могут также непосредственно проводить данную деятельность¹¹.

Основная часть

Двигаясь от общего к частному, рассмотрим вначале федеральные органы исполнительной власти, которые реализуют полномочия в рамках общего правового просвещения.

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере правового просвещения является Минюст России. Так, в соответствии с пп. 3 п. 2 статутного Положения, утвержденного Указом Президента РФ от 13.01.2023 № 10¹², Минюст России — федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции, включающей в себя, в частности, обеспечение граждан бесплатной юридической помощью, а также правовое информирование и правовое просвещение населения. Вместе с тем нормативных правовых актов, посвященных исключительно правовому просвещению, имеющих

целью организацию этого вида деятельности, данным министерством не принято.

Исключением выступает приказ Минюста России от 23.03.2023 № 43 «Об утверждении формы отчета (мониторинга) деятельности по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи и правовому просвещению населения, порядка заполнения и сроков ее представления»¹³, принятый во исполнение Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹⁴. Однако данная форма применяется только в отношении участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, а также предусматривает отчетность исключительно в отношении количества распространенных материалов по правовому просвещению. В силу этого с помощью нее мы не можем получить объективные сведения о масштабах правового просвещения и, соответственно, оценить эффективность данной деятельности.

Определенную роль в правовом просвещении населения призван играть портал «Нормативные правовые акты в Российской Федерации», за работу которого отвечают Минюст России и ФБУ «Научный центр правовой информации при Минюсте России» (ФБУ НЦПИ при Минюсте России)¹⁵. С помощью таких информационных систем согласно Концепции развития федеральных регистров и государственных реестров нормативных правовых актов Российской Федерации, утвержденной распоряжением

¹¹ Чеха В. В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 198–210.

¹² Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.09.2023.

¹³ Приказ Минюста России от 23.03.2023 № 43 «Об утверждении формы отчета (мониторинга) деятельности по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи и правовому просвещению населения, порядка заполнения и сроков ее представления» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 24.03.2023.

¹⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

¹⁵ Распоряжение Минюста России от 06.12.2017 № 1553-р «О вводе в эксплуатацию портала “Нормативные правовые акты в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Распоряжение Минюста России от 09.02.2016 № 175-р «Об утверждении концепции развития федеральных регистров и государственных реестров нормативных правовых актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Что такое коррупция и как с ней бороться / авт.-сост. Э. И. Атагимова. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2015 ; Государственному служащему о коррупции / авт.-сост. Э. И. Атагимова. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2015 ; Старт во взрослую жизнь: Подростку (14–18 лет) о его правах, обязанностях и ответственности / под ред. А. В. Федичева. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2015.

Минюста России от 09.02.2016 № 175-р, также осуществляется правовое просвещение¹⁶.

На сайте Минюста России создан одноименный раздел, в котором по логике должны быть различные материалы, направленные на правовое просвещение населения. Однако ознакомление с их содержанием показывает, что из шести материалов три подготовлены в 2015 г.¹⁷, т.е. 10 лет назад, а два — в 2016 г.¹⁸, что вызывает сомнение в их соответствии современным реалиям.

На сайте также отсутствует информация о реализации соглашения между Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и Минюстом России о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина от 08.09.2021 № Д-72-83/14, в ст. 3 которого одним из основных направлений сотрудничества сторон указывается правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты.

Территориальные органы Минюста России реализуют государственную политику в сфере

юстиции на территории соответствующего субъекта (субъектов) Российской Федерации, в том числе посредством правового просвещения населения¹⁹. Вместе с тем функция осуществления правопросветительской деятельности и соответствующие полномочия у территориальных органов Минюста России отсутствуют. Хотя можно привести примеры осуществления правопросветительских мероприятий на практике²⁰. Тем более что в ряде субъектов Российской Федерации приняты законы, определяющие порядок осуществления правового просвещения²¹.

По сути, это всё, что свидетельствует о реализации полномочий Минюста России в сфере правового просвещения. Одной из причин такого положения можно назвать отсутствие должной теоретической базы. В диссертационных исследованиях, посвященных административно-правовому статусу Минюста России и его территориальных органов, фактически не раскрывается правопросветительское направление деятельности, а просто констатируется, что оно имеется²².

¹⁸ См.: Наши права и обязанности: изучаем вместе. Подростку о его правах, обязанностях и ответственности / авторы-сост. Э. И. Атагимова, И. Н. Фёдоров. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016 ; Рабочая тетрадь. наши права и обязанности: изучаем вместе. Подростку о его правах, обязанностях и ответственности / авторы-сост. С. А. Фёдорова, Э. И. Атагимова, И. Н. Фёдоров. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016.

¹⁹ См.: п. 5 приказа Минюста России от 29.03.2024 № 89 «Об утверждении Положения о Главном управлении (Управлении) Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 03.04.2024.

²⁰ Управлением Минюста России по Челябинской области проведено занятие по правовому просвещению со студентами // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49442/> (дата обращения: 15.02.2025) ; Специалисты Управления Минюста России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу провели правовой урок для старшеклассников // URL: https://t.me/minjust_russia/3204 (дата обращения: 15.02.2025).

²¹ См., например: Закон Тверской области от 05.06.2020 № 42-ЗО «О правовом просвещении граждан на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2020. № 24 ; Закон Пермского края от 05.04.2022 № 59-ПК «О правовом просвещении граждан на территории Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2022. № 14. Т. 1 ; Закон Кировской области от 15.10.2024 № 307-ЗО «О правовом просвещении и правовом информировании граждан на территории Кировской области» // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. URL: <http://kirovreg.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

²² См., например: *Егошина Ю. А.* Административно-правовой статус территориального органа Министерства юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014 ; *Филипчук С. В.* Правовой статус Министерства юстиции и его территориальных органов в условиях строительства правового государства в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003 ; *Бушков В. А.* Управление территориальными органами юстиции в Российской Федерации: Административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004 ; *Ельцов Н. С.* Правовой статус территориальных органов юстиции в современной России: Теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Можно сделать вывод, что, к сожалению, органы юстиции не в полной мере реализуют свои полномочия в сфере правового просвещения, в частности, не определены даже единые начала осуществления данной деятельности, которые Минюст России в качестве уполномоченного органа должен определить как минимум для всех федеральных органов исполнительной власти. Дополним, что в целом нормативных правовых актов, адресованных всем либо большей части органов власти и организаций, устанавливающих порядок осуществления правового просвещения на федеральном уровне власти в настоящее время не принято, можно лишь указать на ряд положений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»²³ и достаточно общее постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности»²⁴, раскрывающее их. Но данные нормы посвящены в общем просветительской деятельности, в них не учитывается ее предметный аспект.

На недостаточную эффективность правового просвещения как направления деятельности государства²⁵ и необходимость создания единой целостной системы правового просвещения указывается и различными авторами²⁶. Однако существует мнение, что согласно действующему законодательству система правового просвещения создана и нуждается лишь в совершенствовании²⁷, с чем согласиться не можем.

Поэтому установление Минюстом России единых начал осуществления правового просвещения, пусть только для федеральных органов исполнительной власти, будет иметь большое значение для повышения эффективности осуществления данного вида деятельности и

повышения его роли в обеспечении внутреннего государственного суверенитета.

В этом контексте хорошо вспомнить о таком принципе функционирования систем, как принцип неаддитивности, который, как указывает Б. В. Россинский, заключается в том, что свойства системы не сводятся к простой сумме свойств ее отдельных элементов, а при надлежущей организации системы ее интегральные возможности выше, чем сумма потенциальных возможностей составляющих частей, а при дезорганизации — ниже суммарного потенциала ее элементов²⁸. Вот почему так важны выработка и реализация Минюстом России государственной политики и осуществление нормативно-правового регулирования в сфере правового просвещения для укрепления внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз.

Сегодня особое значение приобретает правовое просвещение молодежи. Неслучайно Минпросвещения России было издано письмо, определяющее единые подходы к формированию целостной системы правового просвещения и информирования несовершеннолетних в образовательных организациях на всех уровнях образования, независимо от типа указанных организаций²⁹. Однако мы не можем согласиться как с формой (письмо не является правовым актом, поэтому носит рекомендательный характер), так и с содержанием данного документа. Значительная часть письма составляет перечень положений различных нормативных правовых актов, посвященных в целом правовому просвещению, а также роли федеральных государственных образовательных стандартов различного уровня образования (ФГОС) в формировании правосознания и правовой культуры.

²³ См.: ст. 12.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

²⁴ Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности» // СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5112.

²⁵ Гулакова В. Ю. О развитии регионального законодательства в сфере правового просвещения населения // Базис. 2023. № 1. С. 33–36.

²⁶ Андрианова Д. В. Мониторинг деятельности субъектов Российской Федерации в сфере правового просвещения населения в 2016 году // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3. С. 66–70.

²⁷ Вавилин М. В. К вопросу о совершенствовании системы правового просвещения в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 127–129.

²⁸ Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем : монография М. : Норма, Инфра-М, 2021. С. 90.

²⁹ Письмо Минпросвещения России от 02.07.2024 № 07-2997 «О направлении информации» // Вестник образования России. 2024. № 18. Сент.

Однако о ФГОС нельзя говорить применительно к просветительской деятельности, так как они, в соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», определяют совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки. В свою очередь, согласно п. 1 данной статьи образование — это целенаправленный процесс воспитания и обучения, а не просвещения, также ее пункт 25 указывает, что просветительская деятельность осуществляется вне рамок образовательных программ³⁰.

К сожалению, в данном письме к «единым подходам» можно отнести только установление содержания системы осуществления правового просвещения несовершеннолетних в образовательных организациях, которая должна состоять из общего и специального правового просвещения.

Минобрнауки России также участвует в организации правопросветительской деятельности молодежи. Данным министерством в форме письма от 06.09.2024 № МН-11/2630 в целях методического обеспечения деятельности специалистов образовательных организаций высшего образования были направлены методические рекомендации по правовому просвещению несовершеннолетних обучающихся образовательных организаций высшего образования³¹. Помимо этого, Минобрнауки России письмом от 22.03.2023 № МН-6/406-КМ³² распространило рекомендации по разработке программ и методик, направленных на фор-

мирование законопослушного поведения несовершеннолетних обучающихся, однако способом избрано правовое воспитание, а не правовое просвещение.

Примечательно, что в статутных актах о Минпросвещения России и Минобрнауки России к их полномочиям не отнесена организация правового просвещения, а также его осуществление³³, тем не менее они реализуют эту деятельность.

Обратим внимание на федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет функции по выработке и реализации государственной молодежной политики, — Росмолодежь³⁴, и отметим, что в конце 2024 г. в Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»³⁵ было внесено дополнительное направление молодежной политики — правовое просвещение. Однако соответствующие изменения в Положение об агентстве внесены не были. Кроме того, не представляется возможным привести примеры организации и осуществления правового просвещения молодежи указанным федеральным органом исполнительной власти.

Одну из наиболее реальных угроз внутреннему государственному суверенитету России в настоящее время представляют незаконная миграция, слабая адаптация мигрантов к российскому правопорядку, нормам общественной нравственности и морали. Безусловно, правовое просвещение выступает эффективным инструментом противодействия этим негативным явлениям. Федеральное агентство по делам

³⁰ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

³¹ Письмо Минобрнауки России от 06.09.2024 № МН-11/2630 «О направлении материалов» // СПС «КонсультантПлюс».

³² Письмо Минобрнауки России от 22.03.2023 № МН-6/406-КМ «О направлении материалов» // СПС «КонсультантПлюс».

³³ См.: постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5343; постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3851.

³⁴ См.: постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2586.

³⁵ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

³⁶ Постановление Правительства РФ от 18.04.2015 № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // СЗ РФ. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2564.

³⁷ Степанов А. В. Убеждение в виде правового просвещения как способ обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 24–26.

национальностей осуществляет функции в том числе по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации³⁶, что по справедливому мнению А. В. Степанова, достигается, в частности, посредством правового просвещения мигрантов³⁷.

В Методических рекомендациях для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», утвержденных приказом ФАДН России от 17.11.2020 № 142³⁸, в качестве рекомендации для совершенствования реализации мероприятий по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан предлагается содействовать привлечению представителей национально-культурных автономий и диаспор, бизнес-структур, работодателей и заказчиков работ (услуг), образовательных организаций, в которых иностранные граждане получают образование, отдельных граждан к проведению мероприятий, направленных в том числе на их правовое просвещение. То есть данный орган всего лишь рекомендует осуществлять правовое просвещение иностранных граждан, фактически не предоставляя для этого никаких инструментов. В связи с этим закономерно указание отдельных ученых на недоличный уровень организации системы правового просвещения для иностранцев³⁹.

Рассматривая реализацию полномочий ФАДН России по правовому просвещению в качестве позитивного примера, можно отметить подготовленную данным агентством памятку для трудовых мигрантов из Центрально-Азиатского региона. Эта памятка содержит краткую правовую информацию о порядке постановки на миграционный учет, получения патента на работу, заключения трудового договора, а также о видах нарушений миграционного законо-

дательства и юридической ответственности, предусмотренной за их совершение⁴⁰. Более того, данный документ переведен на таджикский, киргизский и узбекский языки. При этом памятка была издана в начале 2024 г. и вследствие масштабного обновления миграционного законодательства, пришедшегося на рубеж 2024–2025 гг., уже успела содержательно устареть. К сожалению, этот пример также является фактически единственным, иллюстрирующим реализацию полномочий ФАДН России в сфере правового просвещения, чего, конечно, недостаточно для всесторонней правовой адаптации мигрантов в нашей стране.

МВД России в соответствии с п. 97 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699⁴¹, осуществляет правовое просвещение в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере внутренних дел. Вместе с тем данное законодательство не содержит положений о реализации полномочий МВД России по правовому просвещению. Кроме того, и в нормативных правовых актах, регулирующих сферу миграции, нет конкретизации мер по правовому просвещению.

Подводя итог анализу участия федеральных органов исполнительной власти в сфере общего правового просвещения, отметим, что Минюст России как уполномоченный орган в этой сфере очень ограниченно исполняет свои полномочия. В частности, не принято ни одного нормативного правового акта, устанавливающего единые подходы федеральных органов исполнительной власти к организации данного вида деятельности. Иные федеральные министерства и федеральные агентства также либо не осуществляют полномочий в сфере общего правового просвещения, либо делают это достаточно фрагментарно, иногда издавая методические рекомендации, не имеющие обязательного характера, или размещая определенные правовые материалы на сайтах. Лучшей практикой федеральных органов исполни-

³⁸ СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Гармаев Ю. П. Антикриминальное просвещение иностранных граждан на территории России силами юридических вузов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 118–124.

⁴⁰ ФАДН России разработало памятку для трудовых мигрантов // URL: <https://emcmo.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/27-04-2024-12-26-57-fadn-Rossii-razrabotalo-pamyatku-dlya-trudovykh-mi?ysclid=m9s6df0pkf222750247> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴¹ Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

тельной власти следует признать проведение различных правопросветительских форумов и конференций, но, как правило, они собираются не систематически, а от случая к случаю.

Обеспечению внутреннего государственного суверенитета способствует правовое просвещение, осуществляемое в отдельных областях общественной и государственной жизни. Так, МЧС России осуществляет пропаганду в аспектах гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах⁴². МЧС России можно отнести к федеральным органам исполнительной власти, которые определяют правила правопросветительской деятельности в сфере пожарной безопасности. В частности, разработаны соответствующие методические рекомендации, которые касаются правового просвещения и правового информирования граждан и организаций по вопросам пожарной безопасности⁴³.

Для обеспечения внутреннего государственного суверенитета особое значение приобретает правовое просвещение в сфере борьбы с коррупцией или антикоррупционное просвещение. Так, в рамках реализации Национального плана по противодействию коррупции Минобрнауки России распоряжением от 14.12.2021 № 475-р была утверждена программа по анти-

коррупционному просвещению населения на 2021–2024 гг.⁴⁴ Данная программа предусматривала мероприятия, в качестве ожидаемого результата которых указывалось повышение уровня правосознания у определенных категорий граждан⁴⁵. Однако срок действия данной программы уже истек, а новая подобная программа еще не принята.

Приведем еще несколько примеров участия федеральных органов исполнительной власти в правовом просвещении населения в интересах обеспечения внутреннего государственного суверенитета. В данном контексте большое значение имеет правовое просвещение граждан в сфере защиты прав потребителей. Роспотребнадзор реализует данный вид правового просвещения с помощью формирования и ведения открытого и общедоступного государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей, качества и безопасности товаров (работ, услуг)⁴⁶. На этом сайте размещаются сведения, в том числе о нормативных правовых актах и их проектах, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, а также материалы судебной практики по защите прав потребителей⁴⁷.

ФНС России, осуществляя правовое просвещение в сфере законодательства о налогах и сборах, регулярно проводит вебинары, посвященные особенностям применения

⁴² См.: Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2882.

⁴³ Письмо МЧС России от 07.04.2022 № 43-2004-19 «О направлении методических рекомендаций» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ См.: Мы против коррупции : сборник статей по итогам международного студенческого молодежного антикоррупционного форума «Мы против коррупции», 9 декабря 2022 г. Тюмень : Институт государства и права Тюменского государственного университета, 2022.

⁴⁶ См.: ч. 2 ст. 3 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁴⁷ См.: п. 6 Правил формирования и ведения государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16.02.2013 № 129 // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 833.

⁴⁸ На вебинаре представителям малого и среднего предпринимательства рассказали об изменениях налогового законодательства с 2025 года // URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn34/news/seminar/15386361/?ysclid=m73dn6gtg8871749119> (дата обращения: 18.02.2025) ; Вопросы налогообложения вновь зарегистрированных организаций и индивидуальных предпринимателей обсудили на вебинаре // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn38/ifns/imns38_04/events/15577558/?ysclid=m73dkxvkxv866803680 (дата обращения: 18.02.2025).

⁴⁹ На вебинаре рассказали об упрощенном порядке предоставления социальных налоговых вычетов // URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/seminar/15493801/?ysclid=m7k901e9h6350968105> (дата обращения: 18.02.2025).

законодательства о налогах и сборах. Целевую аудиторию данных мероприятий обычно составляют представители юридических лиц и индивидуальные предприниматели⁴⁸, тем не менее на них могут рассматриваться вопросы, посвященные особенностям налогообложения физических лиц⁴⁹. При этом ФНС России по факту осуществляет правовое просвещение, но не определяет порядок его проведения.

Тем самым при реализации федеральными органами исполнительной власти полномочий в сфере предметного правового просвещения используются такие формы, как формирование и ведение информационных ресурсов, организация вебинаров, что можно оценить положительно. Например, во время вебинаров можно напрямую взаимодействовать с государственным служащим федерального органа исполнительной власти. С другой стороны, имеет место принятие методических рекомендаций, не носящих обязательного характера.

Для обеспечения внутреннего государственного суверенитета важно отметить правопросветительскую деятельность в таких областях, как охрана здоровья граждан, несение военной службы, экология⁵⁰. Однако обязательные направления осуществления правового просвещения в указанных сферах уполномоченными федеральными органами исполнительной власти не установлены⁵¹.

Заключение

Подводя итог исследованию, отметим, что федеральные органы исполнительной власти, осуществляя правовое просвещение населения и регулируя данную деятельность, действуют разрозненно. На федеральном уровне не существует нормативных правовых актов, которые бы ее систематизировали. Отсутствие единых правил проведения правового просвещения населения ведет к тому, что оно порой проводится непланомерно, в достаточно разнообразных, порой неэффективных формах, а по ряду направлений вообще не реализуется, несмотря на такую необходимость.

На ненадлежащий уровень организации правового просвещения указывалось учеными и ранее. Так, А. В. Кочетков отмечал, что «настоящий этап развития российского общества и государства характеризуется отсутствием специально организованной целостной и действенной системы, в частности, правового просвещения»⁵². Ю. В. Миронова указывала, что «реализация задач, стоящих перед государством в настоящих условиях, по противодействию коррупции, правовой защищенности населения, эффективному государственному управлению и др., во многом затруднена низким уровнем развития такого направления деятельности государственных органов, как правовое просвещение»⁵³. Однако действенных шагов по изменению ситуации федеральными органами исполнительной власти, к сожалению, предпринято не было, что в условиях ведения гибридной войны против нашей страны, многочисленных усилий недружествен-

⁵⁰ Правовое просвещение в сфере охраны права на здоровье // URL: <https://ombudsmanpnz.ru/news/pravovoe-prosveshchenie-v-sfere-okhrany-prava-na-zdorove/> (дата обращения: 25.02.2025) ; Правовое просвещение // URL: <https://bolnica-solovyeva-76.ru/personal/law/> (дата обращения: 25.02.2025) ; Специалисты Минздрава проводят правовое консультирование, приуроченное к Дню знаний // URL: <https://minzdrav.midural.ru/news/show/id/2818> (дата обращения: 25.02.2025) ; Правовое экологическое просвещение // URL: <https://fondntr.ru/news/814-pravovoe-ekologicheskoe-prosveshchenie.html> (дата обращения: 15.05.2025) ; Эколого-правовые классные часы // URL: <https://www.bsu.ru/news/30006/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵¹ См.: постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3526 ; Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3538 ; постановление Правительства РФ от 11.11.2015 № 1219 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 47. Ст. 6586.

⁵² Кочетков А. В. Участие органов юстиции в правовом воспитании // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2003. № 2. С. 60–63.

⁵³ Миронова Ю. В. Правовые основы государственного управления правовым просвещением // Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 77–81.

ных государств дестабилизировать политическую и социально-экономическую обстановку создает реальную угрозу для внутреннего государственного суверенитета.

Думается, что для повышения эффективности и качества осуществления федеральными органами исполнительной власти полномочий по правовому просвещению населения, в том числе усиления его роли в обеспечении внутреннего государственного суверенитета, преж-

де всего целесообразны разработка и принятие документа стратегического планирования, который бы закрепил цели, принципы, направления, формы и методы правопросветительской деятельности. Этот документ мог бы стать основой для уточнения полномочий конкретных федеральных органов исполнительной власти по различным направлениям правового просвещения населения в статутных нормативных правовых актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианова Д. В. Мониторинг деятельности субъектов Российской Федерации в сфере правового просвещения населения в 2016 году // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3. С. 66–70.

Бушков В. А. Управление территориальными органами юстиции в Российской Федерации: Административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 260 с.

Вавилин М. В. К вопросу о совершенствовании системы правового просвещения в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 127–129.

Гадисов С. Р. Государственный суверенитет в условиях глобализации: общетеоретическое измерение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 203 с.

Гармаев Ю. П. Антикриминальное просвещение иностранных граждан на территории России силами юридических вузов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 118–124.

Гулакова В. Ю. О развитии регионального законодательства в сфере правового просвещения населения // Базис. 2023. № 1. С. 33–36.

Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179–188.

Егошина Ю. А. Административно-правовой статус территориального органа Министерства юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 174 с.

Ельцов Н. С. Правовой статус территориальных органов юстиции в современной России: Теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 214 с.

Кочетков А. В. Участие органов юстиции в правовом воспитании // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2003. № 2. С. 60–63.

Миронова Ю. В. Правовые основы государственного управления правовым просвещением // Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 77–81.

Молчанов Н. А., Матевосова Е. К. Протестная активность современного российского общества: реализуемая демократия или угроза национальной безопасности? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 29–33.

Орнацкая Т. А. Юридическое образование и правовое просвещение на Дальнем Востоке России: 1917–1941 гг. : дис. ... д-ра истор. наук. Владивосток, 2022. 458 с.

Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. 249 с.

Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2021. 264 с.

Смирнов С. В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2011. 204 с.

Степанов А. В. Убеждение в виде правового просвещения как способ обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 24–26.

Филипчук С. В. Правовой статус Министерства юстиции и его территориальных органов в условиях строительства правового государства в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 204 с.

Чеха В. В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 198–210.

Zubarev S. M., Troshch D. B. The Concept and Essence of Public Law Enforcement of State Sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. No. 11 (3). P. 569–594. DOI: 10.17803/2713-0533.2024.3.29.

REFERENCES

- Andrianova DV. Monitoring the activity of subjects of the Russian Federation in the sphere of raising legal awareness of the population in 2016. *Monitoring pravoprimeneniya*. 2017;3:66-70. (In Russ.).
- Bushkov VA. Administration of territorial bodies of justice in the Russian Federation: An administrative law aspect. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2004. (In Russ.).
- Chekha VV. Educational Activities: Legal and Organizational Aspects. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2023;18(1):198-210. (In Russ.).
- Dotsenko AS. O ponyatii pravovogo prosveshcheniya [On the Concept of Legal Education]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(1):179-188. (In Russ.).
- Egoshina YuA. Administrative and legal status of the territorial body of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2014. (In Russ.).
- El'tsov NS. Legal status of territorial bodies of justice in modern Russia: A theoretical aspect. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Filipchuk SV. The legal status of the Ministry of Justice and its territorial bodies in the context of the construction of the rule of law in Russia. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Galisov SR. State sovereignty in the context of globalization: general theoretical dimension. Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov; 2020. (In Russ.).
- Garmaev YuP. Anti-crime education of foreign citizens in the territory of Russia by the efforts of law institutions of higher education. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2018;4:118-124. (In Russ.).
- Gulakova VYu. On the development of regional legislation in the field of legal education of the population. *Bazis*. 2023;1:33-36. (In Russ.).
- Kochetkov AV. The Role of the Bodies of Justice in Law Education. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2003;2:60-63. (In Russ.).
- Mironova YuV. Legal framework of the state administration of legal education. *Administrative Law and Procedure*. 2015;9:77-81. (In Russ.).
- Molchanov NA, Matevosova EK. Protestnaya aktivnost sovremennogo rossijskogo obshchestva: realizuemaya demokratiya ili ugroza natsionalnoy bezopasnosti? [Protest activity of modern Russian society: a realizable democracy or a threat to national security?]. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2015;9:29-33. (In Russ.).
- Ornatskaya TA. Legal enlightenment and legal education in the Russian Far East: 1917–1941. Dr. Sci. (History) Diss. Vladivostok; 2022. (In Russ.).
- Petrov AI. Legal and organizational foundations of the activities of the prosecution authorities on legal education of the population. Cand. Sci. (Law) Diss. N. Novgorod; 2019. (In Russ.).
- Rossinskiy BV. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsiy teorii system [Problems of public administration from the standpoint of the systems theory]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
- Smirnov SV. Sovereignty of the modern state in the context of globalization: questions of theory and practice. Cand. Sci. (Law) Diss. Ulyanovsk, 2011. (In Russ.).
- Stepanov AV. Persuasion in the form of legal education as a means of assurance of migration security of the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2024;5:24-26. (In Russ.).
- Vavilin MV. Improvement of the system of legal education in the Russian Federation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2015;3:127-129. (In Russ.).
- Zubarev SM., Troshev DB. The Concept and Essence of Public Law Enforcement of State Sovereignty. *Kutafin Law Review*. 2024;11(3):569-594. DOI: 10.17803/2713-0533.2024.3.29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косырев Евгений Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
evkosyrev@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy V. Kosyrev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
evkosyrev@msal.ru

Материал поступил в редакцию 27 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 28 августа 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 27.05.2024.

Revised 28.08.2025.

Accepted 15.09.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.082-089

С. В. Володина

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект

Резюме. В статье анализируется влияние социокультурного и нормативного измерения на пространство социального доверия в опыте китайского общества. Исследование взаимодействия права и доверия на примере китайского общества показывает интеграцию традиционных и инновационных аспектов; правовая институционализация доверия проводится при обеспечительной функции традиционных ценностей. Само доверие выступает в качестве механизма, который обеспечивает функционирование правовых, политических, экономических отношений. Опыт Китая демонстрирует значимость ресурса социального доверия в формировании и обеспечении развития правовых, политических, экономических институтов. Доверие позволяет общественной системе Китая эффективно осуществлять управление, минимизировать риски внешнего воздействия, повышать оперативность процессов. Анализ примера Китая показывает ключевую роль социокультурного потенциала общества в формировании уникального пространства доверия внутри страны и его влияние на конструирование внешнеполитических отношений. Доверие позволяет достичь и реализовать ключевые принципы международной коммуникации: открытость, прозрачность, объяснимость, сохраняя в то же время баланс внутреннего и внешнего, безопасности и развития. Данные подходы, согласно позиции автора, обладают перспективой применения в России.

Ключевые слова: право; доверие; Китай; ценности; традиции; культура; цифровизация; искусственный интеллект; система социального рейтинга; безопасность; BRICS

Для цитирования: Володина С. В. Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 82–89. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.082-089

Social Trust and the Regulatory Dimension in the Experience of Chinese Society: Axiological Aspect

Svetlana V. Volodina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the impact of the sociocultural and regulatory dimension on the sphere of social trust in the experience of Chinese society. The study of the interaction between law and trust as in the case of Chinese society shows the integration of traditional and innovative aspects; the legal institutionalization of trust is carried out with the supporting function of traditional values. Trust itself acts as a mechanism that ensures the functioning of legal, political, and economic relations. A study of China's experience shows the importance of a social trust resource in shaping and ensuring the development of legal, political, and economic institutions. Trust allows the Chinese public system to effectively manage, minimize the risks of external

© Володина С. В., 2025

influence, and increase the efficiency of processes. The analysis of the Chinese example shows the key role of the sociocultural potential of society in the formation of a unique space of trust within the country and its impact on the construction of foreign policy relations. Trust allows us to achieve and implement the key principles of international communication, namely openness, transparency, explainability, while maintaining a balance of internal and external, security and development. According to the author's position, these approaches have prospects of application in Russia.

Keywords: law; trust; China; values; traditions; culture; digitalization; artificial intelligence; social rating system; security; BRICS

Cite as: Volodina SV. Social Trust and the Regulatory Dimension in the Experience of Chinese Society: Axiological Aspect. *Lex Russica*. 2025;78(10):82-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.082-089

Однажды лишившийся доверия всегда ограничен.

Си Цзиньпин¹

Введение

В современной геополитической ситуации особую ценность приобретает изучение опыта стран, которые выступают в качестве стратегических или ситуационных партнеров в межгосударственном взаимодействии. Исследование процессов, происходящих в китайском обществе, имеет значение для России не только в контексте понимания их развития, но и для того, чтобы, осуществляя сравнительный анализ, осознать особенности развития собственно российского общества. Россия и Китай имеют высокую потребность друг в друге как центры многополярного мира, что обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, общность исторического прошлого, что выражалось в конструировании социально-политического и экономического будущего в соответствии с марксистской идеологией.

Во-вторых, совместная работа в настоящем времени по преодолению геополитических рисков и формированию нового многополярного миропорядка.

В-третьих, сходные черты социокультурных миров России и Китая, роли традиционных ценностей в формировании мировоззренческих основ.

В условиях актуализации данных обстоятельств исследование доверия приобретает особую значимость, поскольку, как отмечает

А. В. Семенов, «в российско-китайском взаимодействии понятие “доверие” является базовым признаком, который вместе с понятием “равноправие” характеризует партнерские отношения между двумя странами»².

Доверие — основа общества

Современный социально-гуманитарный дискурс, в том числе правовой, изначально представленный различными концептуальными подходами и решениями П. Штомпки, А. Селигмена, Р. Д. Патнэма, впоследствии получает развитие и новое измерение в трудах отечественных мыслителей И. В. Глушко, Т. А. Гужавиной. Не случайна актуализация именно юридического дискурса в российской практике применения правовой категории доверия, его значимости для реализации конституционных принципов.

Доверие определяется как ожидание-убеждение, которое формируется у членов сообществ в том, что другие его представители будут реализовывать модель поведения, соответствующую определенным правилам и нормам. Понимание доверия как ключевой составляющей социального капитала — солидарности — обнаруживается у Р. Д. Патнэма. Важно, что в качестве основного смысла доверия фиксируется его институциональный «механизм организации жизнедеятельности со-

¹ Шесть примеров достойных подражания в октябре 2018 г. в Пекине // URL: <http://jxw.beijing.gov.cn/creditbj/sxgs/5026365.jhtml> (дата обращения: 31.12.2024).

² Семенов А. В. Проблема доверия между Россией и Китаем в ковидную и постковидную эпоху // Восточный альманах : сборник научных статей. Вып. VI / Дипломатическая академия МИД РФ. М. : ООО «Квант Медиа», 2022. С. 127.

циума, позволяющий субъекту воспринимать, регулировать и оценивать взаимодействия индивидов и групп»³.

Социальное доверие представляет собой институционализованный процесс, который отличается многомерностью и многовекторностью. Важнейшим измерением здесь выступает правовое: оно оформляет систему доверительных отношений и связей в реальность, функционирующую в соответствии с нормами, правилами. В этом случае доверие есть ожидание субъекта, имеющее нормативно-ценностную выраженность. Институционализация оказывается процессом, связанным с миром ценностей общества, а исследование проблематики доверия, его возникновения и существования приводит к утверждению роли культуры и ее ценностей в возникновении и развитии данного феномена. Ценности фиксируют наиболее предпочтительные и значимые представления, служат основой для социального консенсуса, выступают едиными позициями, вокруг которых выстраиваются социальные взаимодействия, реакции, действия. Используя потенциал структурно-функциональной концепции Т. Парсонса, отметим, что институт выступает как система воспроизводства ценностных образцов, а сами ценности, отражающие коллективные представления, есть правила или критерии выбора социального действия.

В этой связи возможны две интерпретации данного процесса. С одной стороны, правовая институционализация как формирование системы правовых правил и норм выступает как своего рода каркас, упорядочивающий динамику доверия с опорой на формальную закрепленность, что делает устойчивой саму практику отношений доверия в обществе. А с другой стороны, возникает риск считать правовую институциональность заменой доверия, которая активизируется в ситуации возникновения потенциальных рисков недоверия.

Доверие (чэнсинь)

Категория доверия становится принципиально значимой во взаимодействии России и Китая, и для ее понимания необходимо обратиться к социокультурному миру. На XX съезде Коммунистической партии Китая в своем докладе Си Цзиньпин среди перечисленных идей, сформированных на протяжении многовекового развития культуры страны, таких как «управлять государством с помощью добродетели», «неустанно усиливая себя, (благородный муж) с помощью добродетели (добивается успеха) в подчинении вещей», обозначил призыв «сохранять **доверие**, создавать добрососедство (текст в скобках и полужирный шрифт наши. — С. В.)»⁴.

Роль культуры в определении повестки китайского общества невозможно отрицать, и само китайское государство и общество в процессе длительного развития были детерминированы социокультурными факторами. Это развитие обеспечивали преимущественно ход постепенных изменений, возможность формирования долгосрочных стратегий. Си Цзиньпин в докладе XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, характеризуя роль культурных оснований в развитии китайской цивилизации, отмечает, что «содержащиеся в ней (выдающейся традиционной культуре Китая. — С. В.) идеи... являются важным воплощением взглядов китайского народа на Вселенную, Поднебесную, общество и мораль, которые были сформированы им в производственной деятельности и в жизни в течение длительного времени»⁵.

В то же время исследователями отмечается тенденция, представляющая собой вызов для политико-правовой системы Китая. П. В. Трощинский констатирует сложившееся в Китае отношение к закону как к писаному праву, которое можно охарактеризовать как нигилистическое, что является главным, как подчеркивает автор, препятствием для достижения верховенства права в современной Поднебесной. Исследователь указывает на то, что данное «негативное отношение к закону характерно для традиционного китайского общества, поэтому для Си Цзиньпина борьба с этим явлением

³ Иванов А. В., Данилов С. А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-8. С. 1853.

⁴ Жэньминь жибао. 26.10.2022.

⁵ Текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая от 25.10.2022 // URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 31.12.2024).

выходит на передний план в деле построения социалистического правового государства с китайской спецификой»⁶.

Традиционные ценности культуры Китая всегда играли определяющую роль в конструировании социальных отношений, и доверие, возникающее на их основе, приоритетно. Так, А. В. Ломанов, цитируя Лю Сяньчжуну (Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН), отмечает его вывод о том, что «юридически оформленных союзных отношений недостаточно. Политическое взаимодоверие и единство стратегических интересов не менее важны»⁷. Это подтверждает нашу вышеобозначенную позицию о роли доверия в обеспечении эффективных межгосударственных отношений даже в случае наличия формально-юридических договоренностей.

Как говорил Конфуций, «правильные поступки приводят к правильному результату». Тысячелетиями поэты, философы, общественные и государственные деятели, снискавшие доверие общества, доносили вербальными и невербальными методами до граждан, что считать справедливым, что благом для народа, тем самым настраивая людей определенным образом относиться к внутренней и внешней политической обстановке, оценивая действия или бездействие по тем или иным животрепещущим вопросам.

В настоящее время в целях упрощения управления общественным мнением, что особенно активно используется на международной арене, применяется создание «имиджа как иллюзорного отражения того или иного явления»⁸ или развитие стереотипного мышления.

Формируя негативный образ зарубежного государства в глазах граждан и мирового сообщества, можно добиться двояких результатов: либо консолидации общества внутри страны против исходящей из-за рубежа риторики, либо упаднических настроений и снижения уровня доверия к власти внутри страны, против которой направлена данная риторика. В этом плане

Китай находится в выигрышном положении, так как при всей экономической открытости на ментальном уровне является закрытым от внешнего мира, деля всех по критерию «свой — чужой». Возможно, именно поэтому мнение мирового сообщества не так много значит для граждан Китая: это точка зрения чужака, который не понимает их, а следовательно, и суть дела. Несмотря на меньшую подверженность внешнему влиянию, государство пытается защитить китайское население от формирования ложных ценностей.

На данном этапе китайский рынок привлекает внимание зарубежных инвесторов, и дело не только в плотности населения, а значит, хорошем рынке сбыта товаров и услуг, но и в том, что руководство Китая вовремя смогло понять: прозрачный рынок вызывает доверие и способен привлечь новые зарубежные вложения, необходимые для развития экономики страны, но так было не всегда. Недобросовестный бизнес и коррупция приводят не только к внутренним финансовым и репутационным потерям, но и к стагнации в вопросах привлечения средств и технологий из-за рубежа. Проведя огромную работу, чтобы сделать эту сферу притягательной для зарубежных инвесторов, Китай представил инструмент в виде прозрачного рынка, также дополнив его инструкцией о том, что можно и что нельзя делать иностранной компании на территории страны, тем самым оберегая своих граждан от влияния извне и обозначая границы гостеприимства.

В свою очередь, зарубежным контрагентам приходится мириться с правилами игры, чтобы сохранить присутствие на китайском рынке. Так, например, «корпорация Apple, позволяющая себе игнорировать законные требования российских властей, совершенно по другому подходу к выстраиванию своей работы в Китае, стараясь реагировать с опережением на любой инфоповод или сбой, который может быть расценен китайской стороной как недопустимый в рамках строгих китайских законов»⁹.

⁶ Трощинский П. В. Первая сессия ВСНП 14-го созыва и законодательное развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022 : монография / гл. ред. К. В. Бабаев, А. В. Лукин ; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М. : ИКСА РАН, 2023. С. 37.

⁷ Ломанов А. В. Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. 2020. Т. 25. № 25. С. 38.

⁸ Феофанов А. О. Реклама. Новые технологии в России: Психология рекламы. Формирование имиджа. Политическая реклама. СПб., 2004. С. 79.

⁹ Nicas J., Zhong R., Wakabayashi D. Censorship, surveillance and profits: A hard bargain for Apple in China // New York Times. May 17, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/17/technology/apple-china-censorship-data.html> (дата обращения: 31.12.2024).

Система социального рейтинга, кредита или всё же социального доверия?

М. Фуко, французский философ, в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» писал, что «дисциплины можно добиться посредством всестороннего контроля». А идеальная власть способна постоянно следить за индивидом или заставлять человека думать, что за ним следят! «Дисциплинарная мечта, в которой воплощается стремление власти всё видеть, оставаясь невидимой, и все учитывать, оставаясь анонимной». Так, например, Китайское государство не стало исключением в этом вопросе и даже вывело его на новый уровень. В 2014 г. Правительство Китая впервые опубликовало план внедрения системы социального доверия, где основная цель — «построение гармоничного социалистического общества».

«В систему социального доверия включены четыре области:

- честность в государственных делах;
- коммерческая целостность;
- общественная целостность;
- судебная достоверность»¹⁰.

Как мы можем отметить, идея социального контроля не нова, но восприятие данной тематики разнится не только в зависимости от времени, когда она выдвигалась, но и от места. Отношение к социальному контролю на Западе и Востоке до сих пор не совпадает. Менталитет китайцев отличается от европейского, от европейской морали, основанной на внутреннем нравственном законе, где по мыслям или намерениям каждый сам для себя главный нравственный судья. Для граждан Китая важно общественное мнение, когда сограждане оценивают друг друга по поступкам и формируют суждение о благонадежности или предсказуемости партнера.

Китайскому обществу свойствен симбиоз конфуцианской традиции и идеологии коммунизма, дополняемый низкой атомизацией общества и общностью, а также размытием грани между личным и коллективным. В связи с этим граждане Китая более готовы обменивать приватность частной жизни на социальные и репутационные блага, такие как доверие

от государства, бизнеса и общества, которое и является главной привилегией. Ведь для китайца быть тем, кому неограниченно доверяют, как войти в скоростной лифт. Так, например, в 2023 г. появилась «китайская сеть магазинов, где люди с высоким социальным рейтингом могут бесплатно получать продукты питания и другие товары за счет увеличенных налогов для граждан с низким социальным рейтингом»¹¹.

Коммунистическая партия Китая на протяжении долгого периода сохраняет доверие граждан, что только укрепляет ее позиции в общественном сознании. От принципа Мао Цзэ-дуна «служить народу» до идеи Си Цзиньпина «ставить людей на первое место». Закрепление верховенства права, наличие долгосрочной понятной стратегии, стабильный, последовательный прогресс — всё это усиливает доверие общества к власти. Согласно Edelman Trust Barometer, Китай стабильно входит в топ стран с высоким уровнем доверия к правительству. А одно из последних «исследований показало, что доверие к искусственному интеллекту (ИИ) гораздо выше в Китае (72 %), чем в США (32 %)»¹². Что в очередной раз продемонстрировало то, насколько китайское общество готово воспринимать новую риторику, подтверждая слоган «от традиций к инновациям».

Суверенный Интернет и цифровая экономика, безопасность объектов критической инфраструктуры — то, на что сейчас нацелены передовые государства, поле борьбы за внедрение новых технологий, динамичное принятие которых невозможно без ресурса доверия. Необходимость наращивания технологического суверенитета, обеспечение его стабильного развития в нужном направлении — ключевая цель. Каждое государство понимает и декларирует это, но важно от имитационного типа развития перейти к инновационному. Так, согласно американским материалам, КНР занимает лидирующие позиции по публикациям в научных журналах по тематике ИИ.

Возвращаясь к пронизывающему все сферы жизни китайского общества конфуцианству, можно сказать, что образование согласно данному учению — это ключ к повышению социального статуса. Но на занятие наукой нужно

¹⁰ 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要(2014–2020年). 14.07.2014 // URL: <https://www.gov.cn/> (дата обращения: 31.12.2024).

¹¹ URL: <https://rg.ru/2023/07/10/professiia-horoshij-chelovek.html> (дата обращения: 20.02.2025).

¹² URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/kitaicy-namnogo-silnee-doverayut-ii-nezheli-amerikancy-analiz-edelman-14-02-2025.htm> (дата обращения: 20.02.2025).

еще мотивировать, если есть потребность в ускоренном росте технологий и массовом включении кадров в этот процесс. Здесь, безусловно, требуются высокие расходы государства и стимулирование частного сектора по инвестированию в исследования и образование, а также постоянная работа по совершенствованию законодательства в такой противоречивой сфере, как ИИ. Так, например, согласно китайскому Кодексу этики искусственного интеллекта нового поколения «ИИ должен быть заслуживающим доверия и контролируемым, обеспечивающим честность и справедливость, повышающим человеческое благополучие, защищающим приватность и безопасность (полужирный шрифт наш. — С. В.)»¹³.

Для каждого государства первостепенен вопрос безопасности, как внутренней, так и внешней. Так, например, «статья 7 Закона о национальной разведке КНР дает правительству полномочия, в связи с которыми китайские технологические компании обязуются взаимодействовать с государственными службами и военными. Тем самым государство нацелено обеспечить национальную безопасность Китая и минимизировать риск дипломатического и экономического давления со стороны других стран в последующем»¹⁴.

В 2024 г. председательство в БРИКС перешло к России под девизом: «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности», что особенно актуально ввиду того, что Россия по итогам 2024 г. поднялась на пятое место в мире по числу утекших личных данных: год назад она была в топ-7, по отчету группы компаний InfoWatch. По итогам 2024 г. ее обгоняют только США, Китай, Индия и Испания. При этом в США, Индии и Китае число утекших данных снизилось на 32–69 %, что отмечают и в InfoWatch и объясняют это принятыми ранее регулятивными мерами по укреплению безопасности. Пять отраслей, лидирующих по количеству утечек в 2024 г. в мире, по мнению InfoWatch, — это торговля, промышленность, IT-сектор и сама информационная безопасность, госорганы, а также банки¹⁵. Незащищенность данного стремительно развивающегося цифрового сектора не добавляет доверия в вопросах сохранности персональных

или корпоративных данных. Но в современном мире очень сложно противостоять прогрессу, отрицая технические разработки цивилизации: отказываясь от них из-за определенных опасений или стереотипов, индивид рискует «замедлиться» и уже не нагнать технологичный поток сограждан.

Ввиду этого фактора важно не ограничивать, а регулировать данную сферу, гарантировать безопасность и сохранность персональных данных, создавать систему, в которой у каждого гражданина не будет лишних опасений. Для этого требуется повышать уровень доверия в первую очередь к судебной системе как гаранту правосудия и правоприменения.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что современное социальное пространство находится под воздействием многообразия вызовов, в связи с чем возрастает влияние одного из ключевых ресурсов общества — доверия, в формировании которого определяющую роль играют социокультурные факторы: традиции, ценности, обычаи. Опыт Китая как стратегического партнера России важен, так его понимание позволяет и выявить основы межгосударственного взаимодействия, и получить представление о лучших практиках обеспечения социального доверия в стремительно меняющемся, цифровизирующемся обществе Поднебесной. Пример китайского общества демонстрирует интеграцию традиционных и инновационных аспектов, когда институционализация доверия, в том числе правовая, осуществляется при обеспечительной функции традиционных ценностей.

В статье также показано, что доверие играет огромную роль в выстраивании отношений между странами, ведь в это понятие мы вкладываем элемент предсказуемости в отношениях или действиях партнера. Открытость, прозрачность, объяснимость — три столпа коммуникации между странами. Ведь именно в международных отношениях основной упор делают на предугадывании действий другой стороны. Также многое зависит от того, сталкиваются или сходятся интересы национальных

¹³ URL: <https://goo.su/Gk6ta> (дата обращения: 31.12.2024).

¹⁴ Борисов А. В., Босов А. В., Жуков Д. В. Стратегия исследований и разработок в области искусственного интеллекта: государственная политика КНР // Системы и средства информатики. 2022. № 1. С. 18–33.

¹⁵ URL: <https://tass.ru/obschestvo/23439577> (дата обращения: 19.03.2025).

элит. Так, например, отношения между Китаем и Пакистаном называют «всепогодной дружбой». С момента отделения Пакистана от Индии Китай в спорных ситуациях поддерживал Пакистан, что привело к линейности и предсказуемости в стратегическом партнерстве.

Если изначально, когда только зарождался БРИКС, лидерство одного конкретного государства было неочевидным, то сейчас первенство Китая становится неоспоримым, что, в свою очередь, приближает Китай к открытой конкуренции с США за глобальную цифровую гегемонию. Амбициозная стратегия, которой придерживаются как граждане, так и руководство Китая, превращает на наших глазах проект «Шелковый путь» в «Цифровой шелковый путь».

Опыт Китая очень важен, несмотря на то что не всё возможно перенять без потери эффективности ввиду культурных и правовых различий. Но есть интересные и эффективные подходы, которые могут быть применены в России. Как уже говорилось, «в систему социального доверия включены четыре области:

- честность в государственных делах;
- коммерческая целостность;
- общественная целостность;
- судебная достоверность»¹⁶.

Данная система в части общественной целостности активно обсуждается на Западе и подвергается критике ввиду того, что слишком

интегрируется в личную жизнь каждого китайца, нарушая тем самым права человека с точки зрения международного законодательства. Данный подход имеет место в Китае, но, безусловно, внедрение его в других государствах с учетом правовой и культурной специфики выглядит довольно спорным.

Тем не менее система социального доверия включает в себя и другие, возможно менее дискуссионные, части, но от этого не менее важные. Так, например, коммерческая целостность (честность) является фактором роста доверия общества как к государству как регулятору всех процессов, так и к бизнесу, что только способствует экономической стабильности и развитию. Данная система применяется для оценки качества товаров, услуг и соблюдения прав потребителей, делая коммерческую сферу благонадежной и прозрачной. Рост результативности рынка приводит к минимизации рисков для большинства участников экономической деятельности. Ввиду этого данная система применима в части повышения доверия внутри страны к бизнесу (прозрачность деятельности компаний для граждан и контрагентов) и для стимулирования и поддержки малого и среднего бизнеса, а также в области экономики в вопросах борьбы с коррупцией, что способствовало бы долгосрочной стратегии привлечения инвестиций и технологий из-за рубежа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А. В., Босов А. В., Жуков Д. В. Стратегия исследований и разработок в области искусственного интеллекта: государственная политика КНР // Системы и средства информатики. 2022. № 1. С. 18–33.

Иванов А. В., Данилов С. А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-8. С. 1852–1859.

Ломанов А. В. Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. 2020. № 25. С. 34–50.

Семенов А. В. Проблема доверия между Россией и Китаем в ковидную и постковидную эпоху // Восточный альманах : сборник научных статей. Вып. VI / Дипломатическая академия МИД РФ. М. : Квант Медиа, 2022. С. 125–140.

Трощинский П. В. Первая сессия ВСНП 14-го созыва и законодательное развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022 : монография / гл. ред. К. В. Бабаев, А. В. Лукин ; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М. : ИКСА РАН, 2023.

Феофанов А. О. Реклама. Новые технологии в России : Психология рекламы. Формирование имиджа. Политическая реклама. СПб., 2004. 384 с.

¹⁶ 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要(2014–2020年).

REFERENCES

Borisov AV, Bosov AV, Zhukov DV. The strategy of research and development in the field of artificial intelligence: The state policy of the People's Republic of China. *Sistemy i sredstva informatiki*. 2022;1:18-33. (In Russ.).

Feofanov AO. Advertising. New technologies in Russia: The psychology of advertising. Image formation. Political advertising. St. Petersburg; 2004. (In Russ.).

Ivanov AV, Danilov SA. Social trust and the institutional order of society in the sociocultural context of Western and Eastern cultures: A comparative analysis. *Fundamentalnye issledovaniya*. 2014;11-8:1852-1859. (In Russ.).

Lomanov AV. Russia and China in the «New Era»: Challenges and prospects. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike*. 2020;25:34-50. (In Russ.).

Semenov AV. The problem of trust between Russia and China in the Covid and post-Covid era. *Vostochnyy almanakh. Collection of scientific articles*. 2022;6:125-140. Moscow: Kvant Media; 2022. (In Russ.).

Troshchinsky PV. The first session of the National People's Congress of the 14th convocation and the legislative development of the PRC. In: *People's Republic of China: Politics, Economy, Culture*. A monograph. Babaev KV, Lukin AV. Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. Moscow: IKSA RAN Publ.; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
volodina_sv@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 21 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 11 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 21.11.2024.

Revised 11.09.2025.

Accepted 15.09.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.090-106

С. С. КузнецоваУральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Особенности правового регулирования скоринга в Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе

Резюме. В работе проведен анализ правового регулирования скоринговых моделей в США и ЕС. Рассмотрены отдельные вопросы рейтингования личности с применением автоматизированных систем: источники информации и предъявляемые к ней требования, основания обработки данных, прозрачность скоринговых моделей; осуществлена оценка законодательства о регулировании систем искусственного интеллекта с позиции его эффективности в обеспечении защиты прав человека. Уделяется внимание вопросу недобросовестной практики обработки данных, в том числе с применением скоринговых моделей, брокерами данных в США, что обусловлено неэффективным, «лоскутным» подходом к правовому регулированию. Сделан вывод о том, что в цифровом пространстве согласие на обработку персональных данных, в том числе специальное — для использования полностью автоматизированных систем, утратило ценность и американский подход по предоставлению права на отказ от автоматизированной обработки предпочтителен. Обоснована особая значимость правового отражения принципов достоверности и полноты информации, положенной в основу скоринговой модели, а также оценки качества данных, используемых для разработки системы искусственного интеллекта. Сделан вывод о недостаточной правовой разработанности в европейском законодательстве обязанностей оператора системы искусственного интеллекта по обеспечению непредвзятости при работе с системой. Автор обращается к отдельным проблемам цифрового скоринга, т.е. рейтингования личности с использованием цифровых следов. На основании правоприменительной практики определен объем информации, подлежащей раскрытию в связи с применением скоринговых моделей, в том числе производных данных.

Ключевые слова: скоринг; цифровой скоринг; цифровые следы; искусственный интеллект; автоматизированное принятие решений; персональные данные; предвзятость системы принятия решений; производные данные

Для цитирования: Кузнецова С. С. Особенности правового регулирования скоринга в Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 90–106. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.090-106

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 24-28-01378 «Разработка концепции правового регулирования цифрового профилирования, социального скоринга и использования «цифровых следов»».

Features of Legal Regulation of Scoring in the United States of America and the European Union

Svetlana S. Kuznetsova Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the legal regulation of scoring models in the USA and the EU. It examines specific issues of personal rating using automated systems: information sources and requirements for it, legal grounds for

© Кузнецова С. С., 2025

data processing, transparency of scoring models; legislation on the regulation of artificial intelligence systems is evaluated from the perspective of its effectiveness in ensuring the protection of human rights. Attention is being paid to the issue of unfair data processing practices, including the use of scoring models by data brokers in the United States, which is caused by an ineffective «patchwork» approach to legal regulation. It is concluded that in the digital space consent to the processing of personal data, including the allocation of a special one for the use of fully automated systems, has lost its value and the American approach to granting the right to refuse automated processing is preferable. The author substantiates the special importance of the legal reflection of the principles of reliability and completeness of the information underlying the scoring model, as well as the assessment of the quality of data used to develop an artificial intelligence system. The conclusion is made about the insufficient legal elaboration in the European legislation of the duties of the operator of the artificial intelligence system to ensure impartiality when working with the system. The author addresses specific problems of digital scoring, i.e., personal rating using digital footprints. Based on law enforcement practice, the amount of information to be disclosed in connection with the use of scoring models, including derived data, has been determined.

Keywords: scoring; digital scoring; digital footprints; artificial intelligence; automated decision-making; personal data; decision-making system bias; derived data

Cite as: Kuznetsova SS. Features of Legal Regulation of Scoring in the United States of America and the European Union. *Lex Russica*. 2025;78(10):90-106. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.090-106

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01378 titled «Development of the concept of legal regulation of digital profiling, social scoring and the use of «digital footprints».

Введение

Понятие скоринга впервые стало широко использоваться в мире в связи с деятельностью кредитных организаций, когда в 1989 г. американской фирмой FICO (Fair Isaac Corporation) банковскому сообществу была предложена модель кредитного скоринга как «технология математического и статистического методов оценки уровня кредитного риска, связанного с конкретным заемщиком»¹. Сфера применения скоринга постепенно расширялась за счет внедрения в деятельность страховых организаций, компаний, оказывающих услуги связи, в научную деятельность и медицину², ее применения для оценки потенциальных работников в процессе трудоустройства, при сдаче в аренду жилья и т.д. Также скоринговая система интегрирована в деятельность органов государ-

ственной власти отдельных зарубежных стран с целью оценки соответствия физических лиц требованиям, предъявляемым для получения последними социальной помощи и услуг³, а в Китайской Народной Республике для оценки поведения юридических лиц и граждан с позиции соблюдения законодательства государства⁴.

На сегодняшний день стремительное развитие скоринговых моделей связано с появлением технологий, которые позволяют осуществлять цифровой скоринг личности, — Big Data, Data Mining, искусственный интеллект и т.д. Первые две технологии позволили получить доступ к информации, хранимой в цифровом пространстве, к так называемым цифровым следам пользователя Интернета, которые, в отличие от физических следов, «не стираются со временем, не исчезают и доступны для потенциально неограниченного круга других участ-

¹ Агафонова В. В., Вишневер В. Я., Фрумусаки С. В. Технологическая эволюция кредитного скоринга в системе банковского потребительского кредитования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 3. С. 22.

² Desai N., Gross J. Scoring systems in the critically ill: uses, cautions, and future directions // BJA Education. 2019. No. 19 (7). P. 212–218. DOI: 10.1016/j.bjae.2019.03.002.

³ Germundsson N., Stranz H. Automating social assistance: Exploring the use of robotic process automation in the Swedish personal social services // International Journal of Social Welfare. 2023. No. 33 (17). P. 1–12. DOI: 10.1111/ijsw.12633.

⁴ Рувинский П. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2022. С. 68–69.

ников интернет-коммуникации»⁵. Технология искусственного интеллекта ускорила процесс принятия решений по формированию рейтинга, а также решений, основанных на оценке рейтинга юридического или физического лица. Обработка цифровых следов в целях оценки кредитоспособности заемщика и риска его дефолта позволила расширить линейку банковских кредитных услуг. Так, например, внедрение платежной системы Ху бей торговой онлайн-платформы «Алибаба» увеличило число продаж за счет предоставления краткосрочных кредитов и рассрочек тем лицам, которые не имеют кредитной истории: «Традиционные банки не выдают деньги физическим лицам, потому что у них нет надежного кредитного рейтинга. Фактически большинство китайцев, по западным стандартам, просто “не поддаются оценке”: только у 25 % населения есть кредитная история»⁶. Таким образом, цифровой скоринг представляет собой процесс оценки субъекта данных на основе обработки альтернативных источников информации о нем — цифровых следов.

Проблематика использования цифровых следов в моделях скоринга вызывает большой интерес; многие исследователи отмечают, что «нетрадиционная» скоринговая система, основанная на использовании информации, полученной из онлайн-пространства, эффективно решает задачи бизнеса по привлечению новых клиентов; при этом результаты оценки цифровых следов позволяют представить информацию о кредитоспособности заемщика, не уступающую, а иногда и превышающую по точности

ту, которая формируется в рамках традиционной скоринговой модели⁷. Несмотря на то что цифровые скоринговые модели рассматриваются на сегодняшний день преимущественно с позиции открывающихся благодаря им новых возможностей рынка⁸, важно оценивать и те риски, которые они несут. Во-первых, обработка большого объема цифровых следов человека по своей сути является вмешательством в частную жизнь. В современном мире избежать такого вмешательства невозможно, но поиск баланса интересов личности, с одной стороны, и субъектов предпринимательской деятельности или органов публичной власти, осуществляющих обработку цифровых следов, — с другой, необходим, поскольку в ином случае право на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве просто исчезнет.

Во-вторых, совершенствование систем искусственного интеллекта стимулирует их внедрение в различные сферы жизни человека и общества; более простые автоматизированные системы принятия решения, основанные на правилах и логике, разработанных специалистами, вытесняются генеративными моделями принятия решений, которые обучаются на огромных наборах данных; их возможности приобретают признаки универсализма — исчезает необходимость программирования для конкретной задачи. Как справедливо отмечается в Регламенте Европейского Союза «Об искусственном интеллекте»⁹, системы искусственного интеллекта оказывают воздействие на реализацию широкого круга прав, в том числе права на уважение достоинства лично-

⁵ Мочалов А. Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы его правового регулирования // Вестник СурГУ. 2021. № 4 (34). С. 116.

⁶ Chinese Fintechs Use Big Data to Give Credit Scores to the ‘Unscorable’ // URL: <https://www.forbes.com/sites/rebeccafeng/2017/07/25/chinese-fintechs-use-big-data-to-give-credit-scores-to-the-unscorable/#45b0e6ed410a> (дата обращения: 01.04.2025).

⁷ Berg T., Burg V., Gombović A., Puri M. On the Rise of FinTechs — Credit Scoring Using Digital Footprints // The Review of Financial Studies. 2020. No. 7. P. 2847 ; Fuster A., Plosser M., Schnabl Ph., Vickery J. The Role of Technology in Mortgage Lending. Federal Reserve Bank of New York Staff Reports, No. 836. February 2018 // URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr836.pdf (дата обращения: 01.04.2025). P. 19.

⁸ Луняков О. В., Лунякова Н. А. Развитие каналов кредитования в условиях перехода к цифровой экономике: моделирование спроса // Финансы: теория и практика. 2018. № 22 (5). С. 79. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-76-89.

⁹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No. 300/2008 (EU) No. 167/2013, (EU) No. 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 21.03.2025).

сти, неприкосновенность частной и семейной жизни, защиту персональных данных, свободу выражения мнений и информации, свободу собраний и объединений, права на образование, прав потребителей, трудящихся, лиц с ограниченными возможностями, права интеллектуальной собственности, права на эффективную защиту и справедливое судебное разбирательство, права на надлежащее управление, а также могут создавать дискриминационные факторы при реализации субъективных прав. Соответственно, вопросы применения систем полностью автоматизированного принятия решений в отношении человека предполагают необходимость разработки высоких стандартов стабильности и безопасности таких систем, а также определения условий их применения и установления ограничений по применению в наиболее уязвимых для человека сферах.

Целью данного исследования является выявление и формулирование основных подходов к правовому регулированию скоринга личности, в том числе с применением цифровых следов, в законодательстве зарубежных стран с позиции обеспечения баланса интересов субъекта данных и обработчика информации. В качестве объекта исследования выбрано законодательство Соединенных Штатов Америки и стран Европейского Союза, что обусловлено следующими факторами: США являются мировым лидером в сфере искусственного интеллекта¹⁰; вместе с тем именно в рамках Европейского Союза был принят первый в мире комплексный акт, направленный на урегулирование вопроса применения систем искусственного интеллекта в отношении человека.

Правовые основы применения скоринга

Правовое регулирование скоринга личности в США осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. На федеральном уровне регулируются кредитное профилирование и скоринг потребителя специальными субъектами — агентствами по кредитной отчетности и федеральными органами государственной

власти. Основные принципы и правила обработки личной информации при осуществлении кредитного профилирования и скоринга сформулированы в федеральных законах «О добросовестной кредитной отчетности»¹¹ и «О равных возможностях получения кредита»¹².

Законодательство штатов о личной информации будет использоваться в следующих случаях: а) сбор и обработка информации о личности поставщиками информации; б) сбор, обработка информации и формирование скоринговых моделей операторами данных, которые не являются агентствами по кредитной отчетности; в) обработка данных о личности и формирование скоринговых чисел органами публичной власти штатов в процессе реализации государственных полномочий. На сегодняшний день законодательство о защите личной информации принято в 20 штатах США; в ряде штатов (Индиана, Кентукки, Мэриленд, Род-Айленд) соответствующие законы еще не вступили в действие. Региональное законодательство не распространяется на всех операторов обработки личной информации резидентов штатов — оно ориентированно преимущественно на крупных операторов: в штатах Индиана, Кентукки к таким операторам относятся те, кто ежегодно обрабатывает информацию не менее чем о 100 000 жителей штата или 25 000 при условии получения не менее половины прибыли организации от продажи данных, в штате Миннесота — не менее четверти прибыли. В штатах Нью-Гемпшир и Мэриленд под действие рассматриваемых законов попадают те организации, которые обрабатывают данные не менее чем о 35 000 жителей ежегодно с сокращением до 10 000 при условии получения не менее четверти доходов от продажи данных. В штате Калифорния соответствующий закон распространяется лишь на те организации, которые отвечают одному из следующих требований: ежегодно делятся, продают или покупают информацию о 100 000 и более потребителей; 50 % дохода получают от данной деятельности, или их ежегодный общий доход составляет более 25 млн долл. в год. Таким образом, законодательство позволяет небольшим

¹⁰ Global AI Power Rankings: Stanford HAI Tool Ranks 36 Countries in AI // URL: <https://hai.stanford.edu/news/global-ai-power-rankings-stanford-hai-tool-ranks-36-countries-in-ai> (дата обращения: 21.04.2025).

¹¹ Fair Credit Reporting Act, 1970. 15 U.S.C § 1681 // URL: https://www.ftc.gov/system/files/ftc_gov/pdf/fcra-may2023-508.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

¹² Equal Credit Opportunity Act, 1974. 15 U.S.C. § 1691 // URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/equal-credit-opportunity-act> (дата обращения: 01.04.2025).

организациям осуществлять обработку данных без соблюдения установленных им требований. Соответственно, персональные данные жителей большей части страны не получают должную защиту в случаях, где в отношении них используются системы автоматизированного принятия решений, не подпадающие под действие федерального законодательства.

В Европейском Союзе действуют общеобязательные для стран-членов регламенты — Общий регламент по защите данных¹³, в котором определены правила и требования их обработки вне зависимости от сферы деятельности контролера, а также Регламент «Об искусственном интеллекте», определяющий условия и порядок использования систем искусственного интеллекта общего назначения, в том числе для принятия решений в отношении личности, т.е. для профилирования и скоринговых моделей. В отличие от американского законодательства, круг субъектов, на которых распространяется действие европейских актов, не ограничен их основным видом деятельности или объемом их доходов / персональных данных, которые они обрабатывают; важным является тот факт, что они в процессе своей деятельности осуществляют обработку персональных данных (контролеры данных) или разрабатывают, размещают на рынке, используют либо вводят в эксплуатацию систему искусственного интеллекта общего назначения (поставщики, операторы). Таким образом, наблюдается универсализация актов, упрощается понимание человеком условий их применения.

В национальном законодательстве стран — членов ЕС также приняты и действуют законы о защите персональных данных, которые имплементируют в национальное законодательство положения Общего регламента; при этом он предусматривает право стран самостоятельно урегулировать отдельные вопросы (например, определить основания применения полностью автоматизированных систем принятия

решений, когда не требуется получения согласия субъекта данных). Регламент «Об искусственном интеллекте» тоже предусматривает право стран ЕС установить дополнительные гарантии защиты прав человека в процессе применения в отношении него систем искусственного интеллекта (например, ввести или сохранить более строгие правила для защиты прав работников, а также при использовании систем дистанционной идентификации личности, самостоятельно определить порядок реализации норм названного Регламента, в том числе проведения аудитов, наложения штрафных санкций). Государства-члены не могут осуществлять правовое регулирование, направленное на предоставление права на использование запрещенных систем социального скоринга или снижение требований к высокорисковым системам, к которым относится большинство скоринговых систем.

В США акт, аналогичный европейскому Регламенту «Об искусственном интеллекте», отсутствует. В 2023 г. Дж. Байденом был подписан Указ «О безопасных, надежных и заслуживающих доверия разработке и использовании искусственного интеллекта»¹⁴, который определял некоторые меры, направленные на защиту прав человека в условиях применения к нему автоматизированных систем принятия решений. Например, были предусмотрены создание единых стандартов разработки и развертывания безопасных систем, аудит применения автоматизированных систем в уголовном процессе и в деятельности органов публичной власти для определения соответствия лица требованиям, предъявляемым для получения мер государственной поддержки, сформулирована задача определить сферы, в которых применение искусственного интеллекта с целью принятия значимых решений в отношении человека должно быть запрещено. Однако в 2025 г. Президент США Д. Трамп издал Указ «Об устранении препятствий к американскому лидерству в сфере искусственного интеллекта»¹⁵,

¹³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁴ Executive Order 14110, 2023 (Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence) // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁵ Executive Order 14179, 2025 (Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence) // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02172/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.04.2025).

направленный на отмену Указа 2023 г. и всех актов, которые были приняты в его исполнение и «могут быть препятствием» для достижения поставленной цели. Таким образом, все попытки сформировать концепцию безопасных систем искусственного интеллекта на сегодняшний день провалились.

Правовые гарантии реализации прав человека в процессе сбора информации в целях скоринга

Онлайн-пространство предоставляет широкие возможности по обработке самых разнообразных цифровых следов. RiskSeal заявляет, что при формировании скоринговой модели, основанной на цифровых следах, значение могут иметь данные сервисов «Купи сейчас, заплати позже», демографические и геоданные, привычки и статистика просмотров, почтовый адрес, а также данные о подписках¹⁶. Бертран и Каменица отмечают, что большое значение имеет и устройство, с которого осуществляется выход в онлайн-пространство: наличие iOS на устройстве является одним из лучших предсказателей финансовой стабильности лица¹⁷. Кроме того, использованию цифровых следов способствует признание законным скрейпинга¹⁸, который позволяет не только выделить всех пользователей, но и их «индивидуальные характеристики»¹⁹. Аналитики отмечают, что в 2023 г. 62 % финансовых институтов использовали альтернативные данные в целях профилирования, скоринга и андеррайтинга заемщиков²⁰. Поэтому вопрос о требованиях к порядку сбора и «качеству» информации, которая будет положена в основу скоринга, имеет одно из определяющих значений в борьбе с дискриминацией.

Федеральный закон США «О добросовестной кредитной отчетности» в качестве субъектов формирования кредитного скоринга определяет «агентство по отчетности потребителей» и «агентство по предоставлению информации

о потребителях, которое собирает и хранит файлы о потребителях на общенациональной основе» (далее — национальное агентство), таким образом, распространяя свое действие в первую очередь на указанных субъектов. Задачей любого агентства по отчетности являются сбор и обработка информации о человеке с целью формирования его кредитного профиля и скорингового числа, а также передача этой информации третьим лицам в порядке, предусмотренном законодательством. Принципиальным отличием национальных агентств от агентств по отчетности потребителей является то, какой объем личной информации и из каких источников данные операторы получают. Национальные агентства формируют отчеты преимущественно на основании традиционных источников: общедоступных записей (записей, созданных органами исполнительной власти в рамках их деятельности), а также данных, полученных от физических лиц и организаций, которые предоставляют такую информацию в рамках своей основной деятельности (кредитных и страховых организаций). Иные агентства по отчетности потребителей могут заниматься сбором и обработкой информации с целью профилирования личности и скоринга для отдельных узкоспециализированных целей: рекрутинговых и страховых компаний, организаций, предоставляющих различные виды услуг (услуги мобильной связи, Интернета), арендодателей и т.д.). Таким образом, они заинтересованы в сборе и обработке информации, которая позволяет сформировать уникальный продукт, в связи с чем обработка «альтернативных данных», в том числе цифровых следов, приобретает популярность.

Федеральное законодательство не устанавливает специальных требований к источникам сбора информации, однако во избежание формирования дискриминационных скоринговых чисел требует того, чтобы информация, содержащаяся в отчете о потребителе, была

¹⁶ The Top 10 Credit Scoring Trends That Will Reshape the Future of Lending // URL: <https://riskseal.io/blog/top-10-digital-credit-scoring-trends> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁷ *Bertrand M., Kamenica E.* Coming apart? Lives of the rich and poor over time in the United States. Chicago, 2017.

¹⁸ *LinkedIn Corporation v. HiQ Labs Inc.*, No. 17-16783 (9th Cir. 2022).

¹⁹ *Вилкова О. В.* К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как метода сбора данных в социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 165. DOI: 10.17223/1998863X/54/16.

²⁰ Alternative credit data 101: What it is and what it's used for // URL: <https://stripe.com/resources/more/alternative-credit-data-101-what-it-is-and-what-its-used-for> (дата обращения: 01.03.2025).

достоверной и полной. Обязанность оценивать достоверность и полноту информации в первую очередь возлагается на поставщиков данных. Они должны воздерживаться от передачи информации, если есть «разумные основания предполагать» ее неточность, а также если потребитель заявил об ошибках. Поставщики должны определять условия и порядок открытия прямого спора с потребителем. Агентства, в свою очередь, обязаны принимать разумные действия для обеспечения конфиденциальности, точности, релевантности и надлежащего использования информации, проверять наличие у поставщика положения о порядке открытия спора, рассматривать в установленные законом сроки заявления потребителя о наличии неполной или недостоверной информации и в случае подтверждения данного факта удалять ее.

Региональное законодательство также не ограничивает источники сбора данных о субъекте, но при этом, в отличие от федерального законодательства, не содержит принципа точности и полноты информации. Любые корректировки осуществляются в процессе реализации права субъекта данных требовать внесения в информацию изменений. а в штате Айова право на корректировку не предусмотрено в принципе. Эффективность скоринговых моделей напрямую зависит от полноты и достоверности данных, положенных в основу формирования рейтинга и скоринговых чисел, поэтому презумпция достоверности информации создает угрозу нарушения прав человека. В США ввиду того, что законодательство не требует получения согласия на продажу персональных данных, профилирование и рейтингование личности является направлением деятельности большого числа организаций. Субъект данных попросту не в состоянии отследить все факты обработки информации о нем. В результате о наличии недостоверной информации, положенной в основу автоматизированного принятия решения, человек узнает уже после того, как негативное для него решение было принято.

В США необходимо разграничивать агентства по отчетности потребителей и так называемых брокеров данных. Федеральное зако-

нодательство не раскрывает понятие «брокер данных», однако в отдельных штатах их статус определен. В Калифорнии под брокерами данных понимаются организации, «которые сознательно собирают и продают третьим лицам личную информацию о потребителе, с которым компания не имеет прямых отношений»²¹. В данное понятие не включаются организации, подпадающие под действие федерального законодательства. Как и агентства по отчетности потребителей, брокеры данных занимаются аккумулярованием значимой для конечного пользователя информации о личности, формированием профилей и скорингом, однако деятельность агентства по отчетности связана с формированием кредитных отчетов, которые предоставляются только для определенных в законе целей (кредита или страхования, личных, семейных или бытовых целей, трудоустройства и т.д.), в то время как брокеры формируют и передают третьим лицам профили и скоринговые числа в целях, не определенных в законе. Таким образом, брокеры могут собирать информацию о личности из различных источников, в том числе путем обработки цифровых следов, формировать производные данные и скоринговые числа, продавать информацию заинтересованным субъектам, но никакие гарантии федерального законодательства на них не распространяются. В конце 2024 г. на обсуждение был внесен проект правил «О защите американцев от вредоносных практик брокеров данных»²², который предусматривает распространение положений федерального закона на брокеров в случае, если они передают информацию о кредитной истории потребителя, кредитном рейтинге, доходе или финансовом уровне, вне зависимости от целей использования данной информации или в случае, если любая переданная брокерами третьим лицам информация будет использоваться для целей, предусмотренных Федеральным законом «О добросовестной кредитной отчетности». На сегодняшний день названный проект правил по-прежнему находится на этапе обсуждений.

Брокеры данных рассматриваются как серьезная угроза правам человека, демократическим институтам и национальной безопасности

²¹ California Delete Act. SB. 362, 2023.

²² Protecting Americans From Harmful Data Broker Practices (Regulation V), Consumer Financial Protection Bureau 12 CFR Part 102 [Docket No. CFPB-2024-0044] RIN 3170-AB27 // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/12/13/2024-28690/protecting-americans-from-harmful-data-broker-practices-regulation-v> (дата обращения: 07.04.2025).

США. Дж. Шерман отмечает, что «федеральные агентства США — от Федерального бюро расследований (ФБР) до Иммиграционной службы США и Таможенной службы — покупают данные у брокеров — без ордеров, общедоступного раскрытия информации или строгого надзора — для выполнения своих полномочий — от уголовных расследований до депортации. При этом компании — брокеры данных обходят ограничения, налагаемые на иные компании, связанные с правом последних напрямую передавать данные правоохранительным органам. Федеральные правительственные агентства, использующие данные, также обходят различные правовые ограничения, действующие в отношении обысков и изъятий...»²³

Пробелы в федеральном регулировании частично восполняются законодательством штатов. В штате Калифорния на брокеров данных возложена обязанность регистрироваться для осуществления обработки личной информации о жителях штата в целях дальнейшей продажи. Такая регистрация предусматривает выполнение ряда правил, в том числе подтверждение факта соблюдения Закона «О защите личной информации потребителей»²⁴ штата Калифорния, а также удаление информации по требованию субъекта данных.

В рамках ЕС действует концепция необходимости получения согласия на обработку персональных данных, а в отношении их сбора устанавливаются требования точности, полноты, целевого использования. Кроме того, в отличие от Соединенных Штатов, в странах ЕС отсутствует презумпция возможности продажи персональных данных третьим лицам; для этого требуется получение согласия субъекта данных.

Правовые основания и условия применения скоринговых моделей

Федеральный закон США «О добросовестной кредитной отчетности» не предусматривает необходимость получения от потребителя согласия на использование в отношении него пол-

ностью автоматизированных систем принятия решения, так же как и возражать против применения скоринговых моделей, поскольку презюмируется заинтересованность всех субъектов правоотношений в рейтинговании личности. Краеугольным принципом Закона «О равных возможностях кредитования» является запрет дискриминации по признакам расы, цвета кожи, религии, национального происхождения, пола, семейного положения, возраста, а также по причине того, что заемщик получает меры государственной поддержки. Очевидно, что по общему правилу соответствующая информация не может быть положена в основу автоматизированной системы принятия решений, однако в отдельных случаях законодательство такую возможность предусматривает: когда проверка возраста и семейного положения необходима для оценки прав субъекта данных на получение конкретного кредита или мер защиты без определения общего показателя кредитоспособности, факт получения государственной поддержки используется для оценки оснований продолжения ее предоставления и т.д.

Несмотря на попытки государства гарантировать недискриминационное рейтингование личности, в условиях многообразия кредитных профилей, скоринговых моделей и чисел дискриминационная уязвимость человека возрастает, так как в различных скоринговых моделях по-разному могут учитываться те или иные факты биографии лица²⁵. Как справедливо отмечает Нэйт Ван Дузер, «выбор исходных данных, которые следует учитывать при расчете кредитного рейтинга, может иметь разное влияние. Например, вы можете получить лучшую кредитную историю, регулярно выплачивая ипотеку, но нерегулярно выплачивая арендную плату. Такое необоснованное предпочтение при выплате ипотеки непропорционально сильно сказывается на чернокожих и испаноязычных потребителях, которые долгое время были исключены из рынков жилья и в результате имеют гораздо более низкие показатели владения жильем. В свою очередь более низкие кредитные рейтинги затрудняют для чернокожих и испаноязычных

²³ *Sherman J.* Data Brokers and Sensitive Data on U. S. Individuals: Threats to American Civil Rights, National Security, and Democracy. 2021 // URL: <https://techpolicy.sanford.duke.edu/wp-content/uploads/2021/08/Data-Brokers-and-Sensitive-Data-on-US-Individuals-Sherman-2021.pdf> (дата обращения: 07.04.2025). P. 9.

²⁴ California Consumer Privacy Act, 2018.

²⁵ *Rice L., Swesnik D.* Discriminatory Effects of Credit Scoring on Communities of Color. National Fair Housing Alliance, 2012. URL: <https://nationalfairhousing.org/wp-content/uploads/2017/04/NFHA-credit-scoring-paper-for-Suffolk-NCLC-symposium-submitted-to-Suffolk-Law.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

людей возможность стать владельцами жилья, что снижает их кредитные рейтинги и увековечивает цикл неравенства»²⁶. Таким образом, исключение из скоринговой модели, например, информации о расе потребителя не предотвращает того, что использование иных критериев оценки приведет к расовой дискриминации. Поэтому борьба с предвзятостью систем скоринга обеспечивается иными способами, например обеспечением прозрачности формирования скорингового числа (рейтинга), а также гарантированием права обжаловать его, если его применение привело к дискриминации.

В законодательстве штатов предусмотрено право на получение информации об использовании систем автоматизированного принятия решений, а также право отказаться от их применения, если это ведет «к юридическим или иным значимым последствиям». В штатах Калифорния, Колорадо²⁷ понятие решений, имеющих существенные последствия, раскрыто: к ним относятся случаи предоставления или отказа в предоставлении финансовых, кредитных услуг, услуг страхования, жилья, зачисления в образовательное учреждение, уголовное правосудие (например, внесение залоговых обязательств), трудоустройство или возможность заключения контрактов, получение компенсации, медицинских услуг или основных товаров или услуг (например, продуктов, лекарств, средств гигиены или топлива), а также получение государственных услуг (в штате Колорадо).

В Общем регламенте по защите данных ЕС установлен запрет на применение полностью автоматизированных систем принятия решения, в том числе скоринга, в случае, если это ведет к юридическим или аналогичным значимым последствиям. Данный запрет не является абсолютным и предполагает исключения: его применение возможно с согласия субъекта данных или в случае, когда это необходимо для заключения или исполнения договора. Также алгоритм полностью автоматизированного при-

нятия решения может быть разрешен законодательством государств Европейского Союза при обеспечении последними защиты прав субъекта данных.

Актуальным вопросом применения автоматизированных систем принятия решений является реальность и эффективность практики получения согласия субъекта данных. В статье 4 названного Регламента сформулированы основные требования к согласию: свободное, конкретное, осознанное, однозначно идентифицирующее намерение субъекта данных. Однако в онлайн-пространстве получение согласия, соответствующего указанным требованиям, представляет большую сложность.

Во-первых, несмотря на то что в практике ЕС делается акцент на простоте и доступности языка информирования об условиях и порядке обработки данных, о необходимости получения самостоятельного согласия на применение полностью автоматизированных систем обработки данных, многие исследователи скептически относятся к концепции согласия в целом, отмечая излишнюю сложность используемой при этом юридической терминологии, которая не позволяет реально понимать условия обработки данных²⁸. Поведение человека в онлайн-пространстве значительно отличается от его поведения в обычной жизни, Интернет рассматривается как средство ускорения выполнения поставленных задач, а «качественные результаты показывают, что участники считают политику помехой и игнорируют ее ради достижения целей цифрового производства, не сдерживаясь средствами ее достижения»²⁹. В случае если речь идет о предоставлении права на использование полностью автоматизированных систем принятия решений, ввиду того, что человек нередко не осознает возможности алгоритмов по формированию новой значимой информации, в том числе производных данных, а также того, что формирование производных данных определяется только как потенциальная возмож-

²⁶ *Duzer N. V.* The Discriminatory Impact of Credit Scores. April 4, 2023 // URL: <https://www.publicjustice.net/the-discriminatory-impact-of-credit-scores/> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁷ Colorado Consumer Protection Act, § 6-1-101–115 C.R.S.

²⁸ *Martin K.* Privacy Notices as Tabula Rasa: An Empirical Investigation into How Complying with a Privacy Notice is Related to Meeting Privacy Expectations Online // *Journal of Public Policy & Marketing*. 2015. Vol. 34 (2). P. 70. DOI: 10.1509/jppm.14.139 ; *Abrusio J.* The (In)Efficacy of Consent for the Processing of Personal Data // *Global Network Journal*. 2024. No. 6 (1). P. 199–200.

²⁹ *Obar J. A., Oeldorf-Hirsch A.* The biggest lie on the Internet: ignoring the privacy policies and terms of service policies of social networking services // *Information, Communication & Society*. 2018. No. 23 (1). P. 128. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1486870.

ность, уровень озабоченности субъекта данных по-прежнему остается низким.

Во-вторых, в онлайн-пространстве широко распространены модели, когда субъекту данных предлагаются два варианта поведения: оплатить услугу или получить ее бесплатно в обмен на предоставление согласия на обработку персональных данных, в том числе с применением полностью автоматизированных систем. Как отмечается в разъяснениях Европейского совета по защите данных, предложение исключительно платной альтернативы услуге не позволяет соблюсти требование свободного согласия, поэтому в случае, если контролер принимает решение о предоставлении бесплатных услуг при условии согласия на обработку персональных данных для целей поведенческой рекламы, он должен обязательно предусмотреть и иное альтернативное условие бесплатного получения доступа к услугам, без поведенческой рекламы (например, путем замены ее на иную рекламу)³⁰.

В приведенных разъяснениях в очередной раз делается акцент на необходимости обеспечения прозрачности и простоты предоставления информации; при этом соблюдение указанных требований фактически приводит к увеличению объема информации, обрушивающейся на субъекта данных, что снижает ее ценность, а ознакомление с ней становится еще одним неприятным препятствием к достижению цели. Поэтому представляется, что американский подход, предусматривающий право на отказ от обработки данных, является вполне жизнеспособным, поскольку предполагает осознанное поведение субъекта данных, которое он выражает в совершении активных действий. Безусловно, в таком случае имеет значение то, что соответствующая информация об использовании полностью автоматизированных систем и праве отказа от их применения должна привлекать внимание в рамках интерфейса сайта или приложения.

Условия применения полностью автоматизированных систем обработки данных без получе-

ния согласия субъекта данных могут быть определены в законодательстве отдельных стран ЕС при условии установления последними эффективных мер защиты прав, свобод и законных интересов субъекта данных. В комментарии 71 к Общему регламенту по защите данных ЕС определен минимальный перечень гарантий: право на получение конкретной информации, на вмешательство человека, на выражение точки зрения, на получение объяснения решения, принятого после такой оценки, и на оспаривание данного решения. Кроме того, на контролеров возлагается обязанность принимать технические и организационные меры для сведения к минимуму риска ошибок, обеспечения безопасности персональных данных. Соответствующие исключения из общего положения предусмотрены в законодательстве Австрии, Бельгии, Венгрии, Ирландии, Нидерландов, Словении, Франции и ФРГ.

Федеральный закон Австрии «О защите персональных данных»³¹ в § 41 определяет круг условий применения автоматизированных систем принятия решений: важнейшим критерием является соблюдение законности. Верховный административный суд Австрии в решении по делу о применении автоматизированной системы AMAS Государственной службой занятости Австрии отметил, что несмотря на тот факт, что такая система не принимает решение о мерах поддержки, результаты оценки ею соискателей ложатся в основу принятия решений работниками службы занятости, поэтому могут рассматриваться как полностью автоматизированные системы принятия решений. При этом суд подчеркнул, что «в настоящее время законодательство явно не содержит никаких положений, которые бы обосновывали возможность применять AMAS для обработки данных»³². В национальном законодательстве Австрии немного случаев, когда полностью автоматизированные системы могут применяться в отношении личности. Ф. Мерли к таким случаям относит принятие решений налоговыми органами³³. В федеральном законе «О грантах

³⁰ Opinion 08/2024 on Valid Consent in the Context of Consent or Pay Models Implemented by Large Online Platforms. Adopted on 17 April 2024 // URL: https://www.edpb.europa.eu/system/files/2024-04/edpb_opinion_202408_consentorpay_en.pdf (дата обращения: 21.04.2024).

³¹ Bundesgesetz über den Schutz personenbezogener Daten (Datenschutzgesetz — DSGVO), 1999 // BGBl. Nr. 165/1999. 17 August 1999.

³² Ro 2021/04/0010-11, 21 Dezember 2023.

³³ Merli F. Automated Decision-Making Systems in Austrian Administrative Law // Fascicolo. 2023. No. 1. P. 43. DOI: 10.13130/2723-9195/2023-1-19.

студентам»³⁴ также предусмотрено, что «решения, принятые с использованием автоматизированной обработки данных, не требуют подписи лица, выдавшего решение или удостоверение, и считаются утвержденными руководителем органа, выдающего студенческие гранты».

Федеральный закон Бельгии «О защите данных»³⁵ провозглашает, что «любое решение, основанное только на автоматизированной обработке... разрешено, если национальный закон, указ, постановление, закон ЕС или международное соглашение предусматривают соответствующие гарантии прав и свобод субъекта данных, по крайней мере право на вмешательство со стороны контролера». Как и в Австрии, законодательство Бельгии распространяет свое действие на случаи, которые не только ведут к правовым последствиям для субъекта данных, но и в целом могут существенно повлиять на него. Обращаясь к праву на вмешательство человека, Э. Ройг предостерегает от формализованного подхода: «Когда решение принимается на основе анализа данных, вмешательство человека не может изменить результат, если только оно не учитывает статистическую корреляцию... От сотрудника требуются знания в сфере аналитики данных, которые позволили бы ему отличать значимые корреляции от других, незначимых статистических связей, не имеющих никакой ценности для принятия решений»³⁶. В качестве попытки избежать формального подхода необходимо рассматривать положения Регламента ЕС «Об искусственном интеллекте», которые предусматривают обязанность оператора обеспечить работу системы под контролем субъекта, обладающего необходимыми знаниями. Полностью автоматизированные системы принятия решений внедрены в процесс аутентификации личности финансовыми учреждениями для получения доступа к учетной записи³⁷.

В Нидерландах сферы, в которых возможно использование автоматизированных систем принятия решений, определены Законом «О реализации Общего регламента по защите

данных»³⁸ целевыми условиями: «необходимо для соблюдения юридического обязательства, которому подчиняется контролер, или необходимо в общественных интересах». Таким образом, скоринг может применяться как органами публичной власти, так и частноправовыми субъектами. Административные органы самостоятельно выбирают меры защиты субъекта данных, в то время как частноправовые обязательно должны обеспечить реализацию по крайней мере трех правомочий: права на вмешательство человека, права выражать свою точку зрения и права оспаривать решение.

Особенности реализации права на доступ субъекта данных к информации, используемой в скоринговой модели

В рамках использования полностью автоматизированных систем принятия решений наиболее проблематичным является вопрос «черного ящика» и реализации права доступа субъекта данных к информации о скоринге. В Законе США «О добросовестной кредитной отчетности» «право знать» предусматривает право потребителя на получение информации о своем кредитном скоринге и андеррайтинге. По запросу потребителя агентство по отчетности должно раскрыть информацию о текущем кредитном скоринге лица, о его диапазонах в рамках используемого метода расчета, а также «все ключевые факторы, которые отрицательно повлияли на кредитный скоринг потребителя в используемой модели», дату формирования кредитного скоринга, наименование организации, предоставившей кредитный рейтинг или кредитное досье, а также указание на то, что рейтинг, используемый при принятии значимых решений, может отличаться от предоставленного. Запрос на предоставление кредитного скоринга не предполагает раскрытие математической модели, положенной в основу скоринга; таким образом, обеспечивается право

³⁴ Bundesrecht konsolidiert: Studienförderungsgesetz 1992 // BGBl. Nr. 305/1992. 26 Juni 1992.

³⁵ La Loi relative à la protection des personnes physiques à l'égard des traitements de données à caractère personnel, 2018.

³⁶ Roig A. Safeguards for the right not to be subject to a decision based solely on automated processing (Article 22 GDPR) // European Journal of Law and Technology. 2017. No. 8 (3). P. 6.

³⁷ La Loi du 11 mars 2018 relative au statut et au contrôle des établissements de paiement et des établissements de monnaie électronique, à l'accès à l'activité de prestataire de services de paiement et à l'activité d'émission de monnaie électronique, et à l'accès aux systèmes de paiement.

³⁸ Uitvoeringswet Algemene verordening gegevensbescherming, 25 mei 2018.

агентства сохранить коммерческую тайну, однако прозрачность входных данных, оказывающих влияние на принятое решение, является безусловной. В законодательстве штата Калифорния воспроизводится положение Общего регламента по защите данных ЕС: на оператора данных возлагается обязанность не только раскрывать факт использования автоматизированных систем обработки личной информации и принятия решения, но и «включать значимую информацию о логике принятия решений, а также описание вероятного результата процесса в отношении потребителя».

Внедрение технологий больших данных позволило массово обрабатывать «цифровые следы человека», которые могут как содержать персональные данные, так и отражать иные особенности человека, «которые несут информацию о его частной жизни»³⁹. Обработка цифровых следов, которые не содержат персональных данных, не предполагает необходимость соблюдения положений Общего регламента по защите данных ЕС или законодательства штатов США, однако в процессе обработки большого объема цифровых следов могут формироваться новые, так называемые производные персональные данные. Таким образом, разумно предполагать, что реализация права доступа означает, что субъект данных получает информацию об уже сформированных производных персональных данных, которые положены в основу скоринговой модели. Однако, анализируя положения Общего регламента по защите данных ЕС, А. Н. Мочалов отмечает, что ввиду отсутствия определенной концепции отнесения производных данных к субъекту данных или к контроллеру, который их создал, последний «может отказать субъекту в доступе к ним, ссылаясь, например, на то, что эта информация является коммерческой тайной»⁴⁰.

В феврале 2025 г. Европейский суд в решении по делу «Дан и Брэдстрит»⁴¹ разрешил правовую неопределенность в вопросе соотношения прав контроллера на защиту информации, относящейся к коммерческой тайне, и субъекта данных на получение доступа к информации

об использовании полностью автоматизированных систем обработки данных. Он указал, что субъект данных должен иметь доступ в том числе к входным данным, параметрам и входным переменным, используемым при оценке, и информации об их влиянии на рассчитанную оценку, о получении параметров или входных переменных, почему лицу присвоен определенный рейтинг, и пояснению того, какое требование было связано с этим рейтингом. Таким образом, производные персональные данные подлежат раскрытию; их можно рассматривать и как входные параметры, которые собраны в процессе профилирования, отделенном во времени от процесса скоринга, и как полученные параметры, если процессы профилирования и скоринга объединены во времени. Суд подчеркнул, что необходимость раскрытия всех обрабатываемых персональных данных обусловлена гарантированием права на проверку точности данных. Кроме того, он однозначно истолковал положение о раскрытии логики, которое еще совсем недавно вызывало дискуссии⁴², указав, что предполагается раскрытие в краткой, прозрачной, понятной и легкодоступной форме процедуры и принципов, специально применяемых к автоматизированной обработке персональных данных с целью получения определенного результата, например профиля платежеспособности. Предоставление самого алгоритма не соответствует требованиям краткости и понятности, поэтому математические формулы не подлежат раскрытию.

Иные гарантии прав человека при осуществлении скоринга

В условиях стремительного развития систем искусственного интеллекта особое значение приобретают вопросы обеспечения их безопасности в целом, поэтому регулирование отдельных аспектов их применения в отношении личности в рамках законодательства об обработке персональных данных становится недостаточным. Регламент Европейского Союза «Об искус-

³⁹ Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. № 24 (4). С. 172. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_164.

⁴⁰ Mochalov A. N. Digital Profiling and the Legal Regime of Derived Personal Data // Kutafin Law Review. 2024. No. 11 (3). P. 502. DOI: 10.17803/27130533.2024.3.29.491-513.

⁴¹ Dun and Bradstreet, Austria. Case C-203/22, 2025.

⁴² Кузнецова С. С. Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран // Правоприменение. 2024. № 8 (4). С. 66. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).

ственном интеллекте» является важным шагом на пути обеспечения безопасности общества от угроз новых технологий. В рамках проблематики рейтингования личности с применением искусственного интеллекта данный акт имеет особую важность, так как, во-первых, устанавливает запрет на отдельные категории скоринга — социальный скоринг, а во-вторых, возлагает как на контролера данных, так и на третьих лиц (поставщика системы искусственного интеллекта) ряд дополнительных обязанностей.

Система искусственного интеллекта, которая выполняет профилирование физических лиц, всегда является высокорисковой, поэтому случаи, когда скоринг будет решением, принятым по результатам профилирования, подпадают под действие регламента о высокорисковых системах. В свою очередь скоринговые модели автоматизированного принятий решений сами по себе также отнесены к высокорисковым, даже когда они работают с входными данными о личности, заложенными человеком, если они используются в тех сферах, где их применение создает наибольшую угрозу правам человека (системы категоризации на основании биометрических данных, прием в образовательные учреждения, оценка результатов обучения, фильтрация и отбор заявлений о приеме на работу, оценка кандидата на соответствие занимаемой должности, принятие решений о продлении или прекращении трудовых отношений, принятие решений о предоставлении различных мер государственной поддержки, сферы кредитования и страхования, правосудие и т.д.).

В определении системы искусственного интеллекта выделены следующие ее ключевые критерии: демонстрирует адаптивность, т.е. подстраивается под задачи оператора; формирует выходные данные в виде прогнозов, решений, контента, рекомендаций на основе входных данных; выходные данные создаются как для явных, так и неявных целей и могут влиять на физическую или виртуальную среду. Подчеркивается, что системы искусственного интеллекта имеют разные уровни автономности, однако отмечается, что соответствующее понятие не охватывает системы, основанные на правилах, определенных исключительно физическими лицами для автоматического выполнения операций (п. 12 преамбулы Регламента ЕС «Об искусственном интеллекте»).

Наделение системы статусом высокорисковой возлагает как на ее поставщика, так и на оператора ряд обязанностей. Среди наиболее

значимых обязанностей поставщика, направленных на предотвращение и устранение рисков нарушения прав человека, можно выделить:

а) разработку системы управления рисками, нацеленную на выявление, анализ разумно предсказуемых рисков с учетом назначения системы, результатов мониторинга, опыта и знаний оператора и их устранение;

б) разработку и тестирование системы с использованием данных, которые отвечают требованиям их недискриминационности, безопасности, соответствия целям использования системы, пригодности и количества данных;

в) автоматическое ведение журналов событий;

г) обеспечение возможности контроля со стороны человека, в том числе путем предоставления оператору прозрачной и доступной информации о технических особенностях системы, назначении и возможных рисках и ограничениях, результатах предварительного тестирования, порядке интерпретации входных данных, а также возможности вмешательства в работу системы, в том числе путем ее остановки;

д) обеспечение надежности и устойчивости работы системы на протяжении всего периода жизненного цикла.

Операторы системы с высоким риском, в свою очередь, должны гарантировать компетентный человеческий надзор, принимать необходимые технические и организационные меры для обеспечения ее использования в соответствии с инструкциями, контролировать работу системы и информировать поставщика в случае выявления серьезных инцидентов или возможных рисков ее дальнейшего использования, обеспечивать релевантность, достаточность входных данных с учетом целей работы системы, информировать о ее внедрении лиц, которые подвергаются ее действию, а также проводить оценку воздействия на защиту данных.

Несмотря на то что Регламент ЕС «Об искусственном интеллекте» носит комплексный характер и направлен на минимизацию рисков применения систем искусственного интеллекта для принятия решений в отношении личности, представляется, что ряд вопросов по-прежнему остается нерешенным, например проблематика предвзятости системы. В названном Регламенте большое внимание уделяется вопросу разработки системы, в связи с чем на поставщика возлагается обязанность

по обеспечению ее обучения, тестирования с использованием полных, «качественных» данных. Однако, как справедливо отмечает Э. Бирн, возникновение предвзятости может быть связано не только с использованием при разработке системы данных, содержащих дискриминационные факторы, или разработкой алгоритма, который сам по себе содержит предвзятые условия, но и с процессом развертывания системы оператором⁴³.

И тут указанный Регламент по-прежнему возлагает всю ответственность на поставщика: с учетом того, что высокорисковые системы продолжают обучаться после ввода в эксплуатацию, он должен разрабатывать их таким образом, чтобы исключить или максимально снизить риск предвзятости, а также гарантировать, что любые такие циклы будут надлежащим образом устранены. Оператор, в свою очередь, несет крайне ограниченную ответственность в связи с возникновением предвзятости в работе системы, так как он должен лишь обеспечить надзор за ее работой лицом, которое в курсе возможной автоматической предвзятости высокорисковой системы. Представляется, что такое перекладывание полной ответственности на поставщика за обеспечение работы системы во время всего ее жизненного цикла является неэффективным, поскольку предвзятость может возникнуть в процессе нецелевой работы с ней оператора или в связи с отличием качества входных данных от тех, что использовал поставщик. Американский подход, предложенный Нью-Йорком⁴⁴, наиболее логичен, так как возлагает на пользователя системы-работодателя обязанность по проведению ежегодного независимого аудита на наличие предвзятости, дискриминации в ее работе. В таком случае риски нарушения прав человека в связи с недостаточной компетентностью оператора системы могут быть минимизированы.

Законодательство штатов США, регламентирующее условия использования систем и моделей искусственного интеллекта с целью скоринга, крайне разнообразно. Так, например, в штате Нью-Йорк запрещено их применение в деятельности органов власти в целях принятия решений о предоставлении мер социаль-

ной поддержки⁴⁵. В штате Колорадо с 1 января 2026 г. вступят в действие поправки к Закону «О защите конфиденциальности потребителей», которые дополняют его разделом «Искусственный интеллект». Данные поправки налагают на оператора системы искусственного интеллекта обязанность проводить оценку рисков и дискриминационной вероятности, а также, как в законе штата Калифорния, предоставлять информацию о целях работы системы искусственного интеллекта, о характере решений, о порядке реализации права отказаться от обработки персональных данных, о том, какие сведения ложатся в основу автоматизированного принятия решений в случае неблагоприятных решений, об источниках получения этих данных, порядке их оценки системой и обжалования решений. Стремясь обеспечить справедливость принимаемых моделями искусственного интеллекта решений, штат Калифорния предусмотрел необходимость раскрытия поставщиком информации об использованных для обучения данных: об источниках и владельцах наборов данных; о том, как наборы данных способствуют достижению предполагаемой цели системы; о том, использовались ли личная информация или объекты авторского права, и т.д. При таком регулировании в очередной раз встает вопрос о балансе интересов субъекта данных и поставщика, желающего сохранить коммерческую тайну.

Заключение

Четвертая промышленная революция практически бесконечно расширяет возможности человека и общества в ускорении, повышении эффективности обработки информации. Однако развитие информационных технологий становится вызовом для человека, его прав и свобод, поэтому эффективное правовое регулирование оснований и порядка использования автоматизированных систем принятия решений в отношении личности является одной из первоочередных задач. Анализ регулятивной практики скоринга личности в США и Европейском Союзе позволяет сформулировать следующие критерии эффективного правового регулирования:

⁴³ *Byrne A., Lee D., Le Q.* Bias in AI: tackling the issues through regulations and standards. October 14, 2024 // URL: <https://publicpolicy.ie/papers/bias-in-ai-tackling-the-issues-through-regulations-and-standards/> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁴ New York City Local Law 144 of 2021.

⁴⁵ New York Loading Act 403 of 2024.

1) универсализация подхода к однородным процессам. Правовое регулирование обработки данных личности с применением автоматизированных скоринговых моделей в США неоднородно, осуществляется на двух уровнях государственной власти; при этом сфера действия соответствующих актов зависит от субъектного состава правоотношения. Такая модель правового регулирования приводит к образованию пробелов, что хорошо демонстрируется наличием вредоносной практики брокеров данных; вместе с тем резиденты большинства штатов США зачастую остаются наедине с проблемой использования в отношении них технологий автоматизированной обработки данных. Европейский подход можно рассматривать как более гармоничный, обеспечивающий формирование однородной и понятной для субъектов правоотношений правоприменительной практики;

2) переосмысление согласия как наиболее эффективного средства защиты прав личности. Пользователи онлайн-пространства в условиях переизбытка информации зачастую рассматривают «выскакивающие» предложения о предоставлении согласия на обработку данных с использованием автоматизированных систем как дополнительный ненужный шум и дают такое согласие без необходимого осмысления. Другие, как отмечают исследователи, считают, что полностью автоматизированные системы являются менее дискриминационными, и предпочитают их людям для принятия решений. Поэтому, на наш взгляд, концепция получения согласия, особенно в онлайн-пространстве, на сегодняшний день утратила свою ценность, и американский подход предоставления права на отказ от использования автоматизированных систем является оправданным;

3) поиск баланса интересов субъекта данных и оператора. В условиях использования полностью автоматизированных систем принятия решений абсолютная прозрачность представляется фикцией. С одной стороны, борьба с дискриминацией и предвзятостью автоматизированных систем требует максимальной от-

крытости порядка принятия решений, однако, с другой стороны, необходимо помнить и о законных ожиданиях оператора данных в отношении защиты коммерческой тайны. На сегодняшний день в странах ЕС и США укоренилась практика, которая предусматривает необходимость раскрытия субъекту информации о том, какие данные и критерии были положены в основу принятия решений, в том числе объяснения причин негативного для человека решения. Эта практика представляется вполне логичной, однако возникает сомнение в том, что такой подход обеспечивает реальную прозрачность, поскольку при использовании системы искусственного интеллекта, способной к машинному обучению, алгоритмы принятия решений тоже могут меняться. Данные меры должны подкрепляться постоянным мониторингом самой системы искусственного интеллекта с позиции ее предвзятости;

4) комплексность регулирования процессов разработки и внедрения систем искусственного интеллекта в процессы, связанные с принятием решений в отношении личности. Добросовестное поведение оператора данных, выражающееся в строгом исполнении норм законодательства о защите персональных данных в процессе использования алгоритмов профилирования и скоринга, является недостаточным ввиду серьезной автономности алгоритмических систем. Поэтому акты, направленные на регулирование отдельных вопросов разработки и внедрения систем искусственного интеллекта в ЕС и США, являются своевременными. Однако, несмотря на достаточно передовой опыт правового регулирования ЕС, который, безусловно, требует осмысления и использования для совершенствования соответствующего законодательства РФ, в Регламенте «Об искусственном интеллекте» тоже имеются пробелы, которые не позволяют обеспечить эффективную работу скоринговых моделей как высокорисковых систем. К таким проблемам, например, относится недостаточное урегулирование обязанностей оператора системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонова В. В., Вишневер В. Я., Фрумусаки С. В. Технологическая эволюция кредитного скоринга в системе банковского потребительского кредитования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 3. С. 21–26.

Вилкова О. В. К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как метода сбора данных в социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 163–175. DOI: 10.17223/1998863X/54/16.

Кузнецова С. С. Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран // *Правоприменение*. 2024. № 8 (4). С. 63–72. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).

Луняков О. В., Лунякова Н. А. Развитие каналов кредитования в условиях перехода к цифровой экономике: моделирование спроса // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 22 (5). С. 76–89. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-76-89.

Мочалов А. Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы его правового регулирования // *Вестник СурГУ*. 2021. № 4 (34). С. 111–121.

Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // *Антиномии*. 2024. № 24 (4). С. 164–189. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_164.

Рувинский П. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2022. 264 с.

Abrusio J. The (In)Efficacy of Consent for the Processing of Personal Data // *Global Network Journal*. 2024. No. 6 (1). P. 180–205. DOI: 10.24861/2675-1038.v6i1.133.

Berg T., Burg V., Gombović A., Puri M. On the Rise of FinTechs — Credit Scoring Using Digital Footprints // *The Review of Financial Studies*. 2020. No. 7. P. 2845–2897.

Bertrand M., Kamenica E. Coming apart? Lives of the rich and poor over time in the United States. Chicago, 2017.

Desai N., Gross J. Scoring systems in the critically ill: uses, cautions, and future directions // *BJA Education*. 2019. No. 19 (7). P. 212–218. DOI: 10.1016/j.bjae.2019.03.002.

Germundsson N., Stranz H. Automating social assistance: Exploring the use of robotic process automation in the Swedish personal social services // *International Journal of Social Welfare*. 2023. No. 33 (17). P. 1–12. DOI: 10.1111/ijsw.12633.

Martin K. Privacy Notices as Tabula Rasa: An Empirical Investigation into How Complying with a Privacy Notice is Related to Meeting Privacy Expectations Online // *Journal of Public Policy & Marketing*. 2015. Vol. 34 (2). P. 68–85. DOI: 10.1509/jppm.14.139.

Merli F. Automated Decision-Making Systems in Austrian Administrative Law // *Fascicolo*. 2023. No. 1. P. 41–50. DOI: 10.13130/2723-9195/2023-1-19.

Mochalov A. N. Digital Profiling and the Legal Regime of Derived Personal Data // *Kutafin Law Review*. 2024. No. 11 (3). P. 491–513. DOI: 10.17803/27130533.2024.3.29.491-513.

Roig A. Safeguards for the right not to be subject to a decision based solely on automated processing (Article 22 GDPR) // *European Journal of Law and Technology*. 2017. No. 8 (3). P. 1–17.

Obar J. A., Oeldorf-Hirsch A. The biggest lie on the Internet: ignoring the privacy policies and terms of service policies of social networking services // *Information, Communication & Society*. 2018. No. 23 (1). P. 128–147. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1486870.

Rice L., Swesnik D. Discriminatory Effects of Credit Scoring on Communities of Color. National Fair Housing Alliance, 2012. 29 p.

Sherman J. Data Brokers and Sensitive Data on U. S. Individuals: Threats to American Civil Rights, National Security, and Democracy. Durham, 2021. 16 p.

REFERENCES

Abrusio J. The (In)Efficacy of Consent for the Processing of Personal Data. *Global Network Journal*. 2024;6(1):180-205. DOI: 10.24861/2675-1038.v6i1.133.

Agafonova VV, Vishnever VYa, Frumusaki SV. Technological evolution of credit scoring in the consumer banking lending system. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 2018;2(3):21-26. (In Russ.).

Berg T, Burg V, Gombović A, Puri M. On the Rise of FinTechs — Credit Scoring Using Digital Footprints. *The Review of Financial Studies*. 2020;7:2845-2897.

Bertrand M, Kamenica E. Coming apart? Lives of the rich and poor over time in the United States. Chicago; 2017.

Desai N, Gross J. Scoring systems in the critically ill: uses, cautions, and future directions. *BJA Education*. 2019;19(7):212-218. DOI: 10.1016/j.bjae.2019.03.002.

Germundsson N, Stranz H. Automating social assistance: Exploring the use of robotic process automation in the Swedish personal social services. *International Journal of Social Welfare*. 2023. P. 1–12. DOI: 10.1111/ijsw.12633.

- Kuznetsova SS. Legal regulation of digital human profiling in the practice of foreign countries. *Pravoprimerenie*. 2024;8(4):63-72. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4). (In Russ.).
- Lunyakov OV, Lunyakova NA. Development of credit channels in the context of the transition to the digital economy: Demand modeling. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and practice]*. 2018;22(5):76-89. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-76-89. (In Russ.).
- Martin K. Privacy notices as Tabula Rasa: An Empirical Investigation into How Complying with a Privacy Notice is Related to Meeting Privacy Expectations Online. *Journal of Public Policy & Marketing*. 2014. P. 68–85. DOI: 10.1509/jppm.14.139.
- Merli F. Automated Decision-Making Systems in Austrian Administrative Law. *Fascicolo*. 2023;1:41-50. DOI: 10.13130/2723-9195/2023-1-19.
- Mochalov AN. Digital Profiling and the Legal Regime of Derived Personal Data. *Kutafin Law Review*. 2024;11(3):491-513. DOI: 10.17803/27130533.2024.3.29.491-513.
- Mochalov AN. Human digital footprints and privacy. *Antinomii [Antinomies]*. 2024;24(4):164-189. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_164. (In Russ.).
- Mochalov AN. The paradox of anonymity on the Internet and the problems of its legal regulation. *Vestnik SurGU*. 2021;4(34):111-121. (In Russ.).
- Obar JA, Oeldorf-Hirsch A. The biggest lie on the Internet: ignoring the privacy policies and terms of service policies of social networking services. *Information, Communication & Society*. 2018;23(1):128-147. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1486870.
- Rice L, Swesnik D. Discriminatory Effects of Credit Scoring on Communities of Color. National Fair Housing Alliance; 2012.
- Roig A. Safeguards for the right not to be subject to a decision based solely on automated processing (Article 22 GDPR). *European Journal of Law and Technology*. 2017;8(3):1-17.
- Ruvinsky RZ. Legal aspects of the introduction of the social credit system in modern public administration. N. Novgorod: NIU RANHiGS Publ.; 2022. (In Russ.).
- Sherman J. Data Brokers and Sensitive Data on U. S. Individuals Threats to American Civil Rights, National Security, and Democracy. Durham; 2021.
- Vilkova OV. On the issue of the scientific meaningfulness of the use of web scraping as a data collection method in sociological research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science]*. 2020;54:63-175. DOI: 10.17223/1998863X/54/16. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620066, Российская Федерация
kss001@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Kuznetsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
kss001@usla.ru

*Материал поступил в редакцию 7 мая 2024 г.
Статья получена после рецензирования 9 мая 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.*

*Received 07.05.2024.
Revised 09.05.2025.
Accepted 15.09.2025.*

В. И. Пржиленский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Социально-философские и концептуально-теоретические основания исследования российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства

Резюме. В статье анализируется стратегия совершенствования системы российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства как сложный и многофакторный процесс, определяемый взаимодействием правоприменительных органов с обществом, его структурами и институтами, а также со структурами государственного управления различного уровня. В центре внимания оказываются возможности социальной философии, философской антропологии, юриспруденции, социологии, политологии и иных отраслей социогуманитарного знания сформировать концепцию развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства как междисциплинарную и многоуровневую теоретическую систему, имеющую фундаментальное значение при рассмотрении, объяснении и прогнозировании процессов и явлений в данной области. Отдельно рассматриваются различные подсистемы общества и сферы социальной жизни с точки зрения изменений в сфере выполнения этими подсистемами функций адаптации, целеполагания, интеграции и поддержания образца в условиях цифровой трансформации общества и государства, анализируются изменения, вызванные данной трансформацией. Фундаментальное значение придается теме вторжения цифровой реальности, ее структур и институтов в глубинные слои человеческой экзистенции и возможности защитить личность от подобных вторжений средствами правового регулирования систем «личность — культура» и «личность — общество». В статье отдельному анализу подвергаются социально-философские основания и методологические ориентиры исследования концептуального определения целей и средств российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровизация; цифровая трансформация; социальная система; междисциплинарный подход; социальная философия; правовое регулирование; структурный функционализм; методологическая рефлексия; киберправо; социальные технологии

Для цитирования: Пржиленский В. И. Социально-философские и концептуально-теоретические основания исследования российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 107–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.107-116

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00830. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Socio-Philosophical and Conceptual Theoretical Foundations of the Study of Russian Criminal Justice in the Context of Digital Transformation of Society and the State

Vladimir I. Przhilenskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the strategy for improving the Russian criminal justice system in the context of the digital transformation of society and the state as a complex and multifactorial process determined by the interaction of law enforcement agencies with society, its structures and institutions, as well as with public administration structures at various levels. The paper focuses on the potential of social philosophy, philosophical anthropology, jurisprudence, sociology, political science and other branches of socio-humanitarian knowledge to form a conceptual foundation for the development of Russian criminal justice in the context of the digital transformation of society and the state as an interdisciplinary and multilevel theoretical system of fundamental importance in the consideration, explanation and prediction of processes and phenomena in this field. The paper separately considers various subsystems of society and spheres of social life from the point of view of changes in the sphere in which these subsystems perform the functions of adaptation, goal setting, integration and maintaining a pattern in the context of digital transformation of society and the state, and analyzes the changes caused by this transformation. Fundamental importance is attached to the topic of the intrusion of digital reality, its structures and institutions into the deepest layers of human existence and the possibility of protecting the individual from such intrusions by means of legal regulation of the «personality — culture» and «personality — society» systems. The paper provides a separate analysis of the socio-philosophical foundations and methodological guidelines for the study of the conceptual definition of the goals and means of Russian criminal justice in the context of the digital transformation of society and the state.

Keywords: criminal justice; digitalization; digital transformation; social system; interdisciplinary approach; social philosophy; legal regulation; structural functionalism; methodological reflection; cyber law; social technologies

Cite as: Przhilenskiy V. I. Socio-Philosophical and Conceptual Theoretical Foundations of the Study of Russian Criminal Justice in the Context of Digital Transformation of Society and the State. *Lex Russica*. 2025;78(10):107-116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.107-116

Acknowledgements. The study was funded by Russian Science Foundation grant No. 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Введение

Цифровизация, охватившая все сферы жизни человека и общества, поставила перед системой российского правосудия немало задач, решать которые приходится в условиях отсутствия достаточной теоретической проработки и дефицита времени. Вопреки принципу системности и несмотря на консервативность системы судопроизводства по уголовным делам, спонтанное, бессистемное и хаотическое применение электронных цифровых устройств на разных его этапах стало свершившимся фактом. Более того, обращение судей и следователей, оперативных работников и судебных экспертов к инфокоммуникационным технологиям было обусловлено необходимостью и носило, как правило, реактивный характер.

Вначале сотрудники правоохранительных органов, а затем и нормотворцы были вынуж-

дены реагировать, причем максимально оперативно, на растущее число и многообразие способов применения компьютеров для совершения преступлений. Кража денежных средств и вторжение в частную жизнь, торговля наркотиками и организация проституции, финансовые махинации и мошенничество, распространение текстов экстремистской направленности и призывы к преступлениям на почве расовой или религиозной ненависти — вот неполный перечень преступлений, совершаемых посредством использования инфокоммуникационных технологий.

Для раскрытия таких преступлений правоохранителям и нормотворцам понадобились новые компетенции, позволяющие отслеживать определенные действия в виртуальной среде, находить и идентифицировать электронные следы, определять намерения преступников еще до совершения ими преступлений или на

ранних этапах, наконец, заниматься их профилактикой. Овладение этими компетенциями — насущная задача для руководителей, рядовых работников суда, прокуратуры, следственного комитета и иных силовых спецслужб. Но умение жить и работать в новой цифровой среде требует не только адаптации к изменившимся внешним условиям, но и усилий по изменению этой среды, а также собственных структур, институтов, практик. В последнем случае речь идет о работе системного характера, когда изменению структур и институтов, механизмов и систем обеспечения их реализации предшествует перестройка на концептуальном уровне.

Новые понятия должны обеспечить как рациональность действий отдельных элементов системы правосудия, так и их взаимную согласованность. Последнее особенно трудно, ибо при организации нового режима функционирования требуется подготовить элементы системы правосудия к реализации всех основных системных эффектов, обеспечивающих существование социальных систем, их стабильность и воспроизводство. Речь идет о функциях интеграции, целеполагания, адаптации и латентности (поддержания образца). Без выполнения этих функций деятельность членов общества не может быть рассмотрена как деятельность в рамках единой социальной системы. Другими словами, в условиях цифровизации необходимо, чтобы ни интеграция, ни целеполагание, ни адаптация, ни латентность не утратили своего смыслопорождающего характера.

Теоретико-методологические основы исследования влияния цифровизации на жизнь человека и общества

Выбор теории и методологии исследования социальных контекстов цифровизации обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что возникшая в середине XX в. кибернетика и общая теория систем как будто специально были разработаны для определения системных эффектов цифровизации. Появление первых электронно-вычислительных машин привело к распространению их моделей и схем на объяснение биологических и социальных явлений. Последнее было несложно, ибо столетием ранее общество стало исследоваться, объясняться и концептуализироваться с привлечением опыта, методо-

логии и терминологии активно развивавшейся науки о живом. Ламарк и Дарвин, Мендель и Морган, Пастер и Кох обеспечили биологию таким качеством и количеством методологических средств, что вызвали зависть у историков и юристов, астрономов и конструкторов. В этих условиях уподобление электронно-вычислительной машины управляемому социальному коллективу или биологическому организму было просто неизбежным. Вот почему для исследования причин, движущих сил, детерминирующих факторов и самых разнообразных последствий предпочтительна теория социальных систем, представленная работами Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и Н. Лумана.

Автор наиболее проработанной теории социальных систем Т. Парсонс отмечал, что стержнем, на котором держится все общество, является нормативный порядок, то есть некая структура, составленная из норм, которым следуют индивиды, для того чтобы взаимодействовать друг с другом, вести коллективную жизнь, предотвращать конфликты и помогать друг другу. Содержанием порядка выступают ценности, позволяющие интерпретировать нормы и правила, наделять смыслом действия индивидов и коллективов. Именно соотносительность норм с ценностями придает им легитимность и значимость, без которых никакой социальный порядок не только не смог бы сохраниться, но даже не смог бы и возникнуть, потому что без них не могут быть сформулированы критерии принадлежности тех или иных индивидов к обществу. «Проблемы, связанные с “юрисдикцией” нормативной системы, — пишет Т. Парсонс, — могут сделать невозможным установление точного соответствия между статусом “подпадения” под нормативные предписания и статусом принадлежности к обществу, поскольку навязывание норм, по-видимому, неразрывно связано с контролем (например, через “полицейские функции”) за мерами, используемыми для поощрения и наказания людей, проживающих в пределах какой-либо территории. До тех пор, пока эти проблемы не приобретают критическую остроту, социальный коллектив и его подколлективы могут, когда это необходимо, действовать эффективно как единое целое»¹.

Данное понимание общества было получено путем соединения классического позитивизма, представленного именами О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, видевших идеал научности в

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. № 2. С. 102.

современной им физике и биологии, с понимающей социологией М. Вебера, возникшей под влиянием неокантианского различения наук о природе и наук о духе. Т. Парсонс не стремился сформулировать законы развития общества, но надеялся понять механизмы функционирования социальных систем и подсистем. Именно поэтому данная концепция получила название структурного функционализма — в ней сильно влияние свершившегося в XX в. синтеза биологии и теории управления, приведшего к рождению науки кибернетики и общей теории систем.

Как и любая другая кибернетическая система, общество находится с внешней средой в процессе обмена энергией, веществом или информацией. Согласно концепции структурного функционализма у общества, как у любой метаболической системы, должна быть внешняя среда. Парадоксальным образом Т. Парсонс выстраивает структуру, в которой у общества оказываются сразу две внешние по отношению к нему окружающие среды: личность и культура. Культура выполняет функцию легитимации нормативного порядка, лежащего в основе социальной системы. Нормативный порядок позволяет не только представить в качестве законного действующий режим осуществления власти, но также дает действующему индивиду знание о том, что разрешено в данном обществе, а что запрещено. Не обращаясь к моральной рефлексии и анализу нравственных оснований, индивид понимает, что правильно всё то, что соответствует институтам и ценностям, из которых состоит данная культура.

Т. Парсонс специально подчеркивает, что одним из главных направлений эволюционного процесса в обществе становится рост независимости структур и институтов от условий их культурной легитимации, всё увеличивающаяся дифференциация социальных процессов и культурных ценностей, хотя место и роль социальных структур и институтов всегда определяется их отношением к высшей реальности, что не позволяет забыть о религиозном или квазирелигиозном характере конечной легитимации. Чем сложнее общество, тем больше дистанция между социальными и культурными структурами и институтами, а также тем большее число посредников — высокоспециальных структур — вовлечено в процесс легитимации. «Способ легитимации, — пишет Т. Парсонс, — в свою

очередь, основывается на религиозных ориентациях. Однако по мере того, как культурные системы становятся всё более дифференцированными, возрастает самостоятельная ценность и других культурных структур. Прежде всего это относится к искусству, особым образом связанному с автономией личности, и эмпирическому когнитивному знанию, становящемуся на высоком уровне развития наукой»². Таким образом, и религия, и искусство, и наука, будучи феноменами культуры, носителями определенных ценностей и источниками значимых смыслов, активно вовлекаются в легитимацию социальных структур и институтов. И если перед обществом стоит задача перестройки ее структур и институтов в ходе цифровизации, эти сложные связи не должны быть разрушены.

Вторая внешняя по отношению к социальной системе среда — личность — вызывает не меньше вопросов в связи с выявлением и описанием механизмов ее взаимодействия с обществом. Кибернетическое понимание иерархии подсистем состоит в наделении социальной системы наивысшим статусом, а личность располагается ниже, занимая положение между поведенческим организмом и физико-органической средой. Взаимоотношения между социальной системой и системой личности становятся проблемными с функциональной точки зрения, когда рассматриваются процессы усвоения, развития и утверждения мотивации участия, которая необходима при совершении социального действия. Данная мотивация должна быть адекватной и системе личности, и социальной системе, она должна присутствовать не только в самих действиях, добиться чего в реальной жизни практически невозможно, если она не присутствует уже на уровне образов социальных действий и взаимодействий.

И социальные системы вырабатывают механизмы поощрения и вознаграждения своих членов за следование указанным образцам, что создает условия для воспроизводимости этой системы через социализацию. Структурные функционалисты именно так называют один из важнейших процессов социальной интеграции, когда личность может превратиться в члена общества, то есть в элемент социальной системы. «Поскольку личность, — отмечает Т. Парсонс, — это определенным образом организованный в процессе обучения индивид, процесс социализации имеет решающее значение для

² Парсонс Т. Указ. соч. С. 103.

ее формирования и функционирования... Система родства требует некоторых постоянных нормативных установлений для ежедневной жизни, включающих как органические и психологические, так и социальные факторы. В силу этого она является зоной взаимопроникновения систем поведения, личности и социальной системы с одной стороны и физического окружения — с другой»³.

Главные вопросы, возникающие перед разработчиками концепции развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства, сводятся к вопросу о том, каковы должны быть стратегия и план адаптации юридических (прежде всего правоприменительных) структур и институтов к изменяющимся в процессе цифровизации социальным структурам и институтам. Из него вытекает еще один вопрос: надо ли учитывать социальные изменения при рассмотрении вопросов включения систем ИИ, методов больших данных, платформ и других электронных средств обработки информации в качестве отдельных или это сугубо технологические вопросы, не касающиеся сути юридического контекста совершенствования регулирования традиционных структур и институтов регулирования? От ответов на данные вопросы зависит и степень дифференциации машинного и человеческого аспектов цифровизации правосудия, а также процедурного и содержательно-го аспектов.

Влияние цифровизации на социальные структуры и институты

Нетрудно заметить, что цифровизация не может не вторгаться в деятельность всех без исключения элементов данных систем, преобразуя их как изнутри, так и снаружи. Естественным образом межиндивидуальное, внутригрупповое и межгрупповое взаимодействия также претерпят известные изменения. Учесть их на концептуальном уровне необходимо, как необходимо спрогнозировать последствия этого процесса, а также перспективы влияния на него посредством социальных технологий. Социальные технологии, предназначенные для реализации в сфере цифровой реальности, существенно отличаются от социальных технологий доцифровой эпохи. Цифровизированное общество и госу-

дарство позволяют более эффективно справляться с одними видами злоупотреблений, но вместе с тем оказываются значительно более уязвимы перед другими. Например, создание ЕГРН позволило значительно улучшить ситуацию с документооборотом, подтверждающим права на владение недвижимостью, но породило новый вид преступлений — продажу этой недвижимости со взломом аккаунтов владельцев и подделкой цифровых документов. То же самое происходит в финансовой сфере, где при помощи кражи личных данных происходят преступления в сфере банковских услуг, в частности в области кредитования. Кража физических денег и ценностей сменяется кражей денег с банковского счета, осуществляемой с использованием онлайн-кабинетов владельцев счетов.

Понятие социальных технологий традиционно относят к сфере теории и практики управления. В самом общем виде их можно определить как использование социологических, а также психологических, антропологических, религиозных и этнологических знаний в процессе управления. Само понятие технологии применяется здесь в том же смысле, в котором оно применяется в технических науках, то есть как знание, необходимое для изготовления тех или иных орудий, предметов, изделий. Так, можно говорить о технологии изготовления каменных топоров и литья бронзовых наконечников, технологии выращивания риса и расчета ширины корабельной палубы.

В индустриальную эру под технологиями понимают скорее знания, необходимые для налаживания мануфактурного или фабричного производства «одинаковых» изделий, то есть изделий, свойства которых предсказуемы и соответствуют определенному стандарту. В постиндустриальную эру понятие технологии распространяется уже на сферу управления целыми обществами, профессиональными коллективами и отдельными работниками. Постепенно воспользоваться преимуществами технологизации социального действия предлагают индивидам для раскрытия собственного потенциала и успешного его использования в процессе взаимодействия с другими людьми на межличностном уровне. Такой вид социальных технологий именуется сегодня коучинговыми технологиями, где межиндивидуальная интеракция может быть осуществлена с использованием психологических

³ Парсонс Т. Указ. соч. С. 104.

методов воздействия на собеседника начиная с гештальт-терапии и нейролингвистического программирования и заканчивая мягким гипнотическим воздействием.

Особый подход к пониманию социальных технологий можно встретить в работах Х. Новотны и Д. Теста, где рассматриваются три социальные технологии стандартизации, обеспечивающие адекватное отношение индивида к тем знаниям, которые дает в его распоряжение современная генетика и тем технологиям биологического преобразования человека, которые создаются с помощью данного знания. К числу таких социальных технологий (авторы называют их гуманитарными технологиями стандартизации) относят регулирование с помощью права, административное регулирование (*governance*), а также регулирование с помощью биоэтики⁴.

Одна из главных задач применения социальных технологий, таких как образование, воспитание или социализация, — выращивание людей, совместимых друг с другом, совместимых с обществом, совместимых с природой и т.п. Чем больше в жизни человека техники, тем больше сил приходится тратить на то, чтобы вырастить человека, совместимого с техникой, умеющего ею пользоваться, не попадающего в зависимость от нее, не становящегося ее жертвой и т.п. Поскольку использование техники может давать в руки пользователя конкурентные преимущества, то доступ к технике, успешное владение ею, умение создавать новую технику превращаются в средство выживания или даже доминирования над другими индивидами и народами.

Здесь возникает немало вопросов о том, насколько применение социальных технологий в процессе «цифровой» перестройки общества, его структур и институтов, в том числе и правоприменительных, совместимо с экзистенциальной сущностью человека, а также насколько идеалы и ценности гуманизма позволяют учесть эту опасность. Так, П. Д. Тищенко подвергает критике основанный на гуманистической идеологии биотехнологический конструктивизм, согласно которому в задачу человека входит самостоятельное определение смысла своего существования и его применение при выборе жизненных стратегий и ориентиров.

Еще в середине XX в. М. Хайдеггер и Ж. П. Сартр спорили о том, следует ли из экзистенциализма отказ от идеи Бога как Творца и достаточно ли научных знаний для покорения природы, в том числе и своей собственной. Другими словами, этот вопрос может звучать так: достаточно ли у человека знаний, силы и власти для того, чтобы переформатировать, трансформировать самого себя, свои биологическую, антропологическую, генетическую природу.

Подвергая критике биотехнологический конструктивизм, П. Д. Тищенко предлагает различать два принципиально разных способа самовоспроизведения человека. Первый он сравнивает с уходом или заботой, подобно тому, как ухаживает и заботится крестьянин о выращиваемом им урожае, а второй — с конструированием, когда ремесленник творит по своему замыслу из инертного материала нечто новое. Но можно ли человека рассматривать как своеобразный конструктор, задается риторическим вопросом российский исследователь. «Человек конструируемый, — пишет П. Д. Тищенко, — это тот идеальный образ или идеал, который выступает предпосылкой конструктивной деятельности, определяя принципиальные черты того, что конструирующий хотел бы сконструировать. Это теоретически осмысленный образ человека как феномена, т.е. как вещи для себя, как предмета преобразования»⁵.

Далее этот вопрос рассматривается в контексте отношения человек — машина, потому что по мере цифровизации общества и государства они всё больше будут напоминать машины и человеку для взаимодействия с ними также будет необходимо обрести некоторые «машинообразные» черты и качества. Так, известный тест А. Тьюринга заключался в том, что если человек в процессе коммуникации с компьютером, компьютерной программой или системой ИИ не видит отличия от своего же общения с другим человеком, то деятельность компьютера, компьютерной программы или системы ИИ можно приравнять к мышлению. «Сегодня, — пишет П. Д. Тищенко, — в массовой практике тестирования (типа ЕГЭ) эксперимент проводится с точностью до наоборот. Если программа узнает в школьнике “своего”, не отличает его от другой

⁴ Nowotny H., Testa G. *Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2010. P. 68.

⁵ Тищенко П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22 : Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии : сборник науч. статей. М. : Изд-во Мос. гуманитар. ин-та, 2015. С. 45.

правильно работающей (отвечающей на вопросы) программы, то с точки зрения мегамашины общества этот школьник считается “образованным”, “мыслящим” человеком»⁶.

Таким образом, процесс создания человекоподобных (в пределах человекоподобных) машин неожиданно привел к появлению у людей машиноразмерных или машиноподобных качеств. Это обстоятельство нельзя оценивать негативно до тех пор, пока данные трансформации не затрагивают глубинные слои человеческой экзистенции и когда техническая целесообразность не ставится выше способности человека анализировать свое бытие (*own existence*) и окружающую действительность (*on their environment*), ощущать (*perceive*) несправедливость, избегать опасности, брать на себя ответственность, стремиться к сотрудничеству и давать нравственную оценку происходящему, на основе которой формируются этические принципы⁷.

Но социальные технологии, применяемые в процессе стандартизации навыков людей в общении с цифровыми системами, — это один из вариантов технологий взаимодействия индивидов с техносоциальными системами. И здесь проявляются некоторые интересные закономерности, которых нет при общении людей с обычной техникой. Техносоциальные системы лишь недавно попали в поле зрения исследователей, хотя именно они становятся объектом, а в некотором смысле и субъектом рассматриваемой нами цифровой трансформации общества и государства.

Одно из наиболее перспективных и стремительно развивающихся направлений применения социальных технологий в цифровизирующемся обществе в ряде стран Юго-Восточной Азии — составление социальных рейтингов. М. М. Назаров называет практику составления социальных рейтингов новым средством социального контроля. Социальные рейтинги составляются на основе интеграции самых разных данных, собранных со всех цифровых платформ сети Интернет, позволяют поощрять «позитивные» виды человеческой активности, регулируя доступ индивидов к социальным благам. По мнению российского социолога, эти инно-

вации имеют не только технологическую, но и социальную и даже экзистенциально-антропологическую составляющие.

За техническими инновациями следуют инновации социальные, последствия внедрения которых вызывают в обществе понятные опасения — формирование новых критериев социально одобряемого поведения будет иметь значение для всей социальной реальности. Практики контроля трансформируются в практики самоконтроля, потому что эффективная власть над обществом создается в процессе ее проникновения в структуры знания, без которых не работают такие ее механизмы, как тотальная поднадзорность, дисциплинирование и нормирование.

Значимым ориентиром при разработке и введении в эксплуатацию технологий социального рейтингования должны оставаться интересы человека, его права и достоинство. Недопустимо неоправданное вмешательство в глубинные слои человеческой экзистенции, также недопустимы нарушения социальной справедливости. «Результаты социальных траекторий, построенных на базе рейтингования, — отмечает М. М. Назаров, — могут ставить людей в неравное положение, тогда как изначально граждане обладают равными правами и возможностями. Проявления социальных ситуаций в реальной жизни оказываются значительно богаче и сложнее, нежели возможности алгоритмических процедур, лежащие в основе рейтингования»⁸. Вызывает дополнительную тревогу непрозрачность методологии составления алгоритмов, причастность к их созданию и эксплуатации достаточно узкого числа управленцев и программистов, их слабая подотчетность обществу.

Цифровизация и системные функции общества

Не может не вызывать интерес влияние цифровизации на способность социальной системы выполнять базовые функции: интеграцию, адаптацию, целеполагание и поддержание образца. Другими словами, каковы особенности перестройки общественной жизни в политическом,

⁶ Тищенко П. Д. Указ. соч. С. 47.

⁷ UNESCO. (2005). Акты Генеральной конференции, 33-я сессия, Париж, 3–21 октября 2005 г. Т. 1 : Резолюции // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90.

⁸ Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 205.

экономическом, культурном и системном (социетальном) измерении? Как и следовало ожидать, в сфере функционирования политических структур и институтов происходят некоторые изменения, связанные с применением цифровых технологий, хотя преувеличивать их действие преждевременно. «Мы наблюдаем, — пишут В. К. Левашов и О. В. Гребняк, — лоскутную цифровизацию, отражающую сохраняющиеся тенденции неравномерного роста “цифрового государства”. Новейшие технологии воспринимаются больше на потребительском уровне, в то время как гражданская активность в Сети проявляется реже и преимущественно от оппозиционно настроенных категорий населения»⁹.

Авторы приводят данные социологических исследований, показывающие различное отношение респондентов к роли и месту цифровых технологий в социальной жизни современного российского общества. По мнению одной части опрошенных россиян, цифровое государство не должно сводиться к предоставлению услуг и снижению затрат на приобретение товаров. Сторонники этой точки зрения готовы сделать цифровое государство активным инструментом для организации социального и политического управления, проведения выборов, формирования коллективного мнения и т.п. Другая часть опрошенных относится к цифровому государству с опаской и даже выражает готовность отказаться от пользования гаджетами и иными цифровыми возможностями, чтобы снизить пугающий их цифровой контроль и другие негативные последствия технического прогресса. В эту же группу входят те респонденты, которые считают себя жертвами цифрового неравенства. Негативно оцениваются усилия тех, кто надеется активно заменять обычное образование на дистанционное, сохраняя офлайн как привилегию элиты. Но, несмотря на все разногласия, ни остановить, ни замедлить процессы цифровизации политической сферы никому из скептиков не удастся, а значит, и снизить способность подсистемы выполнять функцию целеполагания.

Экономическая цифровизация российского государства и общества изучена еще лучше, чем политическая. Она началась сразу же после появления в Российской Федерации сети

Интернет и развивалась стремительными темпами. Но по-настоящему о цифровизации экономики и бизнеса заговорили после появления таких методов анализа и обработки информации, как большие данные, искусственный интеллект, блокчейн. Именно тогда внедрение новых компьютерных технологий стало причиной трансформации структуры и содержания национальной экономики, ее интеграции в международные экономические структуры глобального и регионального уровня. Цифровая экономика стала порождением цифрового общества и государства, сформировалась целая платформа для основанной на айти-технологиях интеграции. «Значимым аспектом укрепления национальной безопасности России, — пишет Е. А. Жаркова, — выступает построение высокоэффективной цифровой среды в области экономики, охватывающей нормативное регулирование, информационную структуру, информационную безопасность, кадры и образование, сквозные технологии цифровой экономики»¹⁰. Как никогда необходимо создавать логистическую инфраструктуру, совершенствовать правовое регулирование экономических отношений, формировать условия для взаимодействия цифровой экономики с цифровым государством и цифровизированным обществом. Именно тогда цифровизированное российское общество сможет выполнять в новых условиях вторую системную функцию — функцию адаптации.

Третья важная функция — латентность, или поддержание образца — выполняется, в соответствии с концепцией структурного функционализма, подсистемой культуры. К. Шваб называет цифровизацию ключевым элементом «четвертой промышленной революции», отмечая возросшую роль культурных подсистем в процессе создания нового миропорядка. Благодаря внедрению новых технологий анализа и обработки информации индивиды оказались в ситуации, когда ряд прежних целей и ценностей нуждается в переформатировании, в «отвязке» от традиционной культурной среды, в добавлении к прежним этническим или конфессиональным идентичностям новых. «В прошлом, — пишет К. Шваб, — люди в наибольшей степени иденти-

⁹ Левашов В. К., Гребняк О. В. Цифровизация в повседневной и общественно-политической жизни российских граждан // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3. С. 105.

¹⁰ Жаркова Е. А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 78.

фицировали себя и свою жизнь по определенной местности, этнической группе, конкретной культуре или даже языку. Возникшая вовлеченность в онлайн-взаимодействия и большая возможность соприкосновения с идеями других культур означает, что идентичность в настоящее время стала более многосторонней, чем прежде»¹¹. Другими словами, новая социальная технология приучает людей к осознанию себя в разных исторических, этноконфессиональных и социокультурных контекстах, то есть к управлению множественными идентичностями. Несмотря на определенную бескомпромиссность позиции немецкого исследователя, в его размышлениях есть рациональное зерно.

Таким образом, можно заключить, что цифровая трансформация общества и государства, происходящая во многом стихийно и носящая фрагментарный характер, требует совершенствования правового регулирования всех основных подсистем общества: политической, экономической, культурной. Это делает особенно актуальным интерес правоприменителей к процессам, обеспечивающим выполнение функции интеграции, находящимся в зоне ответственности всего общества, или, выражаясь социологически, в зоне ответственности всей социетальной системы.

Заключение

Концепция развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства может строиться на основе общей теории цифровой трансформации общества, которая в силу природы описываемого процесса может быть только междисциплинарной. Невозможно рассматривать формирующуюся область киберправа без средств и методов философской онтологии, философской эпистемологии, философской антропологии и в особенности социальной философии. Фило-

софский уровень анализа и методологической рефлексии не может и не должен оставаться без опоры на общенаучный и частнонаучный уровни изучения данного предмета — цифровой трансформации общества. Психологические, социологические, экономические, политологические и юридические средства и методы познания не только позволяют собрать эмпирический материал в определенной области индивидуального и коллективного опыта, но и создают условия для его рассмотрения под углом зрения своей собственной дисциплинарно организованной и предметно ориентированной науки. Но поскольку в реальной жизни всё это не существует по отдельности, социологические и психологические описания одного и того же явления не могут быть полными без их рассмотрения в юридической, экономической и политологической плоскости.

Таким образом, необходимо вспомнить простую истину, согласно которой общественные отношения носят объективный характер, а правовые нормы, призванные его регулировать, — это выделенные в этом отношении предметные описания объективного явления. Сегодня в рамках междисциплинарного подхода появились концепции сетевого права, киберправа и даже киберпространства, показывающие зависимость описания права в условиях цифровизации не только от других областей социального опыта, но и от особенностей собственно цифрового бытия. Так, в понятии киберправа отражается стремление представить его и как социальный феномен, и как юридический институт, и как процесс, имеющий административную, экономическую, культурную, ценностную и правовую составляющие. Именно так, в междисциплинарном ключе и в единстве философской, общенаучной и частнонаучной методологической рефлексии, должна быть построена концепция развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жаркова Е. А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 69–79.

Левашов В. К., Гребняк О. В. Цифровизация в повседневной и общественно-политической жизни российских граждан // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3.

¹¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 66.

- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. № 2. С. 94–122.
- Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация : монография / Н. В. Березина, Н. М. Великая, О. В. Гребняк [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с.
- Тищенко П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22 : Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии : сборник науч. статей. М. : Издательство Московского гуманитарного института, 2015. 224 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
- Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2010.

REFERENCES

- Berezina NV, Velikaya NM, Grebnyak OV, et al. Russian society and the state: The foundations of sustainability and trends of change. Social and socio-political situation: A monograph. Ed. by V.K. Levashov. Moscow: FNISTS RAN Publ.; 2024. (In Russ.).
- Levashov VK, Grebnyak OV. Digitalization in the daily and socio-political life of Russian citizens. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2021;20(3). (In Russ.).
- Nowotny H, Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press; 2010.
- Parsons T. The concept of society: Components and their interrelations. *Thesis*. 1993;2:94-122. (In Russ.).
- Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo Publ.; 2016. (In Russ.).
- Tishchenko PD. Human engineering: Ideals and technologies. In: *Bioethics workbooks*. Issue 22: Philosophical analysis of human design projects: Ideals and technologies. Collection of scientific papers. Moscow: Publishing House of the Moscow Institute for the Humanities; 2015. (In Russ.).
- Zharkova EA. Russia's digital economy in the context of the development of the global digital economy. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya [The Siberian Transport University Bulletin. The Humanities Research]*. 2022;4(15):69-79. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
viprzhilenskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
viprzhilenskij@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 28 июня 2024 г.
Статья получена после рецензирования 10 августа 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.*

*Received 28.06.2024.
Revised 10.08.2025.
Accepted 15.09.2025.*

А. В. Тумаков

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта

Резюме. В статье рассматривается общая теоретическая и цивилистическая конструкция субъективного права. Анализируя общие варианты возможного поведения субъектов права, такие как право на совершение собственных действий, право требовать исполнения юридической обязанности, право обратиться в компетентный государственный орган за защитой, автор приходит к выводу о тождественности конструкции правомерного поведения участников гражданского оборота в отношении цифровых объектов. С целью уяснения базовых основ функционирования цифровой среды и особенностей защиты субъективных прав в цифровой среде применяется метод экстраполяции и рассматривается возможность распространения действия общих гражданско-правовых принципов на отношения, возникающие в цифровом пространстве. В статье обоснована целесообразность применения общих гражданско-правовых принципов к спорам, возникающим в связи с нарушением субъективных прав в цифровой среде. Вместе с тем автор утверждает, что такие принципы не учитывают всех особенностей взаимодействия субъектов, в связи с чем формулирует специальные принципы: принцип тотального учета действий, принцип использования согласованных технологий, принцип контроля доступа. В статье также проводится научный поиск ответа на вопрос, совпадают ли основания возникновения субъективных прав с основаниями для их защиты. Обосновывается утвердительный ответ в связи с корреляцией новых объектов гражданского оборота с общими положениями гражданского права. Автор формулирует дополнительные условия для реализации механизма защиты соответствующего цифрового права.

Ключевые слова: цифровой объект; цифровое имущество; субъективные права; защита гражданских прав; судебная защита; обладатель цифрового объекта; принципы защиты цифровых объектов

Для цитирования: Тумаков А. В. Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.117-126

The Legal Paradigm for Protecting the Rights of the Digital Object Owner

Albert V. Tumakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the general theoretical and civilistic construction of subjective law. Analyzing the general options for possible behavior of legal entities, such as the right to commit their own actions, the right to demand the fulfillment of a legal obligation, the right to apply to a competent state body for protection, the author concludes that the structure of legitimate behavior of participants in civil transactions in relation to digital objects is identical. In order to clarify the foundations of the functioning of the digital environment and the specifics of the protection of subjective rights in the digital environment, the extrapolation method is used and

the possibility of extending the general civil law principles to relations arising in the digital space is considered. The paper substantiates the expediency of applying general civil law principles to disputes arising in connection with the violation of subjective rights in the digital environment. At the same time, the author argues that such principles do not take into account all the specifics of the interaction of subjects, and therefore formulates special principles: the principle of total accounting for actions, the principle of using agreed technologies, and the principle of access control. The paper also provides a scientific search for an answer to the question of whether the grounds for the emergence of subjective rights coincide with the grounds for their protection. The author substantiates the affirmative answer in connection with the correlation of new objects of civil transactions with the general provisions of civil law. The author formulates additional conditions for the implementation of the mechanism for the protection of the relevant digital right.

Keywords: digital object; digital property; subjective rights; protection of civil rights; judicial protection; owner of a digital object; principles of protection of digital objects

Cite as: Tumakov AV. The Legal Paradigm for Protecting the Rights of the Digital Object Owner. *Lex russica*. 2025;78(10):117-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.117-126

Введение

Защита гражданских прав — один из базовых институтов гражданского законодательства, нормы которого определяют порядок и способы защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав. Возможность защищать свои права и интересы различными легальными способами, предоставленная правовой системой субъектам гражданского права, является важнейшим элементом гражданского и процессуального права. Неслучайно Л. А. Чеговадзе и Т. В. Дерюгина отмечают, что право, не имеющее защиты, есть фикция¹. В условиях формирования новой правовой парадигмы, охватывающей цифровые объекты, вопросы защиты прав обладателя цифрового объекта приобретают большую актуальность.

Само субъективное право в теории права² понимается как гарантируемая и обеспеченная правом мера возможного (дозволенного) поведения участника правоотношения для удовлетворения своих законных интересов, включающая в себя несколько вариантов возможного поведения:

1) право участника правоотношения собственными действиями удовлетворять свои законные интересы;

2) право участника правоотношения требовать исполнения юридической обязанности другой стороной правоотношения;

3) право участника правоотношения обратиться в компетентный государственный орган за защитой своего нарушенного или оспоренного права.

В конструкции «возможного поведения» субъективные права известны отечественной цивилистике³ давно, и в этой части нужно отметить теорию субъективного права, разработанную С. Н. Братусем⁴, который отмечает, что «... содержание субъективного права заключается не только в том, что запрещено делать обязанному лицу, но и в поведении, дозволенном субъекту. Одно невозможно без другого, и в том и в другом случае речь идет об определенном поведении лиц, являющихся субъектами юридического отношения».

Цифровые объекты являются сравнительно новыми объектами для российского правового порядка. В частности, в ст. 128 ГК РФ (объекты гражданских прав) появился новый вид — цифровые права, которые относятся к имущественным правам. Стоит отметить, что отнесение цифровых прав к имущественным правам вступает в противоречие со ст. 141.1 ГК РФ, относящей их к правам обязательственным.

¹ См.: Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // *Цивилист*. 2022. № 2. С. 37–38.

² См.: Чечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. С. 155.

³ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву*. 4-е изд. М., 2020.

⁴ Братусь С. Н. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» // URL: <https://clck.ru/3MsYk2> (дата обращения: 20.06.2025).

Однако с точки зрения поведения управомоченного субъекта ни положения гражданского законодательства, ни положения специального законодательства, применимые к цифровым правам, не выходят за рамки указанной модели поведения. И в этой связи субъективные права как именно имущественные права, существующие в определенной цифровой среде, также можно определять в качестве меры возможного (дозволенного) поведения участника правоотношения для удовлетворения своих законных интересов в отношении определенного объекта, т.е. конкретного имущества, существующего в определенной среде (цифровой) или форме (неовещественной).

В подтверждение этого говорит содержание утилитарного цифрового права, определенное статьей 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которое включает в себя в том числе следующие полномочия правообладателя:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Аналогичная возможность заложена в конструкции восстановления нарушенных цифровых прав через обращение правообладателя к оператору информационной системы, в которой ведется учет цифровых активов, предусмотренной статьей 14.1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о ЦФА).

Соответственно, в части прав на цифровые объекты конструкция правомерного поведения в гражданском обороте тождественна действиям участников правоотношений и в отношении иных видов прав, с учетом наличия цифровой среды.

Однако возникновение у лица какого-либо субъективного права само по себе сразу не влечет необходимость его защиты. Защита становится актуальной в момент нарушения права, поскольку в отсутствие надлежащей и эффективной защиты субъективное право может прекратиться.

Комментируя содержание субъективного права, Д. М. Генкин отмечает, что «...субъективное право — это обеспеченная законом возможность определенного поведения данного лица, носителя субъективного права, с которым корреспондирует обязанность других лиц и возможность при нарушении субъективного права обратиться к принудительной силе государственных органов...»⁶.

Соответственно, защита субъективного права (имущественного или личного) является не только отдельным специальным актом субъектов правоотношения или заинтересованных лиц, но и может рассматриваться как элемент или механизм защиты любого права, обеспечиваемый юрисдикционными или неюрисдикционными способами защиты, который начинает работать при условии нарушения права или при угрозе такого нарушения.

В этом значении защита гражданских прав является одним из базовых элементов нормально функционирующего правопорядка.

Для государства как регулятора социальных отношений эта функция защиты выделяется правоведами в отдельную государственную (правоохранительную⁷) деятельность. Однако в теории гражданского права имеются очевидные пробелы, связанные как с отсутствием нормативного определения понятия «защита», так и с определенным смешением понятий «охрана» и «защита».

Трансформация гражданского оборота, произошедшая по причине цифровизации социальных отношений, не только породила новые объекты гражданского оборота (например, цифровые права), но и поставила перед теорией гражданского права вопросы, например о том, по каким основаниям начинают работать существующие механизмы защиты субъективных прав, а также прав, возникающих в цифровой

⁵ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

⁶ Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 126.

⁷ Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. С. 98.

среде, и отличаются ли эти основания от традиционно известных механизмов.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что ответ является дискуссионным в юридической науке. Е. А. Суханов, в частности, пишет: «...эффективность средств гражданско-правовой защиты прав и интересов обладателей цифрового имущества предопределяется юридическими особенностями зафиксированных в нем имущественных прав (корпоративных, обязательственных, исключительных), а не техническими особенностями их фиксации или способами их осуществления (что, в частности, подтверждается неудачным опытом применения “виндикации бездокументарных акций”)...»⁸. В этом тезисе представляется верным анализировать основания защиты прав на цифровые объекты в контексте утверждения о том, что в целом они совпадают с общими основаниями защиты субъективных гражданских прав, а «цифровая среда» и «технологии» выступают лишь техническими особенностями рассматриваемого процесса. Применение такого подхода обусловлено необходимостью сближения науки гражданского права с жизнью. Как писала Е. А. Флейшиц, «необходимым условием дальнейшего развития науки советского гражданского права является усиление ее связи с жизнью, с теми хозяйственными задачами, которые выдвигаются коммунистическим строительством, практикой советского экономического оборота, судебной и арбитражной практикой»⁹. Изменения общественных отношений за последние несколько десятилетий демонстрируют эту необходимость как нельзя лучше: многие явления реальной жизни до сих пор не нашли своего отражения в частном праве.

Для комплексного анализа рассматриваемой темы представляется необходимым ответить на несколько вопросов:

— Каковы принципы защиты нарушенных субъективных прав в цифровой среде?

— Является ли возникновение любого субъективного права в цифровом гражданском обороте основанием для его защиты (т.е. со-

впадают ли основания возникновения прав с основаниями для их защиты)?

Вопросы эти важны по той причине, что, с одной стороны, как было описано выше, круг субъектов цифрового гражданского оборота в целом совпадает с кругом субъектов гражданского оборота, с другой стороны — отношения между субъектами подлежат более глубокому изучению с учетом их осложнения цифровым и информационным элементами. Видится, что данный вывод в равной степени может быть применен и в отношении оснований и механизмов защиты гражданских цифровых прав.

Ряд исследователей, основываясь на нормах применимого законодательства, выдвигает предположение, что в отношении цифровых прав условиями и основаниями их защиты является не только факт возникновения права, но и соблюдение определенных процедур владельцем цифрового права¹⁰.

Эта проблематика будет рассмотрена более подробно далее, однако необходимо отметить, что практика оборота цифровых объектов и сходных с ними объектов, прежде всего криптовалют, показывает, что такой подход в ряде случаев является обоснованным и отражен в правовом регулировании.

Принципы защиты прав обладателя цифрового объекта

Для анализа оснований охраны субъективных прав на цифровые объекты имеет значение институт принципов защиты гражданских прав. Принципы — фундамент любой отрасли права, поскольку в них отражается общая мысль отрасли и направление, заложенное законодателем¹¹. На базе принципов в нормативное регулирование внедряются конкретные механизмы защиты прав участников оборота.

Руководствуясь доктринальными подходами к принципам гражданского права и оборота в общегражданском значении, можно выделить следующие тезисы, применимые в отношении гражданского оборота цифровых объектов:

⁸ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе цифрового имущества // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 10.

⁹ Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. 2. С. 144.

¹⁰ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 111–112.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Избранное. М. : Статут, 2017. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. С. 16.

1. *Добросовестность и разумность действий участников гражданского оборота.* Закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. Специальное законодательство не имеет оговорок о действиях субъектов правоотношений в таком качестве, но в условиях недостаточного нормативного регулирования именно на основе трактовки этого принципа может быть осуществлена защита прав участников оборота цифрового имущества. Принцип добросовестности активно исследуется В. В. Голубцовым, который отмечает, что данная категория опирается на объективные стандарты, закрепленные в законодательстве¹². Согласимся с тем, что законодатель определяет некоторые границы добросовестного поведения — это ожидаемое от участника гражданского оборота поведение при сравнимых обстоятельствах. Однако цифровая среда диктует свои правила поведения, отличные от тех, которые присущи физическому миру.

В связи с этим автор считает уместным обратиться к иному подходу, согласно которому добросовестность — понятие не правовое, поэтому должно рассматриваться через призму свойств общественных отношений¹³. С одной стороны, такой подход позволяет взглянуть на добросовестность в более широком контексте, с другой стороны, он растворяется и нивелируется в нормах ГК РФ, где четко отражен правовой дискурс рассматриваемой категории. Другие авторы объясняют значение добросовестности через презумпцию. По этому поводу В. В. Кулаков пишет: «Одновременное закрепление в ГК РФ добросовестности как основного начала гражданского законодательства и презумпции представляется нелогичным»¹⁴. Автор статьи убежден в состоятельности принципа добросовестности и необходимости его экстраполяции на правоотношения в цифровой среде. Его реализация имеет особенности, обусловленные спецификой самих общественных отношений. Так, А. А. Волос отмечает следующие особенно-

сти реализации данного принципа в цифровой среде: повышенные стандарты предоставления информации контрагенту; возможное ужесточение последствий за непредоставление необходимой информации; рассмотрение интерфейса как обстоятельства, влияющего на оценку добросовестного поведения¹⁵.

2. *Запрет причинения вреда.* В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление в иных формах. Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. С учетом того, что гражданский оборот цифровых объектов регулируется в основном смешанным способом, при котором часть регуляторных полномочий закреплена в договорных формах участников оборота (правилах информационной системы или правилах обмена цифровыми активами), этот принцип важен для защиты приобретателей прав в их отношениях с создателями и организаторами оборота цифрового имущества.

Значение рассматриваемого принципа сложно переоценить в условиях возрастающих рисков: применение технологий искусственного интеллекта, возникновение новых цифровых объектов. Неслучайно был принят Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”»¹⁶, устанавливающий особый механизм возмещения вреда, причиненного в результате использования технологии искусственного интеллекта (в рамках экспериментальных правовых режимов). Представляется, что это один из примеров того, как может развиваться принцип запрета причинения вреда применительно к отношениям по поводу новых объектов.

3. *Право на судебную защиту.* Из ст. 11 ГК РФ следует, что судебная защита граждан-

¹² См.: Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

¹³ См.: Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6.

¹⁴ Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185.

¹⁵ Волос А. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex russica. 2023. № 6 (199). С. 135–136.

¹⁶ Российская газета. № 152. 12.07.2024.

ских прав осуществляется независимо от того, имеется ли соответствующее указание в применимом законодательстве. В части цифровых объектов с учетом определенной незавершенности правового регулирования этот принцип играет важную роль, хотя в отдельных случаях он применяется с ограничениями (речь идет о декларировании факта владения цифровой валютой как необходимым условии судебной защиты).

4. Запрет ограничения прав и свобода их осуществления. Статья 9 ГК РФ в целом определяет, что субъекты прав свободны в их реализации, а отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В настоящее время использование большей части субъективных прав на цифровые объекты осуществляется делегированно — через правила и функционал информационной системы, в которой эти права учитываются. Технические особенности функционирования таких систем (в том числе функционирующих по принципу смарт-контракта и свободного выбора) могут приводить к незнанию или неосознанному отказу от реализации прав.

С учетом анализа специального законодательства представляется возможным выделить несколько отдельных принципов защиты прав на цифровые объекты, значимых именно в цифровом аспекте.

1. Принцип тотального учета действий. Этот принцип возможно сформулировать с учетом уже приведенного критерия существования защиты прав на цифровые объекты с учетом их регистрации (и с момента такой регистрации) в информационной системе. Однако с учетом происходящей цифровизации не только рассматриваемого сегмента, но и всего гражданского оборота и инструментов, им используемых в части фиксации юридических фактов, целесообразно говорить о том, что любое действие любого участника правоотношения должно быть зафиксировано в объеме, достаточном для доказывания любого юридического факта.

2. Принцип использования согласованных технологий. Данный принцип реализуется через установленные в применимом законодательстве условия фиксации прав на цифровые объекты только с использованием определенных законом систем и технологий. Информационная система, в которой ведется учет цифро-

вых прав, должна быть в обязательном порядке согласована с уполномоченным органом и должна отвечать определенным техническим требованиям.

3. Принцип контроля доступа. Статья 4 Закона о ЦФА определяет, что одним из качеств приобретателя цифрового актива является наличие доступа к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, посредством обладания уникальным кодом для допуска в систему, позволяющего приобретателю получать информацию о цифровых финансовых активах, которыми он обладает, а также распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами посредством использования информационной системы.

Данный принцип имеет крайне важное значение для оборота цифрового имущества, поскольку именно через доступ к информационной системе обеспечивается фиксация соответствующего права. Именно обязанность идентификации и аутентификации субъекта (в качестве лица, выпускающего цифровые финансовые активы, обладателя цифровых финансовых активов, оператора обмена цифровых финансовых активов, номинального держателя цифровых финансовых активов, иностранного номинального держателя цифровых финансовых активов) позволяет избежать проблем, связанных с дистанционным и анонимным распоряжением имуществом.

Условия и основания защиты права обладателя цифрового объекта

Термин «основание защиты права» в частноправовом значении может быть определен как совокупность условий и обстоятельств, при наступлении которых реализуются механизмы защиты права, превентивные или деликтные, работающие при его нарушении.

С учетом возможности превентивной защиты права одним из условий его защиты следует считать факт наличия самого права — в его объективном или субъективном понимании.

При определении момента защиты субъективного права после его появления (возникновения) важны общие основания возникновения гражданских прав, которые заложены в ст. 8 ГК РФ. Согласно указанной норме, гражданские права и обязанности возникают:

— из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных

сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему;

— из решений собраний в случаях, предусмотренных законом;

— из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей;

— из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности;

— в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом;

— в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности;

— вследствие причинения вреда другому лицу;

— вследствие неосновательного обогащения;

— вследствие иных действий граждан и юридических лиц;

— вследствие событий, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Определяя основания возникновения гражданских прав в ГК РФ, законодатель не выделяет каких-либо специальных оснований для возникновения прав на цифровые объекты в гражданском обороте. К ним в целом применим тот же подход к классификации оснований возникновения, как и к любым иным субъективным правам, возникающим вне цифровой среды.

Самым распространенным основанием для возникновения прав на цифровые объекты можно считать договоры и сделки. Так, большая часть эмиссионных решений российских эмитентов цифровых финансовых активов (ЦФА) в 2023–2024 гг. в качестве основания для возникновения прав на ЦФА определяет заключение договора купли-продажи ЦФА посредством акцепта оферты эмитента приобретателем права¹⁷.

Порядок и условия заключения такого договора должны быть отражены в правилах информационной системы оператора обмена цифровых активов.

Например, в правилах информационной системы ООО «Системы распределенного реестра»

определено, что «...пользователи вправе заключать любые предусмотренные законодательством Российской Федерации сделки, связанные с ЦФА... Пользователи могут распоряжаться ЦФА посредством заключения договоров купли-продажи ЦФА через оператора, который посредством технологических решений ИС обеспечивает совершение таких сделок путем сопоставления разнонаправленных заявок на покупку и заявок на продажу...»¹⁸.

Однако глава 2 подразд. 1 ч. 1 ГК РФ не содержит специальных условий для возникновения (и защиты) прав на цифровые объекты. Принятое для регулирования оборота цифровых объектов законодательство закрепляет ряд условий, применяемых в разрезе видов используемого объекта. В частности, в отношении цифровых финансовых активов Законом о ЦФА определено, что права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу.

То есть права на определенное имущество, удостоверенные цифровым активом, возникают тогда (и очевидно — при условии), когда они зарегистрированы уполномоченным законом лицом в легально зарегистрированной информационной системе. В отсутствие таковой регистрации, даже при наличии заключенного договора купли-продажи цифрового актива, права на него не будут считаться перешедшими приобретателю.

Иная по смыслу конструкция заложена законом и в отношении цифровых валют. Условием выпуска (т.е. эмиссии) цифровой валюты являются действия с использованием объектов российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации, направленные на предоставление возможностей использования цифровой валюты третьими лицами. То есть условием легальной эмиссии цифровой валюты будут не только действия уполномоченного лица, но и локализация используемого в процессе эмиссии оборудования и программного обеспечения

¹⁷ Решение о выпуске цифровых финансовых активов VTBF15 // URL: <https://clck.ru/3Msq9i> (дата обращения: 21.06.2025).

¹⁸ Правила информационной системы ООО «Системы распределенного реестра» // URL: <https://clck.ru/3MsqGL> (дата обращения: 21.06.2025).

исключительно на территории Российской Федерации.

Статья 14 Закона о ЦФА также определяет, что требования, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и налогах и сборах.

Таким образом, в частном и практическом смысле основания защиты прав на цифровые объекты совпадают с общими основаниями защиты гражданских прав с учетом того обстоятельства, что специальное законодательство в области оборота цифрового имущества устанавливает ряд условий для получения легальной защиты.

Е. В. Вавилин отмечает, что «...защиту прав необходимо ставить в прямую зависимость от легитимности действий участников отношений в информационной-телекоммуникационной системе, строгого следования всем установленным законом процедур осуществления прав. То есть безусловное соблюдение всех установленных законом процедур должно быть непреложным условием возникновения права на защиту...»¹⁹.

С учетом ранее приведенных положений специального законодательства (о регистрации права в информационной системе и о необходимости декларирования права как условия его защиты) можно сделать вывод о том, что в отдельных случаях закон связывает основания защиты прав и охраняемых законом интересов с соблюдением легальных процедур, в отсутствие которых объект не подлежит защите.

Однако с учетом специфики цифровых объектов целесообразно выделить несколько дополнительных условий, необходимых для реализации механизма их защиты. Такими условиями можно считать следующие:

1) наличие у обладателя цифрового объекта специального статуса;

2) соблюдение обладателем цифрового объекта определенных процедур (правомерное поведение);

3) использование в процессе защиты права на цифровой объект определенных технологий и процедур досудебного урегулирования споров.

Заключение

Защита субъективных гражданских прав занимает важное место в ряду дозволенного поведения участников гражданского оборота. С развитием технологического прогресса вопросы защиты субъективных прав получают новый виток актуальности и потому привлекают взгляды не только исследователей, но и законодателя. Несмотря на то что привычные механизмы и принципы гражданского права вполне применимы к отношениям в цифровой среде, такие нормы не учитывают специфику информационных систем и специфику установления связей между субъектами. Автором выработаны специальные принципы защиты субъективных прав в цифровой среде, к числу которых относятся: принцип тотального учета действий, принцип использования согласованных технологий, принцип контроля доступа. Представляется, что построение на данных принципах механизма защиты субъективных прав обладателей цифровых объектов позволит сформировать более понятную судебную практику и будет способствовать развитию новой цивилистической парадигмы, которая в настоящее время находится на самых ранних стадиях формирования. Руководствуясь обозначенными принципами, автором сформулированы дополнительные условия (наряду с общеизвестными) реализации механизма защиты соответствующего права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братусь С. Н. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» // URL: <https://clck.ru/3MsYk2> (дата обращения: 20.06.2025).

Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 110–121.

¹⁹ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 115.

- Волос А. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // *Lex russica*. 2023. № 6 (199). С. 128–137.
- Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // *Вестник гражданского права*. 2022. № 4. С. 123–136.
- Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // *Российский юридический журнал*. 2020. № 2. С. 142–150.
- Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву*. 4-е изд. М., 2020.
- Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. № 4. С. 185–192.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе цифрового имущества // *Вестник гражданского права*. 2021. № 6. С. 7–29.
- Теория государства и права : учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 539 с.
- Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2015. 720 с.
- Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. 330 с.
- Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // *Цивилист*. 2022. № 2. С. 37–42.
- Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с.

REFERENCES

- Bratus SN. Selected works on civil law: From the history of civil thought. Civil law relations. Criticism of the theory of «economic law». Available at: <https://clck.ru/3MsYk2> [cited 20 June 2025]. (In Russ.).
- Chegovadze LA, Deryugina TV. On the goals and methods of protecting civil rights. *Tsivilist*. 2022;2:37-42. (In Russ.).
- Fleishits EA. Selected works on civil law: In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).
- Genkin DM. Property law as an absolute subjective right. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2022;4:123-136. (In Russ.).
- Golubtsov VG. The principle of good faith and the meaning of civil legislation: The logic of legislative changes and the tasks of law enforcement. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2020;2:142-150. (In Russ.).
- Ioffe OS. Legal relations under Soviet civil law. Selected works on civil law. 4th ed. Moscow, 2020.
- Kulakov VV. Basic principles of civil law as a special form of law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2013;4:185-192. (In Russ.).
- Pigolkin AS, editor. Theory of the State and Law: A textbook for law schools. Moscow: Gorodets Publ.; 2003. (In Russ.).
- Shershenevich GF. Selected works. Vol. 5. Textbook of Russian civil law. Foreword, compiled by P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.). Vol. 5.
- Sukhanov EA. On the civil nature of digital property. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Tsechoev VK, Shvanderova AR. Theory of the State and Law: A textbook. Moscow: Prometey Publ.; 2017. (In Russ.).
- Vavilin EV. Implementation and protection of civil rights in the context of digital transformation of relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2024;53:110-121. (In Russ.).
- Volos AA. Difficulties in principle of good faith implementation in the conditions of digitalization of civil transactions. *Lex russica*. 2023;6(199):128-137. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумаков Альберт Владиславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
д. 12, Академика Волгина ул., г. Москва 117437, Российская Федерация
albert-tumakov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert V. Tumakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
albert-tumakov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 10.11.2024.

Revised 10.09.2025.

Accepted 15.09.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.127-145

С. Л. Кисленко

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Киберфизическая модель современного энергетического сектора и актуальные проблемы информационной безопасности

Резюме. В условиях индустрии 4.0 технологический прогресс является главным вектором развития промышленности. Энергетическая отрасль государства стремительно прогрессирует в первую очередь за счет формирования интеллектуальных энергосетей нового поколения, исходящих из передовых двусторонних коммуникаций между элементами электрических сетей, электрическими станциями, аккумулирующими источниками и потребителями (Smart Grid). Однако новая энергетическая концепция передачи и распределения энергии связана с определенными рисками. Среди последних в связи с повышением уровня компьютеризации и интеллектуализации энергетики особое место занимают угрозы кибербезопасности. Энергетические системы России в условиях вооруженного конфликта и санкционной политики всё чаще подвергаются кибератакам. Применительно к функционированию предприятий энергетической сферы одним из ключевых объектов кибератак выступают критические информационные инфраструктуры. С момента СВО данные атаки осуществляются кибернаемниками (и их группировками), которые привлекаются разными недружественными и запрещенными в России структурами в целях дестабилизации энергетической системы нашего государства. Поскольку от функционирования объектов критической информационной инфраструктуры зависит национальная безопасность страны, актуализируются вопросы своевременного пресечения подобных атак.

Ключевые слова: энергетика; национальная безопасность; информационная безопасность; умные сети (Smart Grid); критические информационные инфраструктуры; кибератаки

Для цитирования: Кисленко С. Л. Киберфизическая модель современного энергетического сектора и актуальные проблемы информационной безопасности. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 127–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.127-145

The Cyberphysical Model of the Modern Energy Sector and Current Problems in Information Security

Sergey L. Kislenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the context of industry 4.0, technological progress is the main vector of industrial development. The state's energy industry is rapidly progressing, primarily due to the formation of new-generation intelligent power grids based on advanced two-way communications between elements of electric networks, electric power plants, storage sources and consumers (Smart Grid). However, the new energy concept of energy transmission and distribution is associated with certain risks. Cybersecurity threats occupy a special place among the latter due to the increasing level of computerization and intellectualization of energy. Russia's energy systems are increasingly being subjected to cyber attacks in the context of armed conflict and sanctions policy. In relation to the functioning of energy sector enterprises, critical information infrastructures are one of the key targets of cyber attacks. Since its launch, these attacks have been carried out by cyber-mercenaries (and their groups), who are attracted by various unfriendly and banned structures in Russia in order to destabilize the energy system of our

© Кисленко С. Л., 2025

state. Since the national security of the country depends on the functioning of critical information infrastructure facilities, the issues of timely suppression of such attacks are becoming relevant.

Keywords: energy; national security; information security; Smart Grid; critical information infrastructures; cyber attacks

Cite as: Kislenco SL. The Cyberphysical Model of the Modern Energy Sector and Current Problems in Information Security. *Lex Russica*. 2025;78(10):127-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.127-145

Введение

Одним из ключевых критериев функционирования современного государства является его способность обеспечивать национальную безопасность. Важной составляющей последней выступает энергетическая безопасность, поскольку обеспечение населения энергией определяет устойчивость развития любого государства, защиту экономических, социальных, экологических и других ресурсов. В Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации¹ понятие «энергетическая безопасность» рассматривается через призму состояния защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных отечественным законодательством требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств. Такой расширенный подход к пониманию энергетической безопасности во взаимосвязи с остальными элементами национальной безопасности государства вполне обоснован. Объясняется это отчасти тем, что в условиях современных геополитических и экономических вызовов посягательства на состояние стабильного функционирования энергетической системы России наносят ей непоправимый вред. Это может выражаться в экономических потерях (например, падении привлекательности отечественного энергетического сектора для внешних инвесторов, угрозе невыполнения контрактных обязательств и неполучения запланированных доходов), политических (утрате доверия у потенциальных потребителей или транзитных государств), социальных всплесках (из-за падения стабильности обеспечения национальной инфраструктуры энергоресурсами) и пр.

В современных геополитических реалиях — проведение специальной военной операции (СВО) и санкционная политика западных держав в отношении России — именно внешние и трансграничные угрозы ставят отечественную энергетику перед лицом неизбежных инновационных изменений. Они должны быть направлены на обеспечение противодействия угрозам и минимизацию ущерба энергетической сфере, полученного в результате актов незаконного вмешательства. При этом недостаточная готовность организаций энергетического комплекса к функционированию в случае реализации военно-политических вызовов, постоянная модификация технологий террористической и диверсионной деятельности со стороны злоумышленников, стремительное развитие цифровизации и автоматизации производства создают плодородную почву для появления всё новых угроз инфраструктуре и объектам отечественной энергетики.

Анализ «жизнеспособности» объектов энергетики в условиях цифровизации

События последних лет заставляют в целом пересмотреть традиционные подходы к технологиям обеспечения безопасности. На первый план выходит концепция защищенности и жизнеспособности объектов и инфраструктуры (особенно критической) энергетической системы в случае реализации угроз, призванная обеспечить устойчивость таких объектов не только к физическому вмешательству, но и к кибернетическим угрозам.

В этом аспекте серьезным вызовом безопасности в энергетической области являются процессы цифровизации и автоматизации в рамках интеллектуализации ее отраслей. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140884/#review> (дата обращения: 25.08.2024).

исходит из необходимости внедрения цифровых технологий в электроэнергетику, нефтегазовую, угольную отрасли. В частности, речь идет о поступательном развитии технологии Smart Grid («умная сеть») — интеллектуальных электрических сетей, отражающих связь между разными участниками энергетического рынка (производителями, потребителями, транспортными ресурсами энергоресурсов). В данной технологии важная роль отводится активно-адаптивным сетям, имеющим принципиально новые свойства. А именно интеллектуальным устройствам, обеспечивающим интеграцию потребителей и поставщиков энергоресурсов в целостную автоматизированную управляемую систему. По сути, речь идет о формировании киберфизических моделей в разных отраслях энергетики, обеспечивающих синтез информационно-коммуникационных и физических (технологических) компонентов в единую управляемую систему. В частности, создание «умных сетей» предусмотрено Стратегией развития электросетевого комплекса Российской Федерации на период до 2030 года². Проект должен пройти последовательные стадии от системы интеллектуального учета Smart Metering до системы «Умный город» (с дистанционным управлением сетями, доступом к информации и ее мониторингом в режиме реального времени, автоматизацией управления интеллектуальными приборами, распределением энергии и самовосстанавливаемостью сетей)³.

С одной стороны, переход электросетей на работу по принципу технологии Smart Grid позволит автоматизировать учет энергоресурсов, тем самым оптимизировать их поток и минимизировать, например, факты хищения. С другой стороны, от работы Smart Grid будет зависеть электроснабжение отдельных террито-

рий, населения, социально значимых объектов, транспортной инфраструктуры и др. При этом усложнение архитектуры электро-энергетических систем за счет функционирования различных взаимозависимых и взаимодействующих между собой компонентов закономерно приводит к увеличению количества потенциальных киберуязвимостей. Следует констатировать, что автоматизация производственных процессов, возможность удаленного управления, несомненно, повышают риски компьютерных атак на объекты информационной инфраструктуры и сети связи, используемые для организации их взаимодействия, способные привести к нарушениям функционирования инфраструктуры и объектов энергетического комплекса.

По данным Kaspersky ICS Cert, в 2021 г. кибератаками было заблокировано 32,4 % компьютеров автоматизированных систем управления (АСУ) в энергетической отрасли по всему миру⁴. Кибератаки в основном реализовывались на уровне аппаратного и программного обеспечения управления компонентами информационно-коммуникационной и технологической систем объектов энергетики в целях нарушения как функции управления, так и работы отдельных объектов энергетики в целом (в частности, для вывода их из строя). Согласно статистике Global Terrorism Database первостепенными целями террористической деятельности в системе топливно-энергетического комплекса (ТЭК) выступают объекты электроэнергетики⁵. Уязвимость электроэнергетических объектов объясняется отчасти тем, что данная отрасль довольно медленно обновляет инфраструктуру и программное обеспечение. По данным отдельных исследований, четверть уязвимостей (25,35 %) в энергетических отраслях связана с отсутствием обновле-

² Внедрение умных сетей происходит в рамках плана мероприятий («дорожной карты») Национальной технологической инициативы по направлению «Энерджинет».

³ Примером может служить концепция цифровой трансформации компании «Россети», в результате которой за 2017–2020 гг. было введено в работу 84 цифровые подстанции, работающие без персонала, 38 цифровых районов электросетей, 22 цифровых центра управления сетями и установлено более 2 млн умных счетчиков (см.: *Заединов А. В.* Перспективы и вызовы цифровой трансформации российской энергетики: от оптимизации до Интернета энергии // *Глобальные вызовы и национальные экологические интересы: экономические и социальные аспекты* : сборник материалов XVII Междунар. науч.-практ. конференции Российского общества экологической экономики (РОЭЭ/RSEE-2023). Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2023. С. 238).

⁴ См.: Сектор энергетики стал одной из основных мишеней кибератак // URL: <https://rg.ru/2022/05/17/sector-energetiki-stal-odnoj-iz-osnovnyh-mishenej-kiberatak.html> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵ См.: *Лаврухин М.* Терроризм в энергетической промышленности // *Энергетическая политика*. 2023. № 1. С. 24–37.

ний безопасности. В целом в России уязвима почти половина интернет доступных автоматизированных систем управления⁶. В связи с этим в современной юридической литературе справедливо отмечается, что цифровизация процессов контроля и управления в энергетических отраслях способствует появлению угроз кибернетических атак нового типа, проявляющихся не только в форме несанкционированного доступа к закрытой информации, но и в виде неизвестных ранее возможностей для диверсионных действий на расстоянии, в том числе организуемых с территорий других государств⁷. Яркий пример — сетевой вирус Stuxnet (2010 г.), запущенный с целью поражения автоматизированных систем управления отдельных производств. Вирус использовал уязвимости в ОС Windows, перехватывая и изменяя поток данных электростанций, аэропортов и промышленных предприятий (в частности, для воздействия на блоки управления газовыми центрифугами для получения обогащенного урана на стратегических объектах Ирана⁸). Примером многоступенчатых кибератак может служить семейство вредоносных программ Havex (2014 г.), которые использовались для целенаправленных атак в отношении АСУ компьютерных систем различных отраслей промышленности и получения несанкционированного контроля над ними. Данный вирус заражал официальные дистрибутивы SCADA-систем⁹, которые затем устанавливались на предприятиях, что позволило злоумышленникам получить контроль над АСУ предприятий в нескольких европейских странах¹⁰.

Концепция Smart Grid и интернета вещей в энергетике

Следует констатировать, что устоявшаяся концепция жизнеспособности, которая традиционно применялась к физической защите важнейших объектов инфраструктуры ТЭК, по мере развития цифровых технологий подлежит модификации. В настоящее время она должна включать в себя защиту от кибератак и возможность восстановления работоспособности систем в кратчайшие сроки после киберинцидентов¹¹.

Флагманская роль в обеспечении кибербезопасности объектов энергетики должна отводиться законодательной инициативе, поскольку без модификации нормативных источников практические средства и методы в сфере обеспечения информационной безопасности неэффективны. В данном направлении отечественным законодателем сделан ряд инновационных шагов. В частности, принят Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», следствием чего стало введение в УК РФ статьи 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»¹². Установлены требования к обеспечению защиты информации на разных уровнях (диспетчерском, автоматического управления и исполнительных устройств) АСУ критически важных и потенциально опасных объектов производства от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также

⁶ См.: *Массель Л. В., Воропай Н. И., Сендеров С. М., Массель А. Г.* Кибербезопасность как одна из угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4. С. 2–10.

⁷ См.: *Корнеев А. В.* Защита инфраструктуры ТЭК от новых средств кибернетического нападения. Опыт борьбы с дистанционным терроризмом // Энергобезопасность и энергосбережение. 2012. № 1. С. 5–10.

⁸ В конце сентября 2010 г. на иранском заводе по обогащению урана Stuxnet вывел из строя около 1 400 из 5 000 центрифуг, в которых шел процесс обогащения радиоактивного сырья.

⁹ SCADA (диспетчерское управление и сбор данных) является одной из ключевых технологий, используемых в Smart Grid. Основными функциями SCADA-системы являются мониторинг, управление и оптимизация работы Smart Grid, что важно для повышения ее эффективности, надежности и устойчивости.

¹⁰ См.: Исследование: уязвимости промышленных систем управления в 2014 году // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/pt/articles/258039/> (дата обращения: 11.10.2024).

¹¹ Несмотря на активизацию усилий властей, Россия всё еще далека от лидирующих позиций и занимает 40-е место в Рейтинге сетевой готовности (Network Readiness Index), характеризующем уровень развития информационно-коммуникативных технологий.

¹² Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I) ст. 4743.

иных неправомерных действий в отношении такой информации, в том числе от деструктивных информационных воздействий (компьютерных атак), следствием которых может стать нарушение функционирования АСУ¹³.

Однако практика правоприменения в анализируемом нами направлении сталкивается с целым рядом проблем как информационного, так и технологического порядка. Среди них — сложность изоляции АСУ предприятий от общей информационной инфраструктуры, что повышает риски внешних воздействий на компоненты АСУ; универсальность используемых в различных АСУ технологий и протоколов, что значительно расширяет возможности и способы несанкционированного проникновения; использование на отечественных предприятиях импортного программного обеспечения, а также отдельных элементов АСУ, содержащихся в открытом доступе в сети Интернет¹⁴. Кроме того, базовые компоненты АСУ (индустриальные протоколы, операционные системы) быстро устаревают и не обновляются¹⁵.

Еще один немаловажный фактор, отмеченный Комитетом ЭСКАТО и связанный с глобальной цифровизацией энергетического сектора, — взаимная зависимость доступа к Интернету и отдельных компонентов энергетических систем (например, «умные» счетчики, «умные» сети, системы диспетчерского управления и сбора данных, а также технологии блокчейн)¹⁶. Как правило, для таких устройств требуется рас-

пределенная автоматизация с помощью высокоскоростной, повсеместной и двусторонней цифровой связи. В современном мире это достигается с помощью технологии интернета вещей (Internet of Things, IoT)¹⁷. Последняя рассматривается как составная часть триады Четвертой промышленной революции — наряду с искусственным интеллектом и большими данными. Данная технология нацелена на объединение цифровой и физической реальности для обеспечения интерактивного сетевого подключения в режиме реального времени к пользователям и устройствам с помощью коммуникационных технологий, а также двустороннего обмена данными между приложениями. В частности, в сфере электроэнергетики технология IoT может быть использована для мониторинга и управления линиями электропередачи и подстанциями, а также отдельным оборудованием; для мониторинга энергосбережения, водоснабжения, температурного режима, освещения, систем мультимедиа в «умных» домах, а также для формирования отчетов¹⁸.

Однако при всей прогрессивности использования IoT в контексте Smart Grid очевидно, что данные технологии повышают риски угроз энергетической безопасности. По сути, Smart Grid в электроэнергетике можно рассматривать как большую киберсистему, включающую физические системы интеллектуальной сети (трансформаторы, выключатели, умные счетчики и т.д.) и интеллектуальные системы кон-

¹³ См.: приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 14.03.2014 № 31 «Об утверждении Требований к обеспечению защиты информации в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды» // Российская газета. 06.08.2014. № 175.

¹⁴ См.: *Вериго А. А., Цапко Г. П., Каташев А. С.* Оценка уязвимостей автоматизированных систем управления технологическими процессами // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-4. С. 47–48.

¹⁵ Российские АСУ, пройдя процедуру ввода в эксплуатацию, «опечатаются» и работают без обновлений многие годы. Жесткие регламенты и нормативные акты отдельных предприятий не позволяют вносить в уже сертифицированную систему какие-либо изменения даже в виде обновления операционной системы. В результате уязвимости не устраняются годами.

¹⁶ См.: Материалы третьей сессии Комитета ЭСКАТО по энергетике Экономического и Социального Совета ООН // URL: https://unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/CE_2021_1_R.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁷ Технология IoT позволяет обеспечить коммуникацию огромного количества устройств Smart Grid в режиме реального времени посредством единых стандартных протоколов связи (основанных на TCP/IP-совместимости).

¹⁸ См.: *Музыченко Г. Е., Музыченко В. Е., Музыченко В. В.* Применение интернета вещей (IOT) в энергетике // Энергетика: управление, качество и эффективность использования энергоресурсов : сборник трудов X Всерос. науч.-технич. конференции с междунар. участием. Благовещенск, 2022. С. 289.

троля и управления физическими объектами. А поскольку интернет вещей основан на телеметрии и телеуправлении, постольку управление и мониторинг физических объектов происходит дистанционно, как правило при помощи датчиков и сенсоров, подключенных к общему облачному или онлайн-сервису. Уязвимости в данной технологии могут быть использованы преступниками для манипуляций с данными, сгенерированными «умными» объектами. Например, получив несанкционированный доступ к коммуникационным сетям и микропроцессорным устройствам цифровой подстанции, злоумышленник способен привести оборудование к выходу из строя вследствие функционирования подстанции в режиме длительной неустраненной перегрузки.

Кроме того, не все разработчики систем «умный» дом, как и сами потребители, серьезно относятся к их защите. Как показывает практика, злоумышленники, выбрав в Интернете владельца установок Smart Grid, могут легко обойти авторизацию, удаленно установить дефектную прошивку, завладеть доступом к управлению параметрами системы, оказать физические воздействия (вплоть до выведения из строя «умных» устройств — холодильника, печи, кондиционера и пр.)¹⁹.

Как можно заметить, технологии интернета вещей и интернета энергии требуют трансформации устоявшихся средств и методов пресечения угроз информационной безопасности. На первый план выходят технологии защиты, обеспечивающие минимизацию рисков безопасности с учетом следующих основных аспектов: обеспечение информационной безопасности в целом; безопасность приложений; сетевая безопасность; безопасность интернет-приложений; защита ключевых информационных

систем объектов критических инфраструктур. Такой подход всецело отвечает руководящим указаниям в области кибербезопасности — ISO/IEC 27032:2012²⁰. Игнорирование данных ключевых положений информационной безопасности может привести к реальному воплощению киберугроз для современных интеллектуальных сетей и объектов с ними интегрированными. Такие угрозы могут выражаться в невыявленных ошибках в программном обеспечении; злонамеренных программных дефектах в микропроцессорных устройствах АСУ энергетических предприятий; кибератаках через внешние цифровые каналы связи; перехвате каналов телемеханики и телеуправления; ошибках персонала и пр. В результате это может приводить, как отмечается в литературе, к следующим последствиям в энергетических сферах: сбоям в работе алгоритмов функционирования информационных и управляющих систем энергообъектов; управляемым выводам из строя АСУ предприятий; встраиванию зловредного программного кода в системы управления; снятию систем защиты внешних каналов связи; заражению вирусами и др.²¹ В результате исследований отдельными авторами были выделены распространенные угрозы информационной безопасности Smart Grid: 26 % — угрозы на уровне персонала организаций; 30,5 % — на уровне приложений и баз данных; 30,5 % — на уровне сети и 13 % — на уровне мобильных устройств²².

Таким образом, компоненты защиты Smart Grid, по мнению большинства аналитиков, должны охватывать такие аспекты безопасности, как:

а) человеческий фактор — с целью защиты конфиденциальной информации от умышленных или непреднамеренных действий сотрудников или пользователей Smart Grid;

¹⁹ См.: Чайкин А. Чем опасны «умные» электросети // Защита информации. Инсайд. 2015. № 4. С. 40–42.

²⁰ Information technology — Security techniques — Guidelines for cybersecurity. Руководящие указания определяют активы киберпространства и заинтересованные стороны, угрозы, рекомендации и меры по обработке рисков. В качестве специфической меры выделены указания по координации действий и обмену информацией между организациями, формирующими киберпространство, самостоятельные действия которых не обеспечивают эффективную защиту от киберугроз.

²¹ См.: Духвалов А. П. Кибератаки на критически важные объекты — вероятная причина катастроф // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 3. С. 50–53 ; Осака А. Б., Панасецкий Д. А., Бузина Е. Я. Влияние кибербезопасности объектов электроэнергетики на надежность функционирования ЭЭС // Методические вопросы исследования надежности систем энергетики // Материалы Междунар. науч. семинара имени Ю.Н. Руденко. Вып. 67. Сыктывкар, 2016. С. 377–385.

²² См.: Пащенко И. Н., Васильев В. И., Гузаиров М. Б. Защита информации в сетях Smart Grid на основе интеллектуальных технологий: проектирование базы правил // Известия ЮФУ. Технические науки. 2015. № 5. С. 28–37.

б) приложения и базы данных — для защиты программных приложений, а также информационно-программных ресурсов и процессов, участвующих в их жизненном цикле;

в) сеть — с целью защиты от угроз, которые могут возникнуть в связи с проектированием и использованием сетей внутри предприятия или между предприятиями, а также между предприятием и пользователями;

г) мобильные устройства — с целью защиты от угроз, связанных с использованием GSM-сетей и мобильных телефонов²³.

Современные угрозы кибербезопасности

Особую опасность среди обозначенных угроз представляют кибератаки. Под компьютерной атакой законодатель понимает целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации²⁴. Целями подобных атак могут быть: создание сбоя в технологических процессах или отключение критически важных энергетических систем; физическое повреждение оборудования; аварии, утечки или даже взрывы на объектах энергетики; нарушение экономической стабильности в регионе; военные диверсии и др. Примером подобных компьютерных атак может служить атака на автоматические выключатели электроподстанций Украины (2015 г.), когда хакеры получили контроль над электросетью (взломав систему SCADA), что привело к массовому отключению подачи электроэнергии.

Интеллектуальная сеть, основанная на технологии IoT, может сталкиваться с целым комплексом компьютерных угроз. Применительно

к функционированию предприятий энергетической сферы одним из ключевых объектов кибератак выступают критические информационные инфраструктуры (КИИ) таких предприятий. Поскольку применительно к данным объектам информационная безопасность тесно переплетается с функциональной, постольку угрозы кибербезопасности могут спровоцировать конкретные физические нарушения в деятельности таких КИИ. Наиболее распространенными целями компьютерных атак являются следующие компоненты КИИ: элементы сбора данных и исполнительные устройства, программные логические контроллеры; автоматизированные системы диспетчерского управления, взаимодействующие с оборудованием, системы, собирающие данные о технологиях, и пр. В связи с этим риски угроз информационной безопасности могут быть связаны с разными уровнями КИИ — буферным (уровень выполнения политик управления), диспетчерским (уровень управления и мониторинга содержательных процессов), терминальным (уровень управления узловыми процессами и оборудованием)²⁵.

При этом риски безопасности многократно возрастают ввиду того, что наибольшее количество кибератак совершаются высокопрофессиональными злоумышленниками. В данной категории с момента СВО следует отдельно выделить кибернаемников (и их группировки), которые привлекаются разными недружественными и запрещенными в России структурами в целях дестабилизации энергетической системы нашего государства. Действия таких лиц в основном направлены на получение несанкционированного доступа к информационным системам организаций и предприятий различных отраслей КИИ для последующего выведения из строя объектов КИИ. Как отметил Президент России В. В. Путин, против нашего государства развязана масштабная война в киберпространстве²⁶. По мнению специалистов Национального координационного центра

²³ См.: Пашенко И. Н., Васильев В. И. Разработка требований к системе защиты информации в интеллектуальной сети Smart Grid на основе стандартов ISO/IEC 27001 и 27005 // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 12. С. 117–126.

²⁴ См.: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I) ст. 4736.

²⁵ См.: Петухов А. Н., Густин С. Ю. Эталонная модель безопасности критических информационных инфраструктур // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. СПб. : Санкт-Петербург. гос. электротех. ун-т ЛЭТИ имени В.И. Ульянова (Ленина), 2019. Т. 1. С. 243–246.

²⁶ См.: Путин заявил, что против России развязана война в киберпространстве // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/14686131> (дата обращения: 09.10.2024).

по компьютерным инцидентам Федеральной службы безопасности России, большинство атак на КИИ российских предприятий, которые проводились из разных стран, были четко скоординированы.

В большинстве своем кибератаки нацелены на IoT-приложения и взаимодействующие с ними АСУ предприятий. Для этого используются: DoS- и DDoS-атаки, сетевые черви, шпионские программы, трояны, вирусы, программы-вымогатели, рекламное ПО, целевой фишинг и пр. Такие атаки могут реализовываться на разных уровнях КИИ предприятий (диспетчерский, терминальный и пр.) в зависимости от их назначения. Например, применительно к современным цифровым подстанциям, наиболее уязвимыми к кибератакам являются компоненты их информационно-коммуникационных подсистем. Атаки на такие подсистемы могут привести к нарушению их управления и развитию аварийных ситуаций. В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что прямыми угрозами работоспособности цифровых подстанций являются типовые разновидности кибератак — «отказ в обслуживании» (DoS-, DDoS-атаки), внедрение вирусов и программного обеспечения с «закладками», подмена сигналов GPS и пр.²⁷

И это касается не только промышленных объектов, но и объектов социальной сферы. Практически любое оборудование, подключенное к Интернету или другим сетям передачи данных, подвержено хакерским атакам, так как при его эксплуатации используются программное обеспечение и электронные компоненты, которые потенциально могут содержать уязвимости. В частности, в 2009 г. эксперты компании IOActive пришли к выводам, что контроллеры Smart Grid могут быть использованы для распространения вредоносного кода. Такой код в руках хакеров может быть направлен на

отключение питания через контроллеры Smart Grid посредством функции удаленного отключения, которую поставщики электроэнергии используют для отключения электричества у своих клиентов²⁸. Хакеры могут также получить доступ к связи с диспетчером, к данным с разных датчиков и т.п. Так, в 2024 г. хакерская группировка из Восточной Европы атаковала российские компании через серверы, которые управляли лифтами в подъездах. Злоумышленники взламывали контроллеры, входящие в состав SCADA-систем, и размещали на них серверы, используемые в атаках на другие цели²⁹.

А учитывая, что некоторые устройства в энергетике могут контролироваться и настраиваться удаленно (например, «умные» счетчики или территориально размещенные датчики и приводы в распределительных подстанциях), злоумышленник может попытаться получить несанкционированные права доступа, чтобы использовать их, повреждая физические конкретные объекты (такие как трансформаторы)³⁰.

Компьютерные атаки на интеллектуальные сети зачастую сопряжены с DoS-, DDoS-атаками: злоумышленники перегружают информационную систему, которая перестает отвечать на запросы и пользователи не могут получить к ней доступ. В рамках интернет-электросетей DoS-, DDoS-атаки наиболее опасны в критические часы пик: они ставят под угрозу связь с большинством интеллектуальных счетчиков и при удавшемся отказе системы не позволяют администраторам получить доступ к ней. Примером выступает атака в отношении двух зданий в зимний период в целях их отключения от системы отопления и подачи горячей воды. DoS-атака переполнила поддельным интернет-трафиком систему управления коммуникациями. В результате система бесконтрольно с периодичностью в несколько минут перезагру-

²⁷ См.: Колосок И. Н., Коркина Е. С. Анализ кибербезопасности цифровой подстанции с позиций киберфизической системы // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2019. № 3. С. 121–129.

²⁸ См.: Электросети уязвимы для кибератак // URL: <https://haker.ru/2009/03/23/47562/> (дата обращения: 09.10.2024).

²⁹ См.: Хакеры атаковали российские компании через взломанные системы для лифтов // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/07/2024/6687f9af9a7947780a5d1a31?ysclid=m2ybeg8oyv774403520 (дата обращения: 10.10.2024).

³⁰ См.: Довгаль В. А., Довгаль Д. В. Проблемы и задачи безопасности интеллектуальных сетей, основанных на интернете вещей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия : Естественно-математические и технические науки. 2017. № 4. С. 140–147.

жалась, одновременно отказывая администраторам в удаленном доступе³¹.

Особую опасность представляют вредоносные программы, разработанные специально под определенный тип производства или производителя АСУ. Внедрив их в систему, злоумышленник может перехватывать управление технологическими параметрами производства, следствием чего может стать прерывание процессов, порча оборудования или даже опасность для людей и окружающей среды³².

Целью хакеров могут стать также учетные данные клиентов энергетической компании. В том числе и разработчиков систем управления, что не исключает реализацию повторных атак и на другие подобные АСУ аналогичных объектов энергетики.

Наибольшее количество уязвимостей среди компонентов АСУ предприятий энергетики приходится на SCADA-системы (87 % уязвимостей). Фактически на системе SCADA, позволяющей операторам удаленно в режиме реального времени отслеживать сотни различных процессов, держится вся современная промышленность. А поскольку эти системы имеют цифровое управление, постольку они становятся потенциальной мишенью для злоумышленников. Целями последних могут быть:

- нарушение нормальной работы систем SCADA, вызывающее сбои в технологическом процессе или отключение критически важных систем³³;
- причинение физического ущерба (например, изменение параметров управления на

электростанции может привести к перегреву оборудования или механическим отказам, что приведет к физическому повреждению и длительному простоя³⁴);

- криминальные мотивы (скомпрометированная система SCADA может привести к угрозе безопасности персонала, сообществ и окружающей среды — авариям, утечкам или даже взрывам);

- геополитические цели (например, сетевой червь Stuxnet был запущен в 2010 г. для саботажа ядерной программы Ирана путем нанесения физического ущерба его ядерной инфраструктуре)³⁵ и др.

Как правило, основным средством реализации атак на SCADA выступают специально разработанные вредоносные программы, а действия хакеров характеризуются высокой степенью профессиональной подготовки, конспиративностью. При этом начальные фазы таких атак обычно сопряжены с тщательным сбором информации об атакуемом объекте. Впрочем, SCADA-системы зачастую строятся на общедоступных платформах, которые имеют уязвимости. Поэтому, как отмечается в литературе, атаку может провести и начинающий хакер, использующий обычные или специализированные поисковые системы (вроде Shodan³⁶), позволяющие обнаруживать SCADA-системы, доступные через Интернет³⁷.

Кроме того, необходимо учитывать, что к ключевому тренду рынка современных систем HMI³⁸ относятся мобильные устройства, нацеленные на удаленный контроль производствен-

³¹ См.: Панин Д. Н., Бобков Е. О., Балашов Е. А. Анализ кибератак на критическую информационную инфраструктуру с IoT технологиями // Автономия личности. 2020. № 2. С. 58.

³² См.: Петухов А. Как защитить производство от киберугроз // Дайджест «Нефтегаз». 2020. № 17. С. 15.

³³ В 2011 г. хакеры взломали SCADA-системы двух американских ГЭС. В одном из случаев был выведен из строя насос и похищены учетные данные клиентов компании (см.: Хакеры взломали SCADA-систему одной из американских ГЭС // Search inform. URL: <https://searchinform.ru/blog/2011/11/18/hakeri-vzlomali-scada-sistemu-odnoj-iz-amerikanskih-ges/> (дата обращения: 09.10.2024).)

³⁴ В 2011 г. хакеры атаковали компьютерную систему управления одного из локальных американских водоканалов посредством неоднократного включения-выключения управляющей водяными насосами SCADA-системы, что привело к выходу из строя одного насоса (см.: Хакеры атаковали систему управления водоснабжением в США // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20111118/491983341.html> (дата обращения: 10.10.2024).

³⁵ См.: Небольшой сбой или техногенная катастрофа? Чем так страшны атаки на SCADA // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/543713.php> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁶ Shodan — поисковая система, которая индексирует устройства и сервисы, подключенные к Интернету: веб-камеры, маршрутизаторы, промышленные системы управления, умные устройства и серверы.

³⁷ См.: Яремчук С. Безопасность SCADA // Системный администратор. 2013. № 6. С. 46.

³⁸ HMI (Human Machine Interface) — это интерфейс, который обеспечивает взаимодействие человека с машиной. Если SCADA — это «мозг» системы, то HMI — это ее «лицо», отображающее информацию о работе оборудования в понятном для человека виде и позволяющее управлять им.

ными процессами. Такие технологии позволяют, например, инженеру на своем мобильном устройстве создавать дополнительные экраны, не связанные с экраном панели оператора. С их помощью он может контролировать удаленное оборудование. Одновременно с развитием таких технологий увеличились риски кибернетических угроз. По данным отдельных авторов, второе место среди киберуязвимостей компонентов АСУ предприятий энергетики занимают (наряду с SCADA-системами) системы человеко-машинного интерфейса (49 % от общего количества кибератак)³⁹. При этом более трети уязвимостей HMI (36 %) были связаны с такими инцидентами, как переполнение буфера, что позволяло злоумышленникам вызывать аварийное завершение или «зависание» программ и вело к отказу в обслуживании. При этом отсутствие глобальных стандартов для программного обеспечения HMI еще более усугубляет проблемы безопасности в этом аспекте⁴⁰.

Киберфизические системы и человеческий фактор

Помимо умышленных действий, вред могут причинить действия неумышленные. Главная уязвимость — «кибернеграмотность» персонала предприятий. В частности, сотрудник может пронести на предприятие съемный носитель, который был заражен за пределами сетей предприятия. В результате происходит вторжение вредоносной программы во внутренние системы, когда они подключаются к сетям для сбора данных, обновления ПО контроллеров или сенсоров.

Зачастую у сотрудников отсутствуют достаточные знания для работы с разными типами сетей на предприятии. Особенно халатно работники относятся к корпоративным сетям, поскольку они напрямую не связаны с АСУ

предприятия. Однако на данном уровне их и поджидают злоумышленники. Примером последствий подобной «киберхалатности» может служить кибератака на электросеть в Великобритании в 2017 г., которая была осуществлена с использованием поддельных электронных писем. С помощью фишинговой почты хакеры похитили пароли и ключевую информацию об управлении энергетической сети Великобритании. Целью атаки было выведение из строя сети электропитания путем проникновения в систему SCADA. Этот пример свидетельствует о том, что угрозы информационной безопасности связаны не только с уязвимостями в системах Smart Grid, но и с такими человеческими факторами, как низкая компьютерная грамотность и пренебрежение мерами, обеспечивающими кибербезопасность. Отчасти это обусловлено недостаточным внедрением в энергетический сектор информационного аудита, тестирования на проникновение, сканирования уязвимостей, скрининговых проверок, тренинга персонала и т.д.

Отдельно стоит еще раз упомянуть о Руководящих указаниях по кибербезопасности (ISO/IEC 27032:2012), в пункте которых «Обучение и доведение до сведения персонала» организациям рекомендуется уделять время для повышения компетентности персонала в вопросах кибербезопасности. Содержанием этого обучения должны быть такие вопросы, как фишинг, угрозы из социальных сетей, причины атак и роль сотрудников в борьбе с ними, ряд других аспектов информационной безопасности.

Политика кибербезопасности

В свете последних геополитических событий и последовавших за ними санкций остро встает вопрос о зависимости отечественной энергетики от зарубежных технологий. По данным

³⁹ См.: Грачкова И. А. Информационная безопасность АСУ ТП: возможные вектора атаки и методы защиты // Безопасность информационных технологий. Т. 25. 2018. № 1. С. 92.

⁴⁰ См.: Информационная безопасность в АСУ ТП: вектор атаки человеко-машинный интерфейс // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/340164/> (дата обращения: 06.10.2024). Эту проблему хорошо иллюстрирует факт использования в данный момент на территории РФ Межгосударственного стандарта ГОСТ IEC 60447-2015 «Интерфейс «человек-машина». Основные принципы безопасности, маркировка и идентификация. Принципы включения» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 09.10.2015 № 1510-ст). Очевидно, что за последние 10 лет произошли радикальные изменения в уровне и объеме автоматизации технологических процессов, а также в возможностях SCADA-систем. Последнее требует пересмотра действующих стандартов, поскольку они не отражают современный подход к оптимизации HMI.

отдельных авторов, в различных направлениях энергосектора доля отечественных ПО и АСУ колеблется в пределах 1–15 %⁴¹. Зачастую на рынке присутствует нерусифицированное промежуточное ПО иностранных производителей, что вызывает проблемы с метрологической аттестацией систем в целом. Данные обстоятельства также не могут не учитываться при оценке угроз информационной безопасности. Использование на объектах КИИ импортного аппаратного и программного обеспечения прямо сказывается на их кибербезопасности, поскольку импортные решения зачастую по умолчанию обладают функционалом удаленного доступа производителей к компонентам таких решений, что может использоваться для несанкционированного доступа к ним. Кроме того, зарубежные вендоры в условиях санкционной политики ограничили возможность получения обновлений и продления лицензий на используемые решения⁴².

Позитивной тенденцией в направлении реализации стратегии информационной безопасности энергетического сектора видится законодательная инициатива по обеспечению технологической независимости критической информационной инфраструктуры Российской Федерации⁴³. Для решения этой задачи законодательно закреплено понятие российского ПО, создан Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, а также установлен запрет на допуск иностранного ПО для госза-

купок⁴⁴. Энергокомпании обязаны приобретать российское программное обеспечение и электронные компоненты для внедрения интеллектуальных систем управления электрическими сетями. По данным Минэнерго, к 2030 г. доля импортного электротехнического оборудования в закупках компаний не должна превышать 5 %⁴⁵. Кроме того, к предприятиям КИИ со стороны Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) будет предъявляться дополнительный набор требований по обеспечению информационной безопасности (аутентификация, аудит безопасности, антивирусы и др.).

ФСТЭК планирует обязать предприятия ТЭК хранить информацию о киберинцидентах в течение 3 лет (сведения о дате и времени начала и окончания атаки, типе угрозы, ее интенсивности, перечне сетевых адресов, являющихся источником угроз, и мерах защиты, которые были приняты)⁴⁶. Представляется, что в совокупности с возможностями SCADA-систем хранить историю данных о работе оборудования сведения о киберинцидентах позволят более корректно выявлять слабые места в работе данных систем, проанализировать скрытые причины аварийных ситуаций, оптимизировать производственные процессы с учетом генезиса киберинцидентов. Одной из проблем является создание достаточного количества центров обработки данных — платформ для накопления и сохранения больших данных.

⁴¹ См.: *Барина В. А., Девятова А. А., Ломов Д. Ю.* Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* 2021. Т. 16. № 4. С. 126–145.

⁴² См.: *Субъектная защита* // *Коммерсантъ.* URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679041> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴³ См.: Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2022. № 14. Ст. 2242.

⁴⁴ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *СЗ РФ.* 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448 ; постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // *СЗ РФ.* 2015. № 47. Ст. 6600.

⁴⁵ См.: Минэнерго спрогнозировало срок замещения критических технологий в энергетике // *Ведомости.* URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/09/949431-srok-zamescheniya-kriticheskikh-tehnologii-v-energetike> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴⁶ См.: *Хранение данных обезопасят требованиями* // *Коммерсантъ.* URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6866086> (дата обращения: 10.10.2024).

Выводы и рекомендации

Таким образом, учитывая, что угрозы информационной безопасности объектов энергетики могут быть самыми разными (внешними и внутренними, человеческими и кибернетическими и др.), современные средства и меры по обеспечению безопасности функционирования таких объектов должны носить системный и многоуровневый характер.

1. На административном уровне деятельности энергетических предприятий данный аспект связан с внедрением передовых средств и методик в деятельность разных служб в целях решения комплексных задач по обеспечению безопасности как в отношении внешних угроз (физических, кибернетических), так и внутренних (персонала). На уровне HR-отделов это не только повышение «кибернетической грамотности» персонала предприятий, но и внедрение передовых методик скрининговых⁴⁷ проверок при отборе кандидатов на должности. Такие методики позволяют принимать взвешенные решения о том, предоставлять ли работнику доступ к источникам повышенной опасности, документации, информации ограниченного доступа и пр. На уровне IT-отделов ведущая роль в многоуровневой информационной защите объектов КИИ должна отводиться методам интеллектуального анализа угроз⁴⁸, позволяющим проводить исследования киберугроз: понять их генезис, влияние на организацию или отрасль, определять их актуальность для организации, а также предсказывать киберугрозы и разрабатывать меры проактивного реагирования на них.

2. На уровне функционирования объектов КИИ — постоянный мониторинг информации и событий в сфере безопасности; высокая степень автоматизации диагностики и учета аварийных событий; недопустимость использования беспроводного и удаленного доступа к АСУ пред-

приятия без авторизации и аутентификации; введение двухфакторной аутентификации⁴⁹; исключение неконтролируемого подключения сети АСУ к общей сети предприятия или к Интернету; использование отдельных сетей управления или сегментирование сети (разделение промышленного и корпоративного сегментов и доступа пользователей к различным сегментам); мониторинг сетевого трафика на предмет признаков подозрительной или вредоносной активности; контроль удаленного доступа и защита учетных данных пользователей; создание систем комплексной информационной безопасности и пр. Согласно ст. 3 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁵⁰ к средствам, предназначенным для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты, относятся технические, программные, программно-аппаратные и иные средства для обнаружения (в том числе для поиска признаков компьютерных атак в сетях электросвязи, используемых для организации взаимодействия объектов критической информационной инфраструктуры), предупреждения, ликвидации последствий компьютерных атак и (или) обмена информацией, необходимой субъектам критической информационной инфраструктуры при обнаружении, предупреждении и (или) ликвидации последствий компьютерных атак. Это положение предопределяет необходимость постоянного мониторинга кибербезопасности энергетических предприятий, включающего проведение аудита безопасности, выявление критических киберуязвимостей информационно-технологических систем, выработку и реализацию мероприятий по их устранению⁵¹, в частности регулярное тестирование планов реагирования на киберинциденты.

⁴⁷ Скрининг (от английского screening — просеивание, отсеивание) — это процесс проверки кандидата на должность с целью выявления факторов риска, препятствующих качественному выполнению им обязанностей и содержащих угрозы работодателю и коллективу сотрудников в целом.

⁴⁸ Например, Threat intelligence platform — платформа для организации проактивного реагирования на киберугрозы, которая позволяет собирать информацию из различных источников, накапливать ее, обогащать и обрабатывать, систематизировать, профилировать. В частности, она позволяет сортировать инциденты, представлять их в графическом интерфейсе для удобства аналитики и др.

⁴⁹ Как свидетельствует практика, в большинстве киберинцидентов доступ к инфраструктуре систем управления был получен злоумышленниками путем обычного перебора паролей.

⁵⁰ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.

⁵¹ См.: *Массель А. Г., Гуськова Д. А.* Методы и подходы к обеспечению кибербезопасности объектов цифровой энергетики // Энергетическая политика. 2018. № 5. С. 62–72.

На уровне проектирования сетей объектов КИИ, удовлетворяющих ICS-стандартам⁵², — зональное разделение ICS-инфраструктуры. В частности, в корпоративных зонах обычно находится корпоративная сеть со стандартными службами (электронная почта, печать, веб и пр.). Данная сеть обеспечивает функционирование серверов, имеющих отношение к бизнесу, рабочим станциям сотрудников. В демилитаризованных зонах (DMZ) обычно находятся вторичные сервера с архивными данными и некоторые веб- и терминальные приложения. Функция такой зоны — защита внутренней сети организации от потенциальных внешних атак. Внешний злоумышленник имеет прямой доступ только к оборудованию в DMZ, при этом внутренние сети остаются защищенными. Зона же управления процессами должна быть полностью изолирована от корпоративной зоны, а со стороны человеко-машинных интерфейсов и SCADA-серверов в зону управления процессами должен быть ограниченный доступ⁵³.

Не менее важное место в данном аспекте должно отводиться методам не только пассивной защиты (брандмауэры, антивирусное программное обеспечение, контроль доступа, установка обновлений и средств реагирования и пр.), но и активной защиты, позволяющей отслеживать злоумышленников и вредоносное программное обеспечение. К одной из разновидностей активных средств защиты в литературе относят введение полумарковских моделей⁵⁴ для анализа распространения последствий кибератак на SCADA-системы и

восстановления после атак. Надежность SCADA-систем будет рассматриваться через призму не только двух ключевых состояний (безотказная работа и отказ), но и дополнительных: нормальное состояние — состояние уязвимости — состояние взлома — состояние активной/пассивной защиты — состояние необнаружения атаки — состояние отказа. В результате реакцию системы на кибервторжения можно будет описать с учетом многофакторных переходных состояний и их взаимосвязей, что позволит более точно определить причины любого нарушения и предпринять адекватные корректирующие действия⁵⁵.

3. На уровне разработки и использования ПО для АСУ предприятий — разработка отечественного ПО с высокой степенью надежности; разработка протоколов безопасности и пр. Представляется, что в условиях современных геополитических реалий приоритет в направлении программного обеспечения объектов КИИ должен отводиться принципу не только надежности, но и автономности⁵⁶.

На административном уровне вышеуказанное положение должно обеспечиваться, с одной стороны, минимизацией административных трудностей для своевременного обновления ПО, а с другой — строгим контролем над использованием на объектах КИИ допустимого ПО. В частности, список разрешенного к использованию ПО должен утверждаться субъектом электроэнергетики, а использование программного обеспечения, не внесенного в список, не должно допускаться⁵⁷.

⁵² Система промышленного контроля (Industrial Control System, ICS) — термин, описывающий интеграцию аппаратного и программного обеспечения с сетевым подключением с целью поддержания работоспособности критически важной инфраструктуры.

⁵³ См.: Введение в безопасность систем ICS/SCADA // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/487977.php> (дата обращения: 06.10.2024).

⁵⁴ Полумарковская модель — это модель дискретно-непрерывного случайного процесса, в которой изменение времени пребывания системы в каком-либо состоянии является случайным с некоторым законом распределения, а переходы из одного состояния в другие осуществляются мгновенно с определенными вероятностями. Достоинством полумарковских моделей является их аналитический характер, а значит, возможность прогнозирования их поведения на различных временных интервалах и коррекции их параметров с учетом получаемой информации.

⁵⁵ См.: Гурина Л. А. Повышение киберустойчивости SCADA и WAMS при кибератаках на информационно-коммуникационную подсистему ЭЭС // Вопросы кибербезопасности. 2022. № 2. С. 18–26.

⁵⁶ Согласно Указу Президента РФ от 30.03.2022 № 166 с 1 января 2025 г. органам государственной власти, заказчикам запрещается использовать иностранное программное обеспечение на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктур.

⁵⁷ См.: приказ Министерства энергетики РФ от 06.11.2018 № 1015 «Об утверждении требований в отношении базовых (обязательных) функций и информационной безопасности объектов электроэнергетики при создании и последующей эксплуатации на территории Российской Федерации систем удаленного

Технологии SCADA и коммуникационные протоколы должны изначально проектироваться с учетом требований аутентификации, шифрования, утилит против вредоносных программ и других защитных механизмов с учетом современных реалий. В частности, на уровне IoT-приложений, используемых в критических инфраструктурах, — шифрование каналов связи между IoT-устройствами и системой управления; строгая аутентификация устройств (на основе паролей, цифровых сертификатов и пр.) в целях их идентификации и согласование задач, которые такие устройства должны выполнять в сети (в целях предотвращения выполнения несанкционированных команд); регулярное обновление прошивки устройств и др.⁵⁸

Представляется, что в данном направлении приоритет должен отдаваться концепции Security by Design, когда вопросы предотвращения уязвимостей решаются еще на этапе проектирования IoT-устройств путем тщательного анализа потенциальных угроз и разработки превентивных контрмер.

4. На уровне человек — машина требуется повышение эффективности взаимодействия операторов с SCADA-системами. Предпочтителен отказ от пассивного подхода в области разработки HMI, когда интерфейсы разрабатываются по уже используемым образцам⁵⁹. Представляется, что современные интерфейсы SCADA-систем должны не только обеспечивать возможность быстро и четко управлять системой, независимо от ее текущего состояния, условий окружающей среды и других факторов, но и отвечать современным принципам кибербезопасности.

Кроме того, если речь идет об использовании мобильных устройств в качестве HMI, энергетические компании должны заботиться о реализации политики безопасности мобильных устройств, задействованных в сети управ-

ления технологическими процессами: определять действия, которые эти устройства могут выполнять, и время, в течение которого эти действия разрешены; указывать, какие изменения могут быть внесены в устройство, кому разрешено вносить эти изменения и как они могут быть внесены; указывать места и коммуникационные сети, которые эти устройства могут использовать для доступа; определять, как каждое устройство может быть подключено к сети управления технологическим процессом; указывать тип данных, которые могут передаваться, и др.⁶⁰

5. На кадровом уровне — повышение цифровой грамотности пользователей киберфизических систем. В настоящее время справедливо отмечается, что существенным препятствием на пути цифровизации энергетического сектора являются неудовлетворительные навыки персонала по работе с цифровыми технологиями. Как свидетельствуют отдельные исследования, около 71 % энергокомпаний нуждаются в работниках с опытом работы с доменами и цифровыми технологиями, а 18 % не имеют в штате ни одного сотрудника с таким набором навыков⁶¹. По итогам форсайт-исследования, проведенного Российским национальным комитетом Международного совета по большим электрическим системам высокого напряжения в 2018 г. в области наиболее востребованных профессий будущего в электроэнергетике, лидерами стали: специалист по цифровым системам управления энергетических объектов (21,8 %), специалист по обеспечению кибербезопасности предприятий энергетики (21,5 %), системный инженер интеллектуальных энергосетей (16,8 %) и специалист по диагностике и управлению активами энергетических компаний (15,2 %)⁶².

6. На законодательном уровне должны получить нормативное отражение в первую очередь основные категории, относящиеся к

мониторинга и диагностики энергетического оборудования» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72176552/> (дата обращения: 11.10.2024).

⁵⁸ См.: Панин Д. Н., Бобков Е. О., Балашов Е. А. Указ. соч. С. 61.

⁵⁹ Отчасти это объясняется тем, что разработчики решений SCADA (в отличие от операторов и диспетчеров) имеют меньше опыта в отношении построения пользовательского интерфейса.

⁶⁰ См.: ГОСТ Р ИСО/МЭК 27019-2021 «Информационные технологии. Методы и средства обеспечения безопасности. Меры обеспечения информационной безопасности в энергетике (неатомной)» // Росстандарт. URL: <https://protect.gost.ru/default.aspx/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=4&month=6&year=2021&search=&id=240763> (дата обращения: 11.10.2024).

⁶¹ См.: Аполлонский С. М. Энергосберегающие технологии в энергетике в России. М. : Русайнс, 2022. С. 309.

⁶² Кадровый вопрос: энергетике не хватает универсальных специалистов / РНК СИГРЭ // URL: <http://www.cigre.ru/news/5/9968/> (дата обращения: 10.10.2024).

технологии Smart Grid, а также вопросы, связанные с разработкой технического регламента для установления на государственном уровне минимально необходимых требований и принципов построения «интеллектуальных сетей»⁶³; со стандартизацией протоколов; с введением обязательств по системам телеметрии и автоматики, а также обязательств производителей по обеспечению безопасности продукции (ПО, IoT-устройств и пр.) и предоставлению информации о рисках (потенциальных уязвимостях) и пр.

7. На уровне деятельности правоохранительных органов должны совершенствоваться технические и методические разработки в области расследования актов кибернетического вмешательства в деятельность объектов КИИ энергетического сектора⁶⁴. Однако данный аспект осложнен рядом факторов. Во-первых, относительной «молодостью» статьи 274.1 УК РФ, обуславливающей, как отмечается в литературе, ограниченность правоприменительной практики по расследованию неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) и, как следствие, отсутствие апробированных методических рекомендаций по расследованию и выявлению данных преступлений. Отчасти это объясняется тем, что преступления данной категории имеют большую латентность по сравнению с другими преступными посягательствами, предусмотренными главой 28 УК РФ⁶⁵. Так, в 2022 г. по делам о 519 зарегистрированных таких преступлениях было осуждено 57 человек⁶⁶. При этом речь идет не о профессиональных киберпреступниках, которые нанесли необратимый вред значимым объектам КИИ (ТЭК, транспортной инфраструктуры,

в области атомной энергии, металлургической, химической и другой промышленности), а о рядовых работниках предприятий, которым вменяется осуществление с использованием служебных полномочий неправомерного доступа к компьютерным системам, отнесенным к объектам КИИ. В результате, как отмечается в литературе, на скамье подсудимых по данной статье оказывались работники медицинских учреждений, обвиняемые в оформлении ложных сертификатов о прохождении вакцинации от COVID, которые воспользовались доступом к Единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ); сотрудники салонов связи, оформившие SIM-карты на чужие или вымышленные паспортные данные для выполнения плана продаж (поскольку оператор является субъектом КИИ, а автоматизированная система расчетов значимым объектом КИИ) и пр.⁶⁷

Во-вторых, у сотрудников правоохранительных органов нередко возникают проблемы, связанные с их недостаточной компьютерной грамотностью, отсутствием знаний нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность объектов энергетики, нехваткой материально-технического обеспечения и неумением им пользоваться и др.

Поэтому одной из ключевых задач современного функционирования правоохранительных органов является их кадровое обеспечение. Представляется, что классического юридического образования в реалиях цифрового социума недостаточно. Мы поддерживаем предложение Л. В. Бертовского о введении в образовательные программы дисциплин уголовно-правового профиля, отражающих технические и информационные аспекты данной

⁶³ В том числе в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I) ст. 5140).

⁶⁴ Расследование неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации находится в подследственности Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

⁶⁵ См.: Голубев Ф. А. Криминалистическая характеристика расследования неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации // Право и политика. 2020. № 10. С. 50–59.

⁶⁶ Отчасти проблема заключалась и в том, что с момента введения ст. 274.1 УК РФ на практике складывались ситуации, когда на период совершения общественно опасного деяния — вмешательства в функционирование программных или программно-аппаратных средств — данные объекты не были категоризованы и, соответственно, не были включены ФСТЭК России в реестр значимых объектов КИИ (см.: Малыгин И. И. Уголовно-правовое противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 81–82).

⁶⁷ См.: Домкин П. Критическая оценка правоприменительной практики по статье 274.1 УК РФ // Information Security. Информационная безопасность. 2022. № 4. С. 4–5.

проблематики (использование в энергетических секторах больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, возможностей робототехники и сенсорики, технологий беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности и др.)⁶⁸.

В рамках повышения квалификации работников правоохранительных органов по вопросам расследования компьютерных преступлений в сфере энергетики целесообразно задействовать не только научно-педагогический состав юридических и технических вузов, но и представителей энергетических компаний, а также IT-специалистов и судебных экспертов. Это позволит ознакомить следователей с современными методами и приемами работы специалистов разных направлений; с существующими программными и аппаратными комплексами; средствами, предназначенными для обнаружения, предупреждения и ликвидации киберинцидентов; со специализированными комплексами, предназначенными для крими-

налистического документирования цифровых сведений и их дальнейшего исследования (по типу «Мобильный криминалист»); с описанием источников угроз, типовых уязвимостей, объектов воздействия, моделей типичных нарушителей информационной безопасности, а также их деструктивных действий в отношении объектов КИИ; с разновидностями и возможностями компьютерно-технической экспертизы; с технологией функционирования объектов энергетического комплекса; с принципами работы систем безопасности объектов критической информационной инфраструктуры; с возможностями и направлениями взаимодействия с субъектами критической информационной инфраструктуры и пр.

В любом случае лишь комплексный подход к решению анализируемых проблем позволит судить об эффективности применения средств и методов выявления и пресечения угроз информационной безопасности объектов энергетического сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполлонский С. М.* Энергосберегающие технологии в энергетике в России. М. : Русайнс, 2022. 441 с.
- Баранова В. А., Девятова А. А., Ломов Д. Ю.* Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 4. С. 126–145.
- Бертовский Л. В.* О некоторых проблемах расследования преступлений, совершаемых в сфере энергетики // Криминалистические чтения на Слобожанщине : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции, Белгород, 8 октября 2021 г. / под ред. Н. А. Жуковой. Белгород : БелГУ НИУ «БелГУ», 2021. С. 3–7.
- Вериго А. А., Цапко Г. П., Каташев А. С.* Оценка уязвимостей автоматизированных систем управления технологическими процессами // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-4. С. 47–48.
- Духвалов А. П.* Кибератаки на критически важные объекты — вероятная причина катастроф // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 3. С. 50–53.
- Довгаль В. А., Довгаль Д. В.* Проблемы и задачи безопасности интеллектуальных сетей, основанных на интернете вещей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Естественно-математические и технические науки». 2017. № 4. С. 140–147.
- Домкин П.* Критическая оценка правоприменительной практики по статье 274.1 УК РФ // Information Security. Информационная безопасность. 2022. № 4. С. 4–5.
- Голубев Ф. А.* Криминалистическая характеристика расследования неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации // Право и политика. 2020. № 10. С. 50–59.
- Грачкова И. А.* Информационная безопасность АСУ ТП: возможные вектора атаки и методы защиты // Безопасность информационных технологий. Т. 25. 2018. № 1. С. 90–98.

⁶⁸ *Бертовский Л. В.* О некоторых проблемах расследования преступлений, совершаемых в сфере энергетики // Криминалистические чтения на Слобожанщине : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции, Белгород, 8 октября 2021 г. / под ред. Н. А. Жуковой. Белгород : БелГУ НИУ «БелГУ», 2021. С. 6.

Гурина Л. А. Повышение киберустойчивости SCADA и WAMS при кибератаках на информационно-коммуникационную подсистему ЭЭС // Вопросы кибербезопасности. 2022. № 2. С. 18–26.

Заединов А. В. Перспективы и вызовы цифровой трансформации российской энергетики: от оптимизации до интернета энергии // Глобальные вызовы и национальные экологические интересы: экономические и социальные аспекты : сборник материалов XVII Междунар. науч.-практ. конференции Российского общества экологической экономики (РОЭЭ/RSEE-2023). Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2023. С. 235–240.

Колосок И. Н., Коркина Е. С. Анализ кибербезопасности цифровой подстанции с позиций киберфизической системы // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2019. № 3. С. 121–129.

Корнеев А. В. Защита инфраструктуры ТЭК от новых средств кибернетического нападения. Опыт борьбы с дистанционным терроризмом // Энергобезопасность и энергосбережение. 2012. № 1. С. 5–10.

Лаврухин М. Терроризм в энергетической промышленности // Энергетическая политика. 2023. № 1. С. 24–37.

Малыгин И. И. Уголовно-правовое противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 192 с.

Массель Л. В., Воропай Н. И., Сендеров С. М., Массель А. Г. Кибербезопасность как одна из угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4. С. 2–10.

Массель А. Г., Гуськова Д. А. Методы и подходы к обеспечению кибербезопасности объектов цифровой энергетики // Энергетическая политика. 2018. № 5. С. 62–72.

Музыченко Г. Е., Музыченко В. Е., Музыченко В. В. Применение интернета вещей (IoT) в энергетике // Энергетика: управление, качество и эффективность использования энергоресурсов : сборник трудов X Всерос. науч.-технич. конференции с междунар. участием. Благовещенск, 2022. С. 286–290.

Панин Д. Н., Бобков Е. О., Балашов Е. А. Анализ кибератак на критическую информационную инфраструктуру с IoT-технологиями // Автономия личности. 2020. № 2. С. 55–64.

Пащенко И. Н., Васильев В. И. Разработка требований к системе защиты информации в интеллектуальной сети Smart Grid на основе стандартов ISO/IEC 27001 И 27005 // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 12. С. 117–126.

Пащенко И. Н., Васильев В. И., Гузаиров М. Б. Защита информации в сетях Smart Grid на основе интеллектуальных технологий: проектирование базы правил // Известия ЮФУ. Технические науки. 2015. № 5. С. 28–37.

Петухов А. Н., Густин С. Ю. Эталонная модель безопасности критических информационных инфраструктур // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. СПб. : Санкт-Петербургский гос. электротех. ун-т ЛЭТИ имени В.И. Ульянова (Ленина), 2019. Т. 1. С. 243–246.

Петухов А. Как защитить производство от киберугроз // Дайджест «Нефтегаз». 2020. № 17. С. 14–17.

Осак А. Б., Панасецкий Д. А., Бузина Е. Я. Влияние кибербезопасности объектов электроэнергетики на надежность функционирования ЭЭС // Методические вопросы исследования надежности систем энергетики : материалы Междунар. науч. семинара имени Ю.Н. Руденко. Вып. 67. Сыктывкар, 2016. С. 377–385.

Чайкин А. Чем опасны «умные» электросети // Защита информации. Инсайд. 2015. № 4. С. 40–42.

Яремчук С. Безопасность SCADA // Системный администратор. 2013. № 6. С. 44–47.

REFERENCES

Apollonskiy SM. Energy-saving technologies in the energy sector in Russia. Moscow: Rusayns Publ.; 2022. (In Russ.).

Barinova VA, Devyatova AA, Lomov DYU. The role of digitalization in the global energy transition and in the Russian energy sector. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2021;16(4):126-145. (In Russ.).

Bertovskiy LV. On some problems of investigating crimes committed in the energy sector. In: Zhukova NA, editor. *Criminalistic readings in Slobozhanshchina: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, October 8, 2021*. Belgorod: National Research University «BelSU»; 2021. P. 3-7. (In Russ.).

Chaykina A. What are the dangers of «smart» power grids. *Zashchita informatsii. Insayd*. 2015;4:40-42. (In Russ.).

- Domkin P. Critical assessment of law enforcement practice under Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Informatsionnaya bezopasnost [Information security]*. 2022;4:4-5. (In Russ.).
- Dovgal VA, Dovgal DV. Security issues and challenges of intelligent networks based on the Internet of Things. *Vestnik dygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki» [The Bulletin of the Adyghe State University Natural-Mathematical and Technical Sciences Series]*. 2017;4:140-147. (In Russ.).
- Dukhvalov AP. Cyber attacks on critically important objects are a probable cause of disasters. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2014;3:50-53. (In Russ.).
- Golubev FA. Criminalistic characteristics of the investigation of unlawful influence on the critical information structure of the Russian Federation. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2020;10:50-59. (In Russ.).
- Grachkova IA. Information security of automated process control systems: Possible attack vectors and protection methods. *Bezopasnost informatsionnykh tekhnologiy*. 2018;25(1):90-98. (In Russ.).
- Gurina LA. Increasing the cyber resilience of SCADA and WAMS during cyber attacks on the information and communication subsystem of the EES. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2022;2:18-26. (In Russ.).
- Kolosok IN, Korkina ES. Analysis of cybersecurity of a digital substation from the perspective of a cyberphysical system. *Informatsionnye i matematicheskie tekhnologii v nauke i upravlenii*. 2019;3:121-129. (In Russ.).
- Korneev AV. Protection of the fuel and energy sector infrastructure from new means of cyber attack. The experience of combating remote terrorism. *Energobezopasnost i energoberezenie*. 2012;1:5-10. (In Russ.).
- Lavrukhin M. Terrorism in the energy industry. *Energeticheskaya politika*. 2023;1:24-37. (In Russ.).
- Malygin II. Criminal law counteraction to unlawful impact on critical information infrastructure. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2023. (In Russ.).
- Massel LV, Voropai NI, Senderov SM, Mussel AG. Cybersecurity as one of the threats to Russia's energy security. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2016;4:2-10. (In Russ.).
- Mussel AG, Guskova DA. Methods and approaches to ensuring cybersecurity of digital energy facilities. *Energeticheskaya politika*. 2018;5:62-72. (In Russ.).
- Muzychenko GE, Muzychenko V Muzychenko VV. Application of the Internet of Things (IoT) in the energy sector. In: *Energy: Management, quality and efficiency of energy resources use. Proceedings of the 10th All-Russian Scientific and Technical Conference with International participation*. Blagoveshchensk; 2022. P. 286–290. (In Russ.).
- Osak AB, Panasetsky DA, Buzina EYa. The impact of cybersecurity of electric power facilities on the reliability of EES operation. In: *Methodological issues of energy system reliability research. Proceedings of the International Scientific seminar named after Y.N. Rudenko*. Issue 67. Syktyvkar; 2016. P. 377–385. (In Russ.).
- Panin DN, Bobkov EO, Balashov EA. Analysis of cyber attacks on critical information infrastructure with IoT technologies. *Avtonomiya lichnosti*. 2020;2:55-64. (In Russ.).
- Pashchenko IN, Vasiliev VI, Guzairov MB. Information protection in Smart Grid networks based on intelligent technologies: designing a rule base. *Izvestiya SFU. Tekhnicheskie nauki*. 2015;5:28-37. (In Russ.).
- Pashchenko IN, Vasiliev VI. Development of requirements for the information security system in the Smart Grid intelligent network based on ISO/IEC 27001 and 27005 standards. *Izvestiya SFU. Tekhnicheskie nauki*. 2013;12:117-126. (In Russ.).
- Petukhov AN, Gustin SYu. The reference model of security of critical information infrastructures. In: *International Conference on Soft Computing and Measurements*. St. Petersburg: St. Petersburg State Electrical Engineering LETI University after V.I. Ulyanov (Lenin); 2019. Vol 1. P. 243–246. (In Russ.).
- Petukhov AN, How to protect production from cyber threats. *Daydzhest «Neftegaz»*. 2020;17:14-17. (In Russ.).
- Verigo AA, Tsapko GP, Katashev AS. Vulnerability assessment of automated process control systems. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2016;11-4:47-48. (In Russ.).
- Yaremchuk S. SCADA security. *Sistemnyy administrator*. 2013;6:44-47. (In Russ.).
- Zaedinov V. Prospects and challenges of the digital transformation of the Russian energy sector: From optimization to the Internet of Energy. In: *Global challenges and national environmental interests: Economic and social aspects. Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference of the Russian Society for Ecological Economics (ROEE/RSEE-2023)*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN; 2023. P. 235–240. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кисленко Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ser-kislenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Kislenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ser-kislenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 27 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 22.11.2024.

Revised 27.12.2024.

Accepted 15.08.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Sorpnicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

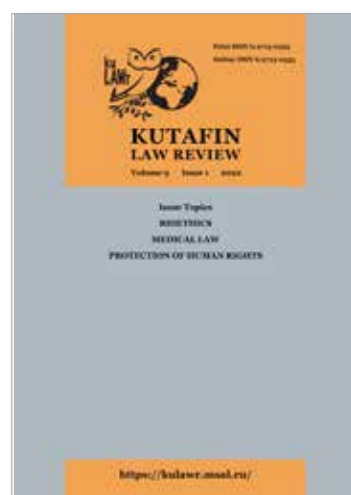
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008